



ЖАН  
БОДРИЙЯР

ИНТЕЛЛЕКТ

ЗЛА

ИЛИ ПАКТ ЯСНОСТИ



# Интеллект зла или пакт ясности

Жан Бодрийяр

Впервые опубликовано на английском языке в 2005 году.

Поддержка предоставлена Министерством иностранных дел Франции в рамках программы Burgess, возглавляемой Французским посольством в Лондоне.

Институт французских университетов Франции.

Все права защищены. Никакая часть этой публикации не может быть воспроизведена в любой форме или любыми средствами без письменного разрешения Berg. Berg является издательством Библиотеки Конгресса Оксфордских международных издателей.

Примечания и сноски внизу страницы принадлежат переводчику на английский язык – Крису Тернеру.

Примечания в скобках с пометкой «прим. пер» принадлежат переводчику на русский язык.

## Содержание:

Введение	7
Интегральная реальность	17
На окраине Реального	21
О мире в его абсолютной иллюзорности	29
Самые простые решения	34
Убийство Знака	45
Ментальная диаспора сетей	49
Мы все агностики...	56
Насилие, нанесенное изображению	59
Современное искусство: искусство как современник самого себя	67
Виртуальность и события	73
Зло и несчастье	85
Интеллект зла	96
По кому похоронный колокол политики звонит?	99
Разрушение Золотого Храма	104
«Ответный удар» дуальности	110
Линии разрушения	113
Параллельные вселенные	117
Анамнез	122

***Мы с готовностью принимаем реальное только потому, что чувствуем, что реальности не существует.***

Хорхе Луис Борхес

***Прошлой ночью мне приснился сон о реальности. Это было такое облегчение проснуться.***

Станислав Дж. Ли

# Интеллект зла

## Введение

Крис Тернер

***Роль переводчика не состоит в том, чтобы выявлять посредством комментариев намерения и коннотации автора...***

Клод Фейджес<sup>1</sup>

***Революционная эпоха - это эпоха действия; наш век – это век рекламы и публичного освещения. Ничего не происходит, но повсюду сразу же есть публичное освещение.***

Сёрен Кьеркегор<sup>2</sup>

Жан Бодрийяр родился в Реймсе в 1929 году. Среди его самых ранних опубликованных работ были обзоры литературы для «Les Temps Modernes» в то время, когда он все еще преподавал немецкий язык в провинциальном лицее и переводил произведения, в частности, Питера Вайса, Бертолта Брехта и Вильгельма Мюхльманна.

В 1960-х годах он перешел к социологии, в основном под руководством Анри Лефевра, и начал преподавать этот предмет в октябре 1966 года в (небольшом, но очень радикальном) Университете Нантерра<sup>3</sup>. В то время, когда он преподавал, как он рассказывал нам, он фокусировался почти исключительно на четырех книгах: «Театр искусства» Арто (Artaud's - Le theatre de la cmaute), «Проклятая доля» Жоржа Батая (The Accursed Share by Georges Bataille), «Очерк о даре» Марселя Мосса (Marcel Mauss's - Essay on the Gift) и «Живая валюта» (La Monnaie vivante) Пьера Клоссовского, переводчика и комментатора Ницше<sup>4</sup>. Что касается других, возможно, даже более укоренившихся, влияний, то Бодрийяр свободно говорит о своем раннем ницшеанстве и о своей встрече в школьные годы с патафизикой Джарри.

Первый период Бодрийяра как социального теоретика начался с анализа мира предметов быта и, соответственно, рекламы и средств массовой информации, в таких

---

<sup>1</sup> - «Записки о судьбе» в «Хосе Сармаго», L'annie de la mort de Ricardo Reis (Paris: Seuil, 1988), p. 9.

<sup>2</sup> - Настоящий век. Переведено и введено Александром Ду. (London: Collins, 1962), p. 36.

<sup>3</sup> - Нантерр был местом рождения «mouvement du 22 mars» («движения 22 марта»), сыгравшего заметную роль в событиях мая 1968 года. Бодрийяр покинул Нантерр в 1986 году, когда он окончательно «пришел в норму», и провел последнюю часть своей педагогической карьеры в Университете Парижа-IX Дофине. Предложение перейти в Париж-IX, видимо, поступило от Марка Гийома.

<sup>4</sup> - Фрагменты (Fragments). Переведено Крисом Тернером (London: Routledge, 2004), p. 39.

работах, как «Система объектов» (1968), «Общество потребителей» (1970) и «Критика политической экономики знака» (1972).<sup>5</sup> Это были годы журнала «Utopie», в который он внес большой вклад в период с 1967 по 1978 год, впервые опубликовав там главы из «Зеркала производства», его теоретический отказ от марксизма в качестве продуктивизма.

Эта работа, появившаяся в виде книги позднее в 1973 году и в своей критической картине затрагивающая не только марксизм, но и «текстовую производительность» «Tel Quel» (журнал) и механической производительности бессознательного Делеза / Гваттари, «решительно меняет основу его позиции от позиции традиционной концепции классовой борьбы до позиции противопоставления символического порядка семиотическому (или симуляции) порядку, составляющему современную западную культуру».<sup>6</sup> В частности, Бодрийяр ставит «антропологический» вызов борьбе Маркса за потребительскую стоимость против обменного курса, позиция, основанная, в конечном счете, на предположении, что потребительские ценности просто сохраняют человеческие потребности культурно и прозрачно.<sup>7</sup>

В «Символическом обмене и смерти» (1976), который открывается утверждением, что «На уровне современных социальных формаций больше не существует символического обмена, как организационной формы»,<sup>8</sup> Бодрийяр разбивает свою палатку на основании теории Мосса об обмене дарами и «общей экономики» Батая (а также сочинения Соссюра об анаграммах) и всерьез начинается разработка радикальной антропологии, на которой его анализ будет опираться наиболее централизованно в ближайшие годы.<sup>9</sup> Здесь он развивает свою теорию трех порядков симулякра<sup>10</sup>, утверждая, в частности, что мы вышли из индустриальной эры, в которой производство было доминирующим, в фазу с кодовым управлением, где доминирующей схемой является *симуляция*. Симуляция - это, как он говорит в другом месте, замена мира некоей заменяющей вселенной, контр-миром знаков. Что чуждо этому - и важно для символического порядка - *La reversibilite* (обратимость/обратность)

---

<sup>5</sup> - Хотя следует сказать, что «Общество потребителей» было написано по поручению от издателя, и Бодрийяр не считает эту работу представительной для своего интеллектуального пути развития в то время.

<sup>6</sup> - Майк Гейн, Жан Бодрийяр: В радикальной неопределенности, с. 13.

<sup>7</sup> - В это же время мыслители в мире антропологии подвергались аналогичной критике, хотя редко с равной степенью радикализма. См., Например, Marshall Sahlins, *Culture and Practical Reason* (Chicago and London: University of Chicago Press, 1976).

<sup>8</sup> - «L'Echange Symbolique et la mort» – «Символический обмен и смерть». (Paris: Gallimard, 1976), p. 9. Мой перевод.

<sup>9</sup> - См. Жорж Батай, «Проклятая доля: очерк общей экономики». Перевод Роберта Херли (New York: Zone Books, 1991); Марсель Мосс. «Дар: форма и причина обмена в архаичных обществах». Перевод У. Д. Холлса (Лондон: Routledge, 1990). Некоторые критикуют зависимость Бодрийяра от антропологической критики как представления ностальгического измерения в его работе (например, Джулиан Пефанис, «Гетерология и Постмодерн» [Дарем, Северная Каролина и Лондон: Duke University Press, 1991], стр. 112), но Бодрийяр всегда заинтересован развеять такое чтение. В беседе с Марией Еленой Рамос в Каракасе в 1994 году он описывает свою позицию как '*la nostalgia di une cultura non primitiva, sino radical*' («Ностальгия по культуре не примитивной, а радикальной»).

<sup>10</sup> - «Символический обмен и смерть», с. 77.

знаков, особенно жизни и смерти, свойственных символическому обмену. В рамках обратимости понимается возможность фактического *re-version* - реверсии/возврата/разворота - и под ним есть отголоски акта *re-verser*<sup>11</sup> – отплата, делать встречный дар.

В статье под названием «La pris d'otage» («Захват заложников»), также опубликованной в *Utopie*<sup>12</sup> и включенной с незначительными изменениями в «Символический обмен и смерть», политический смысл этого понимания символики раскрывается: «Невозможно уничтожить систему с помощью логики, основанной на противоречиях или путем изменения баланса сил, короче говоря, прямой диалектической революцией, затрагивающей экономическую или политическую инфраструктуру. Все, что создает противоречие или баланс сил или энергии в целом, просто возвращается в систему и приводит ее в действие»<sup>13</sup>. Следовательно,

***худшая ошибка, допущенная всеми нашими революционными стратегами, заключается в том, что они могут положить конец системе на реальном плане: то есть это воображаемая система, которую сама система навязывает им, система, которая живет и выживает только за счет того, что получая тех, кто нападает на нее, чтобы сражаться на территории реальности, на земле, которая всегда принадлежит себе***<sup>14</sup>.

Реализм вовсе не радикализм: единственное решение – это «бросить вызов системе с помощью дара, на который она не может ответить - кроме как своей собственной смертью и крахом»<sup>15</sup>. Хотя явным поводом для этого образца является террористический акт - и мы можем считать это также значительным: в политическом мышлении Бодрийяра в этот период, как и у многих его окружающих, доминируют события 1968 года и их последствия<sup>16</sup>. В работе Бодрийяра в конце 1970-х и начале 1980-х изложены последствия его видения различных областей социальной теории, в которые он тогда был вовлечен (по крайней мере номинально) в своей профессиональной жизни: сексуальность и семья, социальная сфера (где «кризис» государства всеобщего благосостояния стал ключевой проблемой) и политика<sup>17</sup>. В «Общей мажоритарной политике» (в великолепном суицидальном жесте для практикующего социолога) он предлагает как минимум четыре - не полностью совместимые - линии поддержки аргумента, что «социальный» больше не является

---

<sup>11</sup> - Если это понимается здесь в самом основном смысле передачи, как в выражении «verser une somme».

<sup>12</sup> - Март-Апрель 1976

<sup>13</sup> - Жан Бодрийяр, Веселье и полиция и другие тексты, опубликованные в *Utopie* [1967 / 78] (Paris: Sens & Tonka, 2001), p. 335

<sup>14</sup> - там же, стр. 336

<sup>15</sup> - там же, стр. 337

<sup>16</sup> - Бодрийяр говорит интервьюеру: «Май 68-го был нелогичным событием, не поддающимся моделированию, которое не имело никакого другого статуса, кроме как происходить из другого места - своего рода чистый объект или событие», и здесь чувствуются следы своего рода «Первичной сцены».

<sup>17</sup> - В то время он проводил групповой семинар в Нантерре с Жаком Донзелло, который подробно рассказывает об их сотрудничестве и различиях между ними в «*Patasociologie a l'universite de Nanterre*», L'Herne: Jean BaudriUard.

(или никогда не был) подходящей категорией для изучения: нет «социального», есть только сети символических обязательств, которые не являются социальными отношениями, поскольку налагаемое ими ограничение не принимает контрактную форму. И, что особенно важно, он также утверждает, что наши современные западные общества, существовавшие до того времени на основе «экспансии и взрыва на всех уровнях», находились на грани имплозии (взрыва вовнутрь), процесса, провозглашенного распространением терроризма в его радикальных нерепрезентативности и почти героической инерции и не-социализации символически пронизательных масс («Они знают, что освобождения нет, и что система уничтожается только путем подталкивания ее к гиперлогике...»<sup>18</sup>. С «соблазном» в 1979 году в ряду понятий, структурирующих символический порядок Бодрийяра, появляется еще один ключевой термин: «С упадком психоанализа и сексуальности как сильных структур, - пишет он, - можно мельком увидеть другую, параллельную вселенную..., вселенная, которая больше не может быть истолкована с точки зрения психических или психологических отношений, а также с точки зрения репрессий и бессознательного, но должна интерпретироваться с точки зрения игры, испытаний, дуэлей, стратегии явлений - то есть в плане соблазна.<sup>19</sup> И с этим приходит признание того, что Бодрийяр называет «верховенством объекта», признание того, что это не субъект и его желание, а объект и его обольщение, которое приказывает миру<sup>20</sup>.

По мере того, как соблазн выходит на передний план (или, по крайней мере, *La seduction*, которое не совсем семантически эквивалентно его английскому переводу), таким образом, в спиральном движении мысли Бодрийяра концепция производства вновь фокусируется и тонко мутирует в ее основной этимологический смысл продвижения вперед (*producere*), раскрытия, выведения наружу (изобличения) и чрезмерно-изобличения. Поскольку то, что чрезмерно разоблачено, является, конечно, непристойным, «поэтику» символического порядка теперь можно увидеть виртуально, чтобы вызвать оппозицию между соблазном и сценой, с одной стороны, производством и непристойностью, с другой. Эта растущая игра между концепциями является характерной и долговременной чертой Бодрийяра: поскольку в своей более

---

<sup>18</sup> - В тени молчаливого большинства. Перевод Пола Фосса, Джона Джонстона и Пола Паттона (Нью-Йорк: Semiotext (e), 1983), p. 46.

<sup>19</sup> - Соблазн. Перевод Брайана Сингера (Лондон и Бейсингсток: Macmillan Education, 1990), с. 7. Мой акцент. Излишне говорить, что это полностью постструктуралистская позиция. Этот отрывок продолжается: «Вселенная, которая больше не может быть истолкована в терминах структур и диакритических противостояний, подразумевает соблазнительную обратимость». Точно так же в «*La fin du social*» Бодрийяр пишет: «Вызов [*le defi*] не является ни диалектикой, ни конфронтацией между соответствующими полюсами или терминами в полной структуре. Это процесс уничтожения структурной позиции каждого термина, позиции субъекта каждого из антагонистов и, в частности, того, кто бросает вызов». «В тени молчаливого большинства», с. 69 (перевод изменен).

<sup>20</sup> - «Фатальные стратегии» (Paris: Grasset, 1983), p. 172. Это радикальный, беспрецедентный сдвиг, порождающий то, что один комментатор назвал «постметафизической напряженностью» в работах Бодрийяра «Следовательно, отношения субъект-объект не столько разрешаются, сколько наоборот, что создает постметафизическое напряжение ...» Хенк Остерлинг. Философия как финт. Метафора, метаморфоза и ирония в более поздних работах Жана Бодрийяра, *Liegen Voog*, 7.1, (\ 990) p. 37.

поздней работе он все больше «отдаляет» себя в качестве активного субъекта и, как он выражается, переходит на сторону объекта, это чувство поэтики (и часто ироническая) динамика внутри самого языка обеспечивает подлинность символического порядка и его различных «форм», что, таким образом, также позволяет сохранять тайну, охранять тайну<sup>21</sup> И это повторяет на другом уровне идею о том, что «символический», порядок вызова, соблазна и «игры», является не только тем, что подавляется в современных западных культурах, но также и тем, что наиболее устойчиво в них и в некотором смысле скрытый ключ к их функционированию<sup>22</sup>.

То, что мы также видим здесь, является характерным обращением к третьему понятию, которое стоит вне явно заданной дихотомии производства / уничтожения: «соблазн» - это, как бы, вариант с левого поля (Бодрийяр также говорит, что это «женское», но это другой смысл), термин, который приходит извне структуры - откуда-то еще. С этого периода понимание Бодрийяром производства мира становится все более радикальным. Существует ощущение не только того, что вся надежда на альтернативный социальный проект «развалилась», и не просто того, что «все потенциальные способы выражения» были поглощены «рекламой»<sup>23</sup>, но что, благодаря беспощадному прогрессу симуляции, создается реальность, которая сама по себе экстремальна, экстремальна при отсутствии критической дистанции, которую она предоставляет нам, во всеобъемлющей природе своей короткой замкнутой, удушающей непосредственности в реальном времени. В то же время, когда когда-то это был капитал, из-за которого все твердое стало плавиться в воздухе, теперь это процесс «разрушения каждой референции, каждой человеческой цели» - процесс, который Бодрийяр называет «сдерживанием любого принципа»<sup>24</sup> - обернулся против власти, капиталистической или другой, и превратил каждую институциональную реальность в симуляцию (и гиперреальность: вещи исчезают не благодаря их определенному отрицанию, а через движение к этому уровню «гипер»). Это мир «запредельного», мир «после»: «Прозрачность зла» (1993) начинается с части под названием «После оргии», рассматриваемая оргия «момент, когда современность взорвалась на нас, момент освобождения во всех сферах»<sup>25</sup>. В беседе с русским художником Борисом Гройсом в 1995 году Бодрийяр говорит: «Теперь нам приходится

---

<sup>21</sup> - Одним из аспектов этого является то, что канонические социологические объяснения полностью упускают суть: «В глубине души вещи никогда не функционировали социально, а символически, магически, иррационально и т. Д.» В тени великих величеств, с. 68 (перевод изменен). Пьетро Белласи давно указал на «укоренившееся поэтическое качество» теоретических работ Бодрийяра: «*se non e poesia, c'e la grana profonda e segreta della poesia*» (итал. - «Если это не поэзия, есть глубокая и тайная грань поэзии»). «Вступление» у Жана Бодрийяра, *Dimenticare Foucault* (Болонья: Cappelli editore, 1977), с. 33.).

<sup>22</sup> - В самой терминологии Бодрийяра также есть нечто устойчивое, обратимое и почти инициативное: «символический обмен» описывает порядок, в котором нет обмена; «Фатальные стратегии» - это «не совсем стратегии», а так называемое «совершенное преступление» на самом деле является преступлением совершенства.)

<sup>23</sup> - «Симулякр и симуляция». Переведено Шелой Фарией Глейзер (Энн Арбор: издательство Мичиганского университета, 1994), с. 87 (перевод изменен).

<sup>24</sup> - там же, стр. 22.

<sup>25</sup> - *Прозрачность зла* в переводе Джеймса Бенедикта (Лондон: Verso, 1993), с.3.

иметь дело с тем, что вся наша культура через симуляцию, средства массовой информации и т. д. перешла во что-то другое, в пространство за пределами конца».

И добавляет: «Вещи больше не имеют происхождения и не имеют конца, они больше не могут развиваться логически или диалектически, а только хаотично или случайно. Они становятся «экстремальными» в буквальном смысле слова - *ex terminis*. они вышли за пределы.<sup>26</sup>

Произошел радикальный взрыв, и мы выжили «за пределами», за пределами ситуации, которая могла быть понята нашими ранними категориями рациональной или диалектической мысли. В настоящее время в мире преобладает грандиозная программа тотального производства, которая сама вытесняет мир, *реализует* его в том смысле, что полностью превращает его в известную, рационально структурированную реальность, стремится произвести *полную* симуляцию, виртуальную реальность, которая стремится к тому, чтобы полностью уничтожить царство символического обмена Бодрийера.<sup>27</sup>

По мере того, как совместное нападение на символический порядок со стороны *l'information* и *l'informatique* (при.пер. – информации и информатики) обостряется, и простое «моделирование» (состояние, в котором реальность вытесняется ее моделями) уступает место гиперреальности или интегральной реальности (где события окончательно «сдерживаются»<sup>28</sup>, антропологический термин «символический обмен» уступает якобы более точному «невозможному обмену» (впервые использован

---

<sup>26</sup> - С веб-сайта Zentrum fun Kunst und Medientechnologie по случаю вручения Премии Siemens Медиа 1995 года ([http://onl.zkm.De/zltm/Stories/storyReader\\$1089j](http://onl.zkm.De/zltm/Stories/storyReader$1089j)). Обратите внимание на «*ex terminis*» здесь, которая закладывает основу для связи этого избытка с истребительной модой, точно так же, как игра Бодрийера на увелечении (*croissance*) и разрастании (*excroissance*) (рост и нарастание/разрастание), что порождает ощущение ракового заболевания.)

<sup>27</sup> - Это выходит далеко за пределы «Общества Зрелищ» Деборда. «Виртуальность отличается от зрелища, которое все еще оставляло место для критического сознания и демистификации. Мы уже не зрители, а актеры в спектакле, и актеры все больше интегрируются в ход этого спектакля. В то время как мы могли бы смотреть на нереальность мира как на зрелище, мы беззащитны перед крайней реальностью этого мира, перед этим виртуальным совершенством. На самом деле, мы находимся за пределами всякого отвержения. Это новая форма террора, по сравнению с которой ужасы отчуждения были очень мелким ходом». «Совершенное преступление». Переведено Крисом Тернером (Лондон: Verso, 1996), с. 27.

<sup>28</sup> - Или к тому, что Бодрийер иногда просто называет реальностью (хотя это самый парадоксальный, а также самый пароксистический термин, потому что это «реальность» со всей реальностью, «вытесненной» из нее (там же, с. 4). Следует подчеркнуть, хотя бы потому, что критики, которые должны знать лучше, испытывают горе по этому вопросу, что «очевидное» противостояние между «реальным» и «виртуальным» никогда не было уместным для Бодрийера, который никогда, как теоретик, не был искушен в реализме («Моя любовь, любовь к детям». *Mot. ! Passe, cassette 1: de l'object au virtuel*, Париж: Видео издания Montparnasse, 2000). В конце концов, реальность сама по себе является соглашением об «приведении в рамки», как он говорит в том же видео. А в последнем томе серии «Прохладные воспоминания» он пишет: «Никогда не верил в реальность: я слишком уважаю ее, чтобы в нее поверить». *Cool Memories V. 2000-2004* (Paris: Galilee, 2005), с. 9.

Бодрийяром в связи с ядерным сценарием 1970-х годов) и ряду вариантов понятия «судьба». <sup>29</sup> Диапазон форм, понимаемых в «символическом» (вызов, соблазн, игра, жертва, контрдар), находит объективное воплощение в кластере процессов, по-разному описываемых как фатальные стратегии, примирения, объективной иронии и последующего не-объединения, принцип зла или просто зло<sup>30</sup>.

Бодрийяр рассматривает настоящую работу «Интеллект зла» (французское название: «Le Pacte de lucidité ou l'intelligence du Mal») как заключительный текст в цикле «теория-вымысел», который включает в себя такие работы, как «Фатальные стратегии» (1983), «Америка» (1986), «Прозрачность зла» (1990), «Иллюзия конца» (1992), «Совершенное преступление» (1995), «Невозможный обмен» (1999), а также «Телеморфоза» (2001), «Дух терроризма» (2001) и «Ад власти» (2002), не говоря уже о более фрагментарной и афористической серии «Прохладные воспоминания», пятый том которой только что появился. В этих работах Бодрийяр приступил к анализу, который имеет мало общего с социологией, которая обычно узко понимается, и перешел в область теории, которую он занимает с небольшим числом других, которых он считает значимыми сегодня (список содержит имена Жижек Агамбен, Слотердаик и Вирилио, и возможно, не так уж много других) Проще говоря, эти работы представляют собой философский анализ нынешних событий и (в лучшем духе Делезья) творений и разработки концепций, с помощью которых можно «теоретизировать» их<sup>31</sup>, хотя через отношение между теорией (возможно, единственной «фатальной стратегией»<sup>32</sup>) и событиями (или не-событиями) решительно согласуется с самой теорией: метафоры двух порядков должны оставаться метафорами, понятия должны оставаться понятиями - а отношения между ними являются «символическими» отношениями *defi* – вызова.<sup>33</sup>

В этих «теориях-вымыслах» процесс «симуляции» превратился в еще более экстремальный процесс виртуализации (и неопределенности<sup>34</sup>), для которого Бодрийяр продвигает - сначала игриво, но затем с возрастающей силой - гипотезу о

---

<sup>29</sup> - «На самом деле в традиционных обществах обмен отсутствует. Символический обмен противоположен обмену. Есть порядок обмена и порядок судьбы. Forget Foucault & Forget BaudriUard, интервью с Сильвер Лотрингер (Нью-Йорк: Semiotext (e), 1987), с. 84.

<sup>30</sup> - Глянцевая «La Strategie Fatale», Бодрийяр говорит Сильвере Лотрингере: «Называете ли вы это мезью объекта или Злым Гением материи, это не представимо. Но это все равно сила. На самом деле, я бы согласился назвать это принципом зла, непримиримости, то, как добро является принципом примирения. Оно существует, оно неразрывно, оно не может быть уничтожено» (там же, с. 98).

<sup>31</sup> - В 1991 году он сказал Анне Лоран, «L'ichange symbolique et La mort» («Символический обмен и смерть») - последняя книга, которая вселяет уверенность. Все, что я пишу, считается блестящим, умным, но не серьезным. Там никогда не было никакой реальной дискуссии об этом. Я не претендую на то, чтобы быть чрезвычайно серьезным, но, тем не менее, в моей работе есть некоторые философски серьезные вещи! «Это пиво не пиво: интервью с Энни Лоран» в Mike Gane (ред.), Baudrillard Live (Лондон и Нью-Йорк: Routledge, 1993), с.189.

<sup>32</sup> - «Фатальные стратегии», с. 201.

<sup>33</sup> - «Восторг социализма», в тени молчаливого большинства (Париж: Деноэль / Гонтьер, 1982), с. 103-4.)

<sup>34</sup> - «Чтение эссе Бодрийяра со времени его книги «Соблазн» выявляет устойчивую, но не совсем последовательную попытку продумать переход к неопределенности» (Гейн, Жан Бодрийяр: В «Радикальной неопределенности», стр. 96.

том, что, поскольку мы неспособны вынести мир символического обмена (который теперь трансформируется в более философскую терминологию «иллюзии»), наш коллективный проект создания виртуальной реальности (во всех ее различных формах, включая такие технические начинания, как клонирование) должен быть понят как самоубийственный проект уничтожения человеческого рода<sup>35</sup>. Это, конечно, связано с утверждением Ницше о том, что человечество может только дублировать или уничтожать себя. Бодрийяр прямо указывает на связь также с концепцией Ницше о «витальной иллюзии». В интервью 1995 года он говорит:

***«Мир символического обмена был миром иллюзий в смысле витальной иллюзии Ницше. Эти [примитивные] общества или наши прежние общества все еще знали, как справиться с этой иллюзией. Для нас эту радикальную иллюзию трудно перенести. Мы заменяем радикальный мир иллюзий относительной ценностью симуляции. Для меня мир симуляции больше не мир отчуждения. Здесь речь идет о чем-то более похожем на то, что, возможно, является «роковой» стратегией побега из мира появления и явлений в мир симуляции, в искусственный, потенциально, виртуально совершенный мир. Сегодня симуляция принимает форму виртуальности, посредством которой мы пытаемся изобрести совершенный, идентичный самому себе мир.***

Это, конечно, то, что Бодрийяр называет совершенным преступлением, «преступлением, которое пытается стереть свои следы». <sup>36</sup> По сути, оно погружает нас в мир безграничной банальности; морально мы впали в состояние безразличия, когда мы, по ницшеанскому стилю, не «за пределами добра и зла», а там, где добро и зло находятся за пределами нас. Мы не au-delà, но en-deça, не jenseits, но diesseits (Мы не за пределами, а ниже, не по ту сторону, а с этой стороны). <sup>37</sup> «Интеллект зла или Пакт ясности» - это книга, которая ставит политические вопросы - или, по крайней мере, «надполитические», как говорит Бодрийяр <sup>38</sup> - назад на передний план. Написанная «в тени конуса событий 11 сентября», одной из ее главных проблем является глобальная власть и формы сопротивления ей: те формы, которые возрастают в отвращении к чрезмерному, профилактическому порядку добра, включая такие узнаваемые Бодрийяровские «объективные иронии» как собственные «негативные реакции»

---

<sup>35</sup> - Существует «более мягкая» версия этой мысли, в которой вся человеческая жизнь представляется экспериментальной, «безграничное экспериментирование над самими людьми». См. Telbnoorphose (Paris: Sells & Tonka, 2001), p. 9

<sup>36</sup> - Жан Бодрийяр в Gespräch mit Florian Rotzer, веб-сайт ZKM: [http://on1.zkm.de/zkm/stories/storyReader\\$1072](http://on1.zkm.de/zkm/stories/storyReader$1072). Движением, которое еще более усиливает ницшеанскую основу его позиции, Бодрийяр вписывает свою собственную историю последующих концепций реальности в знаменитый отрывок Ницше. (Gotzendammerung «Как «Реальный мир» наконец стал мифом»).

<sup>37</sup> - «За гранью добра и зла» напоминает Ницше и создает впечатление выхода за пределы этих терминов в направлении «более высокой» стадии. Но добро и зло уже покончено здесь. На глобальном свободном рынке нет времени для них. И мы стоим на этой стороне добра и зла. Вместо трансцендентности - взрыв и катастрофа. Бодрийяр дал интервью Ульриху Мюллеру-Шоллю по теме «Демократия, права человека, рынок, либерализм - это не мое дело», Франкфуртер Рундшау, 28 ноября 2002 года.

<sup>38</sup> - Говоря о *Tout Arrive (Случается всякое)*, Франция, 11 мая 2004 г.

земного шара на «глобализацию» (см. ниже). Мы вернулись сюда, в драматической форме, с реакцией системы на свое собственное совершенство, с некой насильственной прозрачностью - прозрачностью, «просвечиванием» зла. Эта фраза представляет собой характерную форму бодрийяровской (поэтической) обратимости (и сжимания). Прозрачность, как позитивная ценность в дискурсе Просвещения и одно из главных модных слов современной европейской политики, превращается (возможно, не без небольшого лингвистического фокуса) в «прозрачность зла», состояние дел, в котором, несмотря на все прекрасные слова и благие намерения, зло многократно переключаются, то есть показывает через *L'intelligence du mal* (интеллект зла) - аналогично многозначное, обратимое название: оно не только подразумевает понимание «зла» со стороны субъектов, но также может означать интеллект объекта «злого», свое собственное мировое понимание режима действия, чем обладают его наблюдатели. И под этим снова лежит чувство интеллекта со злом (фр.), в том смысле, в котором человек говорит на английском об интеллекте с врагом<sup>39</sup>.

В 2002 году Бодрийяр заметил, что «зло не перестало существовать. Наоборот, оно выросло и рано или поздно оно взорвется. Не зло с точки зрения морали, но нечто в самой реальности, которое в корне противоречит принципам рационализации мира, глобализации и т. д.»<sup>40</sup>. Но что именно Бодрийяр подразумевает под злом? Во-первых, нужно сказать, что его следует понимать не теологически как субстанцию, а метафизически как форму. Это, как говорит Бодрийяр в другом месте, «не-объединение вещей - добро, определяемое как объединение вещей в тотализованном мире», и, как таковое, оно включает для нас «все, что основано на дуальности, на диссоциации вещи, на негативе, на смерти»<sup>41</sup>.

На уровне философии истории «зло», понимаемое таким образом, играет свою роль в радикально антигегелевском видении, основанном на дуализме, агонизме первоначальной символики парадигмы обмена. В то время как для Гегеля и гегельянства, несмотря на поверхностные конфликты и противоречия, все объединяется в сторону единства и более высокого синтеза (*List der Vernunft* - принцип добра; реальное - рационально), для Бодрийяра - массивное, но поверхностное объединяющее стремление к вечному большее коммерческое, коммуникативное и морально-политическое единство в глобализации, виртуализации и гуманизме сдерживается основополагающим агонистическим дуализмом: самодвижущимся не объединением, которое является «злом», всеми единичными формами (не обязательно насильственными или террористическими), которые неснижаемы для

---

<sup>39</sup> - В «Прохладных воспоминаниях» В. Бодрийяр перечисляет ряд писателей и кинематографистов - Ницше, Клейна, Казани, Рифеншталь, Хайдеггера и Беллоу, осужденных за **интеллект со злом**, за то, что они укоренили свое мышление в форме, отличной от «универсального объяснения» и преследовали интеллектуальный курс, который не имеет ничего общего с «критическим» интеллектом, моралью или политическим разумом (стр. 132-3).

<sup>40</sup> - Miiller-Scholl, «Демократия, права человека, рынок, либерализм» (пер. с нем. - «Demokratie, Menschenrechte, Markt, Liberalismus»)

<sup>41</sup> - Пароли. Переведено Крисом Тернером (Лондон: Verso, 2003), с. 33. Критика Бодрийяра использования власти Фуко в качестве объяснительного принципа основывается на отсутствии двойственности или обратимости в рамках этой концепции. См. *Forget Foucault & Forget Baudrillard*, p. 40.

этой империи добра, процесс, посредством которого власть производит свою собственную «ретроверсию» и в которой «смысл разрушает себя»<sup>42</sup>.

Против «неотъемлемой реальности», которая предвещает подавление, отмену всех событий, устранение любой и всякой «сингулярности», события снова находятся в наступлении. Бодрийяр в последние месяцы добавил изображения, которые были получены из Абу-Граиба<sup>43</sup>, к «катастрофе» башен-близнецов (хотя катастрофически, как он говорит, он должен быть понят «в хорошем смысле», как «своего рода апокалипсис в чувство откровения»<sup>44</sup>) как свидетельство того, что события снова возможны, что наша (нереальная) реальность не является абсолютно конечным состоянием. Является ли это де симуляцией, как это было вызвано в «Иллюзии конца» (1992), когда пала Берлинская стена и история казалась на мгновение незамерзающей? Была ли вновь открыта возможность вызывающего, жертвенного контра-дара? В этот момент Бодрийяр предлагает свой «пакт ясности», и здесь слово «пакт» имеет большое значение. Пакт - это не контракт: это не вопрос наглядности - видимости законности и морали, а вопрос секретности и сговора. Там, где анализ с точки зрения политического реализма и морали неизбежно втягивается обратно в водоворот СМИ, чтобы стать частью объединяющей вселенной добра, может ли теория каким-то тайным способом, хотя и неоднозначно и опасно, представлять свой «вызов реальному»<sup>45</sup>. может ли он бросить вызов, спровоцировать и в конечном итоге удержать мир в загадочной «постметафизической напряженности»?<sup>46</sup>

---

<sup>42</sup> - Отсюда также противопоставление в этом тексте между положительным, символическим понятием зла («le mal») и отрицательным, взаимозаменяемым понятием несчастья («le malheur»), понятия, лежащего в основе всех видов требований компенсации и политико-правовая торговля.

<sup>43</sup> - См Жан Бодрийяр, 'Порнография войны', культурная политика 1, 1 (2005), стр. 23-5.)

<sup>44</sup> - Но я правильно понимаю слово «катастрофа», я имею в виду, это своего рода апокалипсис в смысле откровения...».

<sup>45</sup> - «Теоретические концепции никогда не предлагают реальной альтернативы, они бросают вызов реальному. И они должны оставаться такими, опасаясь обернуться против вас в форме ценности: суждения, в форме принципов и, в частности, того принципа реальности, который их задача уничтожить». 'L'extase du socialisme', A l'ombre des majorities silencieuses, с. 103. («Восторг социализма», «В тени молчаливого большинства»).

<sup>46</sup> - «Есть ли место для другой мысли? Другая мысль - парадоксальная мысль, которая при инверсии слов Маркса поставила бы только неразрешимые, окончательно неразрешимые проблемы? Есть ли место для такой мысли, которая вместо этого перепробовала бы все старые решения и помогла бы загадочному напряжению удержать мир? Никто не уверен. Это может быть риск, на который, думается, нужно идти: он должен рискнуть стать жертвой своих собственных пророчеств, точно так же, как история рискует оказаться в своей собственной ловушке». Бодрийяр, «Жизненная иллюзия» (Нью-Йорк: издательство Колумбийского университета, 2000), с. 57.)

## Интегральная реальность

То, что я называю Интегральной Реальностью, - это свершение в мире неограниченного оперативного проекта, в котором все становится реальным, все становится видимым и прозрачным, все «освобождается», все приносит плоды и имеет значение (в то время как это в природе значения, что не все имеет это).

При этом больше нет ничего, о чем нечего сказать.

Исчезновение Бога оставило нас перед реальностью и идеальной перспективой трансформировать этот реальный мир. И мы столкнулись с необходимостью осознать мир, сделать его технически, интегрально реальным. Теперь мир, даже освобожденный от всех иллюзий, вовсе не предается реальности. Чем больше мы продвигаемся в этом начинании, тем более двусмысленным оно становится, тем больше оно теряет знак себя. Реальность едва успела существовать и уже исчезает...

Реальность, которая изобрела себя за последние столетия и которую мы превратили в принцип, теперь умирает. Желание возродить ее любой ценой в качестве референта (ориентира) или моральной ценности является ошибкой, поскольку принцип мертв. То, что мы видим сейчас, за затмением «объективного» реального, - это рост Интегральной Реальности, Виртуальной Реальности, которая опирается на отмену регулирования принципа самой реальности.

Мы никогда не вернемся за ту слепую зону, ту несмещаемую точку, где реальное перестало быть реальным.

То, что реально, существует; это все, что мы можем сказать (но существование - это еще не все, это даже наименьшее из всего). Давайте проясним это: когда мы говорим, что реальность исчезла, дело не в том, что она исчезла физически, а в том, что она метафизически исчезла. Реальность продолжает существовать; это ее принцип мертв. Теперь реальность без ее принципа уже не та. Если по многим различным причинам принцип репрезентации, который единственный придает этому смыслу, дает сбой, то все реальное не работает. Или, скорее, оно превосходит свой собственный принцип и вступает в безудержную экспансию, более не управляемую никаким правилом. Объективная реальность - реальность, связанная со значением и представлением, уступает место «Интегральной реальности», реальности без ограничений, в которой все реализуется и технически материализуется без ориентира на какой-либо принцип или конечную цель [конечное назначение].

«Интегральная реальность» включает в себя убийство реального, потерю любого воображения реального. Воображаемое, которое мы с радостью связываем с реальным, как с его дружеской тенью, исчезает в этом же процессе. «Интегральная реальность» не имеет воображаемого. Точно так же, как освобождение больше не имеет ничего общего с игрой свободы - свободой субъекта, борющегося с самим собой, который подразумевает, среди прочего, что человек остается свободным, чтобы быть свободным (что не имеет место в нынешних обстоятельствах безусловного освобождения); Точно так же, как проверка положила конец действию истины (за истину, если она существует, нужно бороться, а проверка превращает ее в

свершившийся факт), мы перешли от реальности как принципа и концепции - к технической реализации реального и его исполнения.

И все же нет никаких больших доказательств существования этой реальности - и никогда не будет - чем есть доказательства существования Бога. Как и Бог, это вопрос веры. И когда вы начинаете верить в это, это потому, что оно уже исчезает. Когда человек больше не уверен в существовании Бога или потерял наивную веру в самоочевидную реальность, ему становится абсолютно необходимо верить в это. Мы наделили реальность всем нашим воображаемым, но именно это воображаемое исчезает, так как у нас больше нет сил верить в это. Даже воля вышла из этого. Страсть к реальности и страсть к истине прошли. Все, что остается, это долг реальности, долг истины. Отныне мы должны в это верить. Когда повсюду возникает сомнение, как результат отказа систем репрезентации, реальность становится абсолютной необходимостью; это становится основой морального порядка. Но ни вещи, ни люди не подчиняются принципу реальности или моральному императиву (необходимости).

Избыток реальности заставляет нас перестать верить в это. Насыщение мира, техническое насыщение жизни, избыток возможностей, актуализация потребностей и желаний. Как мы можем верить в реальность, когда ее производство стало автоматическим? Реальное задыхается от собственного накопления. Теперь мечта не может быть выражением желания, поскольку ее виртуальное выполнение уже существует.

Лишение мечтаний, лишение желания. И мы знаем, что психическое расстройство лишение сна вызывает.

В глубине души проблема та же, что и с «проклятой долей»: проблема излишка - не недостатка, а избытка реальности - от которого мы больше не знаем, как избавиться. Больше не существует символического разрешения излишков, кроме как в результате несчастных случаев или с помощью аномального насилия, которое, независимо от его социальных или политических определений, это всегда является вызовом этому непреодолимому ограничению нормального мира.

Осуществление, материализация, реализация, производство - это, кажется, идеальное предназначение всего, чтобы перейти от стадии возможности к стадии реальности в движении одновременного прогресса и внутренней необходимости. Все потребности, все желания, все возможности, к этой объективной санкции, к этой лакмусовой бумажке. Это тот же путь, который кажется обреченным на появление и иллюзию исчезновения перед лицом истины. Возможно, эта реальность - мечта; в этом случае реальное является частью нашего воображаемого. И реализация всего сродни универсальному исполнению желания.

Но сегодня мы переживаем переход на другую сторону (разворот), который заставляет это универсальное осуществление выглядеть как отрицательная судьба - катастрофическим испытанием правды. Избыток реальности во всех ее формах, расширение всех возможностей становится невыносимым. Ничего не осталось теперь от случайности судьбы или неудовлетворенности желания. Является ли этот поворот, эта катастрофическая инверсия эффектов сама по себе извращенным эффектом? Подпадает ли она под категорию теории катастроф?

Или это часть универсального «отыгрывания», негибкой логики обработки мира, исход которой невозможно предсказать: принятие окончательной реальности или крах этой самой реальности, обреченной на разрушение из-за ее избытка и совершенства?

Затмение Бога оставило нас напротив реальности. Куда отправит нас затмение реальности?

Имеем ли мы здесь негативную судьбу или просто отсутствие судьбы: наступление неустанной банальности, связанной с интегральным исчислением реальности? Судьба не произнесла своего последнего слова. Это можно почувствовать в самом сердце этой интегральной реализации, в основе этой силы, в той внутренней конвульсии, которая следует за ее логикой и ускоряет ее последствия, в этом злонамеренном изменении самой структуры, которая превращает позитивный пункт назначения в убийственный финал: это то, где лежит сам принцип зла и где интеллект зла должен вступить в игру.

Давайте предположим две антагонистические тенденции: Интегральная реальность: необратимое движение к тотализации мира. Двойственная форма: обратимость, внутренняя по отношению к необратимому движению реального. Кажется, что эволюция (или инволюция) по отношению к интегральной вселенной непреодолима. Но в то же время кажется, что двойственная форма неразрушима. Мы не можем догадаться, как сработает это противоречивое двойное движение. Мы сталкиваемся с конфронтацией между двойной формой и тотальной интеграцией, которая не может быть решена.

Но только на первый взгляд нет решения, так как эта конфронтация постоянно подвергается тайному распаду, инакомыслию, работающему над ним изнутри. Это глобальное насилие, присущее самой мировой системе, которое изнутри ставит «самую чистую символическую форму вызова против него. Нет никакого способа увидеть здесь примирение, и, по всей ясности, нам нечего сказать какая сила - вероятный победитель. Не из беспристрастности, поскольку тайно мы уже встали на сторону, а из осознания неизбежности этого вечного расхождения, этого непреодолимого антагонизма.

Интегрированный двигатель (привод) и двойной двигатель (привод): это Великая Игра.

Сама идея завершения, Интегральной Реальности, невыносима, но двойственная форма, форма, которая отрицает любое окончательное примирение, любое окончательное достижение, также очень трудно - и, возможно, даже невозможно - представить в своем радикализме. И все же именно в этом ясном видении бесконечной реверсии, в этом отрицании какого-либо объективного решения обоснован интеллект зла, если он существует.

Любое сомнение в реальности, ее очевидности и ее принципе считается неприемлемым и осуждается как нигилист<sup>1</sup>.

Сигнал против вас: что вы думаете о страданиях, бедствиях и смерти?

---

<sup>1</sup> - 'negationniste' - Термин «нигилист», который Бодрийяр использует здесь в общем, нейтральном смысле, ассоциируется преимущественно с отрицанием Холокоста. (Все сноски в тексте – сноски переводчика Криса Тернера).

Теперь речь идет не о том, чтобы принять сторону материального насилия или насилия по несчастью - речь идет о линии, которую вам запрещено пересекать, линии, обозначающей табу на реальности, табу даже на малейшей попытке сделать четкое разделение между добром и злом, под страхом того, что вас посчитают мерзавцем или обманщиком. Таким образом, утверждение или оспаривание реальности, принципа реальности является политическим и почти религиозным выбором, поскольку любое нарушение этого принципа является кощунственным - сама гипотеза симуляции воспринимается в глубине души как дьявольская (она начинается там, где остановилась ересь в археологии мышления зла).

Фундаменталисты реальности наделяют себя формой магического мышления, которая сбивает с толку сообщения и посланника: если вы говорите о симулякре, то вы - симулятор; если вы говорите о виртуальности войны, то вы находитесь в союзе с ней и не заботитесь о сотнях тысяч погибших. Любой анализ, кроме морального, осуждается как введенный в заблуждение или безответственный. Теперь, если реальность - это вопрос веры, и все свидетельства, которые ее засвидетельствовали, утратили свой авторитет, если реальность впала в фундаментальную дискредитацию, и ее принцип повсюду пошатнулся, то не мы, посланцы симулякра, кто ввергнул вещи в эту дискредитацию, а сама система породила эту неуверенность, которая затрагивает все сегодня - даже смысл существования.

На горизонте с появлением глобализации вырисовывается составная часть интегральной силы, интегральная реальность власти и равноценный и автоматический распад и разрушение этой власти. Драматическая форма обратимости. Этакий поворот, месть и разрушительная ирония, своего рода негативная реакция со стороны самого мира против глобализации.

Все силы, отрицаемые и изгоняемые этим самым процессом, которые, таким образом, становятся силами зла, восстают. Сама сила борется против того, чтобы стать тотальной: она переступает через все; она убирает инвестиции из себя; в конце концов, она работает тайно против самой себя.

Говорить о зле - значит описывать растущую гегемонию сил добра и, в то же время, их внутреннее колебание, их суицидальное рассыпание, их возвращение, их рост и разделение на параллельные вселенные после того, как разделительная линия Вселенной была пересечена.

## На окраине Реального

***Мы упразднили реальный мир: какой мир нам остался? Возможно, видимый? Но нет! С реальным миром мы также упразднили видимый мир!***

Фридрих Ницше

Если мы не верим, что истина остается истиной, когда мы поднимаем ее завесу, то у истины нет голого существования. И если мы не верим, что реальное остается реальным, когда мы развеяли его иллюзию, то реальное не имеет объективной реальности.

Что станет с миром, когда он освободится от истины и появления? Он становится настоящей вселенной, вселенной Интегральной Реальности. Ни истины, ни появления, а интегральная реальность. Если в прошлом мир достиг трансцендентности и если в процессе этого он попал в другие внутренние миры, то сегодня он провалился в реальность. Если в прошлом была восходящая трансцендентность, то сегодня есть и нисходящая. В каком-то смысле это второе падение человека, о котором говорит Хайдеггер: падение в банальность, но на этот раз без какого-либо возможного возвращения (спасения).

По словам Ницше, как только реальный мир потерян, в то же время, как и мир явлений, вселенная становится вселенной фактов, позитивной вселенной, вселенной «как есть», для которой больше нет нужды быть правдой. Как фактическая она так же сделана под ключ.

Фонтан Дюшана - эмблема нашей современной гиперреальности, продукт насильственного противодействия всем поэтическим иллюзиям чистой реальности, объект, «переданный» себе, замыкающий любую возможную метафору. Мир приобрел такую степень реальности, что его можно терпеть только постоянным отрицанием, с фразой «Это не мир», напоминающей «Это не труба» Магритта, - действующий как сюрреалистское самоотречение само по себе, это двойное движение абсолютной, окончательной очевидности мира и столь же радикальное отрицание этой очевидности – они доминируют на пути современного искусства. И не только траектория пути искусства, но и всех наших глубоких представлений, всего нашего ментального восприятия мира.

Это уже не вопрос философской морали, которая гласит: «Мир не тот, каким он должен быть» или «мир не тот, каким он был». Нет, мир такой, какой он есть. Как только все трансцендентное сотворено, все становится не чем иным, как тем, что оно есть, и, такими как они есть, они становятся невыносимыми. Вся иллюзия ушла от них, и они стали немедленно и полностью реальными, без тени и без комментариев. И в то же время этой непреодолимой реальности больше не существует, поскольку у нее больше нет оснований для существования, так как она больше не подлежит обмену на что-либо и не имеет противоположного термина.

«Существует ли реальность? Мы в реальном мире? - это ведущая тема всей нашей нынешней культуры. Но это просто выражает тот факт, что мы больше не можем выносить этот мир, который так подвержен реальности, за исключением радикального

отрицания. И это логично: поскольку мир больше не может быть оправдан в другом мире, он должен быть оправдан здесь и сейчас в этом мире, используя силу реальности, очищая себя от любой иллюзии. Но в то же время, благодаря самому эффекту этого контрпереноса, отрицание реального как такового растет.

Реальность, потеряв своих естественных хищников, растет как некоторые размножающиеся виды. Немного похоже на водоросли или даже на человеческую расу в целом. Реальность растет как пустыня. «Добро пожаловать в пустыню реального».

Иллюзия, мечты, страсть, безумие и наркотики, а также искусственность и симулякр - это были естественные хищники реальности. Все они потеряли энергию, словно поражены какой-то темной неизлечимой болезнью. Таким образом, мы должны найти для них искусственный эквивалент, поскольку, если мы этого не сделаем, реальность, когда она достигнет своей критической массы, в конечном итоге самопроизвольно разрушит себя, взорвется сама по себе, что фактически по сути и происходит в настоящее время, она занимается этим, уступая место Виртуальному во всех его формах.

Именно в Виртуальном мире у нас есть конечный хищник и мародер реальности, скрытый самой реальностью как своего рода саморазрушительный вирусный агент. Реальность не стала жертвой Виртуальной реальности, последнее следствие процесса, начатого с абстракции объективной реальности - процесса, который заканчивается в Интегральной Реальности. То, что мы имеем в виртуальности, больше не является внутренним миром: замена мира является тотальной; это одинаковое удвоение мира, его идеальное отражение, и вопрос решается чистым и простым уничтожением символической субстанции. Даже объективная реальность становится бесполезной функцией, своего рода тратой, которую все труднее обменивать и распространять. Таким образом, мы перешли от объективной реальности к более поздней стадии, своего рода ультрареальности, которая положила конец реальности и иллюзии.

Интегральную реальность также можно найти в интегральной музыке: то, что вы можете найти в квадрофонических пространствах или можете «сочинять» на компьютере. Музыка, в которой звуки были прояснены и очищены и которая лишена всякого шума и статичности, так сказать, восстановлена до своего технического совершенства. Звуки такой музыки уже не игра формы, а актуализация программы. Это музыка, сведенная к чистой длине волны, конечный прием которой, ощутимый эффект на слушателя, также точно запрограммирован, как в замкнутой цепи. В каком-то смысле это виртуальная музыка, безупречная и без фантазии, сливающаяся в свою собственную модель, и даже наслаждение ею является виртуальным наслаждением. Это все еще музыка? Вопрос должен быть открытым для сомнений, так как на самом деле они придумали идею ввести в нее шум, чтобы сделать ее более «музыкальной».

Сгенерированное компьютером изображение тоже похоже на это, цифровое изображение, которое полностью сфабриковано, не имеет реального референта и из которого, в отличие от аналоговых изображений, исчез сам негатив - не только негатив пленки, но и негативный момент, который лежит в основе изображения - это отсутствие, которое вызывает резонанс изображения. Техническая настройка здесь

идеальна. Здесь нет места размытости, дрожанию или случайности. Это все еще изображение?

Продвигаясь дальше в этом направлении, мы приходим к самому принципу Интегрального Человека, переработанного генетикой с прицелом на совершенство. При удалении всех случайных признаков вся физиологическая или эмоциональная патология удаляется. Потому что то, на что нацелены генетические манипуляции, - это не оригинальная формула человека, а наиболее подходящая, наиболее эффективная формула («серийный морфинг» - программа по принятию формы). Мы предвкушаем это в особом мнении Стефена Спилберга, в котором преступление предотвращено - и приговор вынесен - еще до того, как оно произошло, и мы даже не знали, произошло ли это. Застрял в зародыше в самом его воображении, в соответствии с универсальным принципом предосторожности.

Тем не менее, фильм является анахроничным, поскольку он все еще включает полицейскую деятельность, в то время как предотвращение будущих преступлений будет генетическим, внутригенным: «криминальный ген» будет удален хирургическим путем при рождении - или даже раньше - посредством некоторой профилактической стерилизации (которая очень быстро приведет к становлению довольно широко распространенным, поскольку, с точки зрения полиции, то есть власти, мы все являемся потенциальными преступниками). Эта манипуляция говорит нам точно, каким будет будущий человек. Он будет исправленным, скорректированным человеком. Он будет с самого начала таким, каким он должен был быть в идеале. Поэтому он никогда не станет тем, кем он является. Он даже больше не будет отчужден, так как он будет изменен ранее, в лучшую или в худшую сторону. Нет даже никакой опасности, что он встретит свою собственную инаковость, поскольку он с самого начала будет поглощен своей собственной моделью.

Все это основано на всеобщем процессе искоренения зла. Зло, которое когда-то было метафизическим или моральным принципом, сегодня преследуется материально вплоть до генов (а также в «Оси зла»). Это стало объективной реальностью и, следовательно, объективно устраняется. Мы сможем удалить его в корне, а вместе с ним все больше и больше мечтаний, утопий, иллюзий и фантазий - все эти вещи, будучи одним и тем же общим процессом, вырваны из возможного возвращения в реальное.

Эта абсолютная реальность также является реальностью, для денег, когда она переходит от относительной абстракции меновой стоимости к чисто умозрительной стадии виртуальной экономики. Маркс в свое время утверждал, что движение обменной стоимости было более реальным, чем просто потребительная стоимость, но в нашей ситуации, когда потоки капитала не связаны с товарным обменом, деньги становятся еще более странной гиперреальностью: они становятся абсолютными деньгами; они достигают Интегральной Реальности исчисления. Будучи уже не эквивалентом чего-либо, они становятся объектом всеобщей страсти. Тайный знак товара стал неотъемлемым фетишизмом денег.

И последнее, но не менее важное: хирургическая операция на языке (лингвистике), в результате которой в его цифровой версии исключается все его символическое измерение, то есть удаляется все, что делает его гораздо большим, чем просто то, что

оно означает... Все, что есть в нем от отсутствия и пустоты, но также и буквальности, устраняются, так же, как и негатив в изображении, сгенерированном компьютером, - все, что противостоит исключительному разъяснению. Такова Интегральная Реальность языка: теперь он означает только то, что означает.

Время само по себе, время прожито, времени больше нет. Историческое время событий, психологическое время аффектов и страстей, субъективное время суждения и воли - все это одновременно ставится под сомнение виртуальным временем, которое, без сомнения, насмешливо называют «реальным временем».<sup>2</sup>

На самом деле, не случайно, когда пространство-время называют «реальным» временным барабаном, *Echtzeit* («в реальном времени» – нем): это «подлинное» время, неотложенное время, время мгновенного присутствия, которое уже не является настоящим моментом по отношению к прошлому или будущему, но является точкой сближения и в то же время отмены всех остальных измерений. Интегральная реальность времени, которая сейчас связана только с собственной операцией: обработка времени (например, «обработка текста», «обработка войны» и т. Д.).

С этим понятием «реального времени» все измерения сузились до одного основного вопроса, до фрактальной формы времени. Разница во времени исчезла, побеждает интегральная функция: немедленное полное присутствие вещи для себя, что означает, что реальность отныне является привилегией того, что тождественно с самим собой. Все, что отсутствует у самого себя, все, что отличается от самого себя, не является по-настоящему реальным. Весь этот бизнес, конечно, чистая фантазия. Ничто и никто абсолютно не присутствует для себя, для нее самой или для него самого (или тем более для других). Так что ничто и никто не является по-настоящему реальным и реального времени не существует. Мы даже не воспринимаем солнце в реальном времени, так как скорость света относительна. И так со всем. В этом смысле реальность невысказима. Интегральная реальность - это утопия. И все же это то, что гигантской уловкой нам навязывают.

За нематериальностью технологий виртуальной реальности, цифровых технологий и экрана скрыт судебный запрет, который Маклюэн уже определил в теле- и медиаобразе: усиленное участие, интерактивные инвестиции, которые могут достичь головокружительных пропорций, которые могут доходить до «экстатического» участия, которое мы видим повсюду в кибермире. Погружение, имманентность и непосредственность - вот характеристики виртуального. Больше нет ни взгляда, ни сцены, ни воображаемого, ни даже иллюзии, больше никакого экстерьера или сцены: операционный фетиш впитал все появление, вернул всю внутренность, впитал само время в действии реального времени. Таким образом, мы приближаемся к миру, который полностью реализован, который осуществляется и идентифицируется как таковой, но он не ближе к тому миру, как он есть, который является чем-то совершенно другим.

---

<sup>2</sup> – Эта фраза у Бодрийера в оригинале на английском языке: «Time itself, lived time, no longer has time to take place. The historical time of events, the psychological time of affects and passion, the subjective time of judgement and will, are all simultaneously called into question by virtual time, which is called, no doubt derisively, 'real time'»

Ибо мир как он есть это порядок появлений, если не действительно интегральной иллюзии, так как его невозможно представить.

Две гипотезы об этой роковой стратегии трансформации мира в чистую информацию, клонирования реального посредством виртуальной реальности, замены технической искусственной вселенной на «естественный» мир.

Первая - это гипотеза о радикальной иллюзорности мира, то есть о невозможности обменять мир на какую-либо окончательную истину или цель. Как бы то ни было, мир не имеет причинного объяснения или возможного представления (любое зеркало, каким бы оно ни было – это часть мира). То, для чего нет ни смысла, ни определенной причины, является иллюзией. Поэтому мир обладает всеми характеристиками основательной иллюзии. Однако для нас, какой бы ни была ее метафизическая красота, эта иллюзия невыносима. Отсюда необходимость производить все возможные формы симулякра значения, трансцендентности - вещи, которые маскируют эту изначальную иллюзию и защищают нас от нее.

*Таким образом, симулякр - это не то, что скрывает истину, а то, что скрывает отсутствие истины.*

Именно в этой перспективе изобретение реальности имеет свое место. В тени реальности этой причинно-следственной и имитационной модели возможен обмен миром, поскольку он определяется объективными законами.

Вторая гипотеза: мир был нам дан. Теперь, в соответствии с символическим правилом, когда нам что-то дают, мы должны быть в состоянии вернуть это.

В прошлом мы могли так или иначе благодарить Бога или какой-то другой орган; мы могли бы ответить на дар жертвой. Но теперь, когда вся трансцендентность исчезла, у нас больше нет никого, кого бы можно было поблагодарить. И если мы ничего не можем дать в обмен на этот мир, это недопустимо.

Именно по этой причине мы вынуждены ликвидировать мир природы и заменить его искусственным миром - миром, построенным с нуля и за который мы не будем ни перед кем отвечать. Отсюда и гигантское стремление уничтожить мир природы во всех его проявлениях. Все, что является естественным, будет отвергнуто в более или менее долгосрочной перспективе благодаря этой принудительной замене. Виртуальное появляется здесь как окончательное решение невозможного обмена миром. Но само по себе это не решает вопроса, поскольку мы никогда не избежим этого нового долга, заключенного в данном случае с самими собой. Как нам освободиться от этого технического мира и этого искусственного всемогущества?

Здесь, опять же, из-за желания быть способным поменять мир обменять его (на что?) мы должны разрушить или отрицать его. Это объясняет, в то же время, когда мы прогрессируем в создании этой искусственной вселенной, огромный отрицательный контрперенос против этой Интегральной Реальности, которую мы создали для себя. Глубокое отрицание, которое присутствует везде сегодня. Так что мы не знаем, что в итоге победит, это непреодолимое техническое начинание или насильственная реакция на него. В любом случае, начинание никогда не бывает завершенным.

Мы никогда не заканчиваем делать добро пустотой правды. Отсюда полет вперед во все большее количество симулякров. Следовательно, изобретение все более искусственной реальности, такой, что больше нет ничего противостоящего ей или какой-либо идеальной альтернативы ей, больше нет зеркала или негатива. С самой последней Виртуальной Реальностью мы вступаем в заключительную фазу этого предприятия симуляции, которая заканчивается на этот раз искусственным техническим производством мира, из которого исчезли все следы иллюзии.

Мир настолько реальный, гиперреальный, оперативный и запрограммированный, что ему больше не нужно быть правдой. Или скорее, это правда, абсолютная правда, в том смысле, что ничто больше не противостоит такому миру. Здесь мы имеем дело с абсурдом абсолютной истины, где не хватает лжи, - как абсолютное добро, где не хватает зла, позитив, где не хватает негатива.

Если изобретение реальности заменяет отсутствие истины, то, когда самоочевидность этого «реального» мира становится в целом проблематичной, не означает ли это, что мы ближе к отсутствию истины - то есть к миру как есть? Мы, безусловно, все дальше и дальше отдаляемся от решения, но все ближе и ближе к проблеме. Для мира не реально. Это стало реальностью, но это уже не так. Но он также не виртуален - хотя и на пути к тому, чтобы стать таким.

Именно против того мира, чтобы он стал полностью функциональным, объективным и безальтернативным, то что отрицание реальности, избегание реальности производит. Если мир должен быть взят *en bloc* (фр. - скопом), то в этот момент мы отвергаем его *скопом*. Другого решения нет. Это отторжение, отказ, похожий на биологический отказ от инородного тела.

Именно своего рода инстинктом, своего рода жизненной реакцией мы восстаем против этого погружения в заверченный мир, в «Царство Небесное», в котором настоящая жизнь приносится в жертву гиперреализации всех ее возможностей, ее оптимальной производительности, во многом то, как вид сегодня приносится в жертву своему генетическому совершенству. Наша негативная аберрация является продуктом нашей повышенной чувствительности к идеальным условиям жизни, предоставленным нам.

Эта совершенная реальность, которой мы жертвуем всякой иллюзией ради того, чтобы вся надежда осталась на пороге Ада, является, очевидно, призрачной реальностью. Мы страдаем от этого точно так же, как и от фантомной конечности. И все же, как Ахав говорит в «Моби Дике»: *«И если я все еще чувствую боль в моей раздробленной ноге, когда она давно уже распалась на элементы, почему бы тогда и тебе, плотник, даже без тела не чувствовать вечных мук ада? А?»*<sup>3</sup>

В этой жертве нет ничего метафорического. Это, скорее, порядок хирургической операции, которая, кроме того, становится чем-то вроде источника удовольствия для себя: «Человечество, которое когда-то в Гомере было объектом созерцания для олимпийских богов, теперь стало человечеством для себя. Его самоотчуждение

---

<sup>3</sup> - Герман Мелвилл, Моби Дик.

достигло той точки, когда оно может испытать свое собственное уничтожение как высшее эстетическое удовольствие»<sup>4</sup>.

Фактически, одна из возможностей - это самоуничтожение – исключительная возможность в том смысле, что это вызов всем остальным.

Двойная иллюзия: объективная реальность мира, объективная реальность субъекта - которые преломляются в одном зеркале и сливаются в одно и то же основополагающее движение нашей метафизики. Мир, со своей стороны, вовсе не объективен и, скорее, можно сказать, что он принимает форму «странного центра притяжения». Но так как соблазн мира и явлений опасно, мы предпочитаем обменять его на его операционный симулякр, его искусственную правду и *автоматическое писание*. Однако сама эта защита опасна, поскольку все, что мы используем для защиты от этой жизненной иллюзии, всей нашей стратегии защиты, функционирует как настоящая броня персонажа и само становится невыносимым.

В конце концов, именно странность мира является фундаментальной, и именно эта странность противостоит статусу объективной реальности. Точно так же, это наша странность для нас, которая является фундаментальной и противостоит статусу субъекта. Дело не в сопротивлении отчуждению, а в сопротивлении самому статусу субъекта.

Во всех этих формах отрицания, голосов против и отвращения то, что происходит, не является диалектикой негатива или «работой негатива». Это уже не вопрос критической мысли о реальности, а подрыв реальности в его принципе, в самой его самоочевидности. Чем больше позитива, тем более насильственным является - возможно, молчаливое - отрицание. Все мы сегодня являемся диссидентами реальности, большую часть времени скрытыми диссидентами. Если мысль нельзя обменять на реальность, то немедленное отрицание реальности становится единственным мышлением, основанным на реальности.

Но это отрицание не ведет к надежде, как сказал бы Адорно: «Надежда, возникающая из реальности, из-за борьбы с ней, чтобы отрицать ее, является единственным проявлением ясности». Неважно, хорошо это или плохо.

Надежда, если бы у нас все еще она была, была бы надежда на интеллект - для понимания - добра. Теперь то, что мы оставили, - это интеллект зла, то есть интеллект не критической реальности, а реальности, которая стала нереальной благодаря позитивности, которая стала спекулятивной благодаря симуляции. Поскольку это существует для того, чтобы противостоять пустоте, целому предприятию симуляции и информации, это ухудшение реального и знания реального просто порождает все большую неопределенность. Само изобилие и безжалостность просто распространяет панику. И эта неопределенность не подлежит восстановлению, поскольку она состоит из всех возможных решений.

---

<sup>4</sup> - Вальтер Бенджамин, «Произведение искусства в эпоху его воспроизводимости»

Неужели мы бесповоротно пленники этого переноса реального в тотальный позитив и столь же массивный контрперенос, который стремится к его чистому и простому отрицанию?

В то время как все ведет нас к этому тотальному реальному, *мы, скорее, должны вырвать мир из принципа реальности*. Ибо именно эта путаница скрывает от нас мир таким, какой он есть, то есть, в сущности, мир как единичность.

Итало Свево: «Поиск причин - это огромное недоразумение, глубоко укоренившееся суеверие, которое не дает вещам, событиям происходить такими, какие они есть». Реальное имеет порядок общности; мир имеет порядок сингулярности. То есть абсолютной разницы, радикальной разницы, чем-то более отличным, чем различие, - как можно дальше перемещение от этой растерянности мира и его двойственности.

Что-то окончательно сопротивляется нам, что-то, кроме правды или реальности.

Что-то противостоит всем нашим попыткам ограничить мир последовательностью причин и следствий. Существует другая реальность (у большинства культур даже нет этой концепции). Нечто из так называемого «реального» мира, что-то неприводимое, связанное с изначальной иллюзией и невозможностью дать миру, поскольку он является каким-либо конечным смыслом.

***Желание, знание и чувство неразрывно связаны. Но, возможно, есть способ двигаться по миру, отличающийся от следования нитям реального.***

Роберт Мусил

## О мире в его абсолютной иллюзорности

Изобретение Реальности, неизвестное другим культурам, является работой современного западного Разума, поворота к Вселенскому. Поворот к объективному миру, лишенному всех внутренних миров. Конкретизируя, проверяя, объективируя, демонстрируя: «объективность» - это захват реальности, которая вынуждает мир столкнуться с нами, избавляя его от любого тайного соучастия, любой иллюзии. Мы всегда представляем Реальное как нечто, с которым сталкиваются. Мы всегда думаем о себе как том, кто столкнулся с Реальностью. Ну, здесь нет столкновения лицом к лицу. Здесь нет объективности. И никакой субъективности тоже нет: двойная иллюзия. Поскольку сознание является неотъемлемой частью мира, а мир является неотъемлемой частью сознания, я думаю о нем, и он думает обо мне.

Нужно только отразить это, даже если объекты существуют вне нас, мы абсолютно ничего не можем знать об их объективной реальности. Потому что вещи даны нам только через наше представление. Верить, что эти представления и ощущения определяются внешними объектами, является дальнейшим представлением. «Вопрос о том, существуют ли вещи вне нас и видим ли мы их, абсолютно бессмысленен. Вопрос почти такой же абсурдный, как и вопрос о том, действительно ли синий является объективно синим» (Георг Кристоф Лихтенберг).<sup>5</sup>

Это то, что мы окончательно не можем судить. Мы можем представлять себе только объективную реальность, без предсуждения ее объективности. Если такие объекты существуют вне нас, мы ничего о них не можем знать, и о них нечего сказать ...

Задача философии состоит в том, чтобы разоблачить эту иллюзию объективной реальности - ловушки, которая в некотором смысле заложена для нас природой. «Ничто так явно не раскрывает превосходящий ум человека, как то, что он смог разоблачить природу в тот момент, когда она пыталась обмануть его» (Лихтенберг).<sup>6</sup> Но на этом философия останавливается - при окончательном признании иллюзорности мира. То есть в тот момент этот объект, это нечто, это ничто, о котором больше нечего сказать.

Таким образом, философская идея проста и радикальна: это идея фундаментальной иллюзии, нереальности «объективного» мира.

Это представление, это суеверие объективной реальности, которое нам дается зеркалом обычного воображения, само является частью общей иллюзии мира, частью которой мы являемся одновременно с тем, как мы являемся его зеркалом. Существует не только иллюзия реального мира, но и реального субъекта представления - и две иллюзии, объективная и субъективная, являются взаимосвязанными.

В этом и заключается тайна.

---

<sup>5</sup> Там, где мне удалось отследить фрагменты из работы Лихтенберга, я сослался на них, используя систему классификации, установленную в шеститомном издании, опубликованном У. Промисом (Мюнхен: Хансер, 1968-92).

<sup>6</sup> Fragment H 151.

Поскольку мир не существует для того, чтобы мы его знали, он никоим образом не предназначен для знания. Однако знание само по себе является частью мира, хотя и является частью *мира в его глубокой иллюзорности, которая заключается в отсутствии необходимости в отношении к знанию.*

Это чудо: этот фрагмент мира, человеческое сознание, присваивает себе привилегию быть его зеркалом. Но это никогда не приведет к объективной истине, поскольку зеркало является частью объекта, которое оно отражает. Нынешние микронауки осознали эту категорическую иллюзию, которая является не иллюзией объективной неистины (которая все еще имела бы авторитет реальности для себя), но запутыванием двух иллюзий, объективной и субъективной, их неразрывное соучастие, которое должным образом предотвращает любое метафизическое отражение мира мыслью. Это ловушка природы для нас.

Дилемма, которая заключается в невозможной эквивалентности, невозможной корреляции между объектом и его «объективным» представлением, возникает в результате этой цикличности, этой обратимости процесса, который больше не может называться представлением. И это неразрешимо, потому что обратимость существует с самого начала. Это фундаментальное правило. «Невозможно, подвергнутся влиянию какого-то другого, не имея этого эффекта взаимно. Каждый эффект изменяет объект, который является его причиной. Нет диссоциации субъекта и объекта - и никакой оригинальной идентичности - есть только неразрывная взаимность» (Лихтенберг).

Обратимость себя и мира:

*«Все происходит в мире себя. Это «я», внутри которого все разворачивается, в этом отношении напоминает космос физики, к которому также принадлежит «я», которым этот космос мысленно появился в нашем представлении. Итак, круг завершен»* (Лихтенберг).

Круг, представляющий собой бесконечное встраивание, в котором субъект не может претендовать на определенную позицию где-либо, и в котором объект также не локализуем как таковой.

То, что мы имеем здесь, можно сказать, что это не столько форма отчуждения, сколько вечное становление объектом субъекта, вечное становление субъектом объекта. Еще раз, мир не существует для того, чтобы мы его знали или, точнее, само знание является частью иллюзии мира - и это далеко не протест: оно здесь, в этой неразрешимой близости в том, в которой лежит секрет мысли. Это тот самый принцип мира, который думает нас. Вопрос о том, существует ли объективная реальность, даже не возникает: интеллект мира - это интеллект мира, который нас думает.

Это созданный объект, который думает нас, и который иногда думает лучше, чем мы, и быстрее, чем мы: который думает нас, прежде чем мы это подумали. Эта парадоксальная сущность человека, который, хотя и является неотъемлемой частью природы, все еще пытается понять, каким он может быть за пределами этого состояния принадлежности, напоминает нам о том, что Ницше говорит в своей метафоре о зеркале: «Когда мы пытаемся исследовать зеркало само по себе, мы в конце концов не

обнаруживаем ничего, кроме вещей на нем. Если мы хотим постичь вещи, мы наконец не получаем ничего, кроме зеркала. Это, в самых общих чертах, история знаний»<sup>7</sup>.

Эта умозрительная пропасть еще больше углубляется, если мы переместимся от зеркала к полному экрану Виртуальной Реальности. На этот раз ловушка объективной реальности для нас заложена не природой, а цифровой вселенной, которая ставит нас в ловушку гиперобъективности, интегрального исчисления, в котором упразднена сама игра зеркала и его объектов - последний олицетворение философского идеализма. В то же время он ставит безвозвратный конец этой гиперобъективности, поскольку сам принцип представления скрывается за счет вычисления и цифровой генерации операций. В результате все, что остается, - это занять это не-место, это выдающееся пустое пространство представления, то есть экран.

Все это следует за неким головокружительным вихрем, как будто эта растущая абстракция, этот рост интегральной гиперреальности сами по себе являются реакцией на гиперчувствительность к определенным окончательным условиям.

Но каковы окончательные условия?

Реальность тогда будет лишь мимолетным решением.

На самом деле, она просто пришла на смену другим, таким как религиозная иллюзия во всех ее проявлениях. Эта истина, эта рациональность, эта объективная реальность, которую мы взяли в обмен на религиозные ценности, представляя, что мы окончательно вышли за их пределы, - это всего лишь разочарованный наследник тех же религиозных ценностей. Совершенно не кажется, что получалось по-настоящему победить, как это происходит, и при этом не кажется, что трансцендентное решение полностью прошло и ушло, или что Бог мертв, даже если мы сейчас имеем дело только с его метастазами.

Возможно, это решение было просто затмением, и оно выходит из своего затмения в ответ на это усиление реальности, на увеличение все более реального, все более светского мира, в котором нет возможности искупления. Реальность также является внутренним миром и замещающей иллюзией, и на самом деле мы живем в этом «реальном» мире, как во внутреннем мире. Просто нам удалось договориться об этом таким образом, чтобы обойтись без рая и ада (хотя и не без долга и вины, за которые мы теперь несем ответственность перед собой). Мы выиграли или проиграли в сделке? Там нет ответа. Мы обменяли одну иллюзию на другую, и оказалось, что материальная, объективная иллюзия, иллюзия реальности столь же хрупка, как иллюзия Бога, и больше не защищает нас, как только эйфория науки и Просвещения миновали от фундаментальной иллюзии мира и его отсутствия правды.

Фактически, эта светская, десакрализованная реальность постепенно стала бесполезной функцией, фикцию которой мы отчаянно пытаемся спасти (как когда-то

---

<sup>7</sup> - Рассвет: мысли о предрассудках морали. Перевод Р. Дж. Холлингдейла с введением Майкла Таннера (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), p. 141.).

мы пытались спасти существование Бога), но от которой, в глубине души, мы не знаем, как избавиться.

Вот где наступает последняя фаза предприятия (задумки). Учитывая бессилие реальности преодолеть разрыв, который отделяет нас от мира, и неразрешимую загадку, которую она представляет для нас, нам пришлось перейти на более позднюю стадию - виртуальную, виртуальную реальность, высшую стадию симуляции, стадию окончательного решения путем улетучивания мирового вещества в нематериальное царство и набора стратегических расчетов. Бог, который когда-то присутствовал, но также отсутствовал во всех вещах, теперь циркулирует в артериальной сети компьютеров. Игра трансцендентности окончена, парадоксальная игра присутствия и отсутствия. То, что остается, является неотъемлемой формой реальности, операторами которой мы все являемся.

То, что до сих пор было просто относительным идеализмом, уступает место абсолютному идеализму, идеалу новых компьютерных технологий, в котором хрупкое равновесие субъекта и объекта сметено, и его место занимает полная абстракция. Это самый конец иллюзии объекта и, следовательно, философии, которая, в конце концов, определила себя этим моментом, после которого ей больше нечего было сказать. Впредь вопрос больше не возникает, поскольку сейчас нет даже субъекта, который мог бы его поставить. Само положение субъекта затмевается в этом интегральном функционировании.

На самом деле мы находимся в чистой патафизике, патафизика, с одной стороны, наука о мнимых решениях, а с другой - единственная известная попытка перейти к интегральной метафизике, метафизике, в которой феноменальный мир определенно трактуется как иллюзия. Теперь, это как раз то, с чем мы столкнулись с ХХХ фазой реальности, к которой мы пришли... Объективная реальность соответствовала горизонту метафизики. Интегральная Реальность соответствует патафизической сфере. Нет более изумительного воплощения Интегральной Реальности, чем Убу. Убу является самым символом этой плеторической реальности и в то же время единственным ответом на эту Интегральную Реальность, единственным решением, которое действительно воображаемо в своей жестокой иронии, в ее гротескной полноте. Огромный спиральный живот Па Убу - это профиль нашего мира и его пуповинная гробница. Мы еще не закончили с патафизикой, той наукой, которая «символически приписывает своим чертам свойства объектов, описанные в их потенциальности» (Alfred Jarry).<sup>8</sup>

Но игральная кость не брошена, поскольку, хотя реальное растет в результате нарушения символического пакта между существами и вещами, этот разрыв, в свою очередь, порождает стойкое сопротивление, отказ от объективного мира, отдельный мир. В глубине души никто не желает этого объективного отношения лицом к лицу, даже в привилегированной роли субъекта. Что связывает нас с реальным, так это контракт реальности. То есть формальное осознание прав и обязанностей, связанных с реальностью. Но то, к чему мы стремимся, - это соучастие и двойственная связь с

---

<sup>8</sup> - Альфред Джарри, «Подвиги и мнения доктора Фаустро», «Патафизик», Книга II, Глава 8 (1907). Мой перевод.

существами и вещами – договор (пакт), а не контракт. Отсюда и искушение осудить этот контракт, а также вытекающий из него социальный контракт. Против морального контракта, связывающего нас с реальностью, мы должны заключить пакт об интеллекте и ясности.

Сказав это, на грани этого драматического изменения, мы все еще можем задать вопрос:

Конец истории все еще является историческим фактом?

Является ли исчезновение реальности все еще реальным фактом?

Нет, это совершённый факт, и, несмотря на совершённые факты, это не объективность, а неповиновение. Мы должны бросить вызов реальности, как мы должны бросить вызов любому завершённому факту.

## Самые простые решения

Гипотеза об объективной реальности оказывает такое влияние на наши умы только потому, что это, безусловно, самое простое решение.

*Лихтенберг: «То, что ложная гипотеза иногда предпочтительнее точной гипотезе, подтверждается доктриной о свободе человека. Человек, без сомнения, несвободен. Но человеку требуется глубокое философское изучение, чтобы не сбиться с пути из-за такого понимания. Едва ли у одного из тысячи есть необходимое время и терпение для такого изучения, и из этих сотен только один обладает необходимым интеллектом. Вот почему свобода является наиболее удобной концепцией, и в будущем она останется самой распространенной, поэтому появление ее поддерживает.»<sup>9</sup>*

Точная гипотеза состоит в том, что человек рождается несвободным, что мир рождается неправдивым, необъективным, нерациональным. Но эта радикальная гипотеза окончательно не поддается доказательству, не поддается проверке и, в некотором смысле, невыносима. Отсюда и успех противоположной гипотезы самой простой гипотезы. Субъективная иллюзия: о свободе. Объективная иллюзия: о реальности. Так же, как вера в свободу - это просто иллюзия бытия причиной собственных поступков, так и вера в объективную реальность - это иллюзия поиска первопричины явлений и, следовательно, введения мира в порядок истины и разума.

Отчаиваясь от противостояния инаковости, соблазна, двойственного отношения и судьбы, мы изобретаем самое простое решение: свободу. Во-первых, идеальная концепция борьбы субъекта со своей свободой. Тогда де-факто освобождение, безусловное освобождение - высшая стадия свободы. Мы переходим от права на свободу к категорическому императиву освобождения. Но и на этом этапе происходит та же насильственная эмоциональная реакция: мы всячески избавляемся от свободы, даже заходим так далеко, что изобретаем новые порабощения.

Отчаиваясь перед лицом неопределенности и радикальной иллюзии, мы изобретаем самое простое решение: реальность. Сначала объективная реальность, затем интегральная реальность - высшая ступень реальности. Этой высшей стадии соответствует столь же радикальное отречение от той же самой реальности. Насильственное нарушение Интегральной Реальности - отрицательный контрпереход.

Отчаиваясь от цели, спасения или идеала, мы придумываем для себя самое простое решение: счастье. Здесь мы снова начинаем с утопии - идеала счастья - и заканчиваем достигнутым счастьем, высшей стадией счастья. Та же самая неприязнь к целостному счастью, как к целостной реальности или свободе: все это невыносимо. В конце концов, побеждает противоположная форма несчастья, идеология жертвы.

Будучи неспособными принять мысль (идею, что мир думает нас, интеллект зла), мы изобретаем самое простое решение, техническое решение: искусственный интеллект. Высшая ступень интеллекта: интегральное знание.

---

<sup>9</sup> – Фрагмент J 278.

На этот раз отказ возникнет, возможно, из-за сопротивления самих вещей их цифровой прозрачности или из-за отказа системы в форме крупной аварии.

Против всех суверенных гипотез ранжируются самые простые решения. И все самые простые решения приводят к катастрофе.

Против гипотезы неопределенности: иллюзия правды и реальности.

Против гипотезы судьбы: иллюзия свободы.

Против гипотезы зла [Mal]: иллюзия несчастья [Malheur].

Против гипотезы мысли, иллюзии искусственного интеллекта.

Против гипотезы события: иллюзия информации.

Против гипотезы становления: иллюзия изменения.

Каждое простое решение, доведенное до крайности - интегральная реальность, интегральная свобода, интегральное счастье, интегральная информация (высшая степень интеллекта, высшая степень реальности, высшая степень свободы, высшая степень счастья) - находит отклик в насильственной эмоциональной реакции: отречение от реальности, отречение от свободы, отречение от счастья, вирусы и дисфункции, спектральность в реальном времени, психическое сопротивление; все формы тайного отталкивания в отношении этой идеальной нормализации существования. Это доказывает, что в каждом из нас все еще существует, противостоящий универсальному благославлению, интеллект зла.

Свобода? Мечта! Все стремятся к этому или, по крайней мере, производят впечатление страстного желания. Если это иллюзия, это стало витальной иллюзией. В морали, нравах и менталитетах это движение, которое, кажется, далеко выходит из глубин истории, ведет к безвозвратному освобождению. И если некоторые аспекты могут показаться чрезмерными или противоречивыми, мы все равно испытываем головокружительные ощущения от этого освобождения.

Лучше: вся наша система превращает это освобождение в обязанность, моральное обязательство - до такой степени, что трудно отделить это освободительное принуждение от «естественного» стремления к «естественному» требованию свободы.

Теперь ясно, что, когда речь идет о всех формах подневольного состояния, каждый хочет отбросить их; где затрагиваются все формы ограничений - физические ограничения или ограничения закона - все хотят быть свободными от них. Это настолько жизненно важная реакция, что в конце концов едва ли возникает какая-либо потребность в идее свободы для ее выражения.

Вещи становятся проблематичными, когда возникает возможность для субъекта быть ответственным исключительно за себя в недифференцированной вселенной. За этим символическим несоблюдением указывается общая дерегуляция. И именно в этой вселенной свободных электронов - свободно становящихся чем-либо в системе обобщенного обмена - мы видим растущий и одновременно противоположный импульс, сопротивление этой доступности всем и всему, что столь же глубоко, как и

стремление к свободе. Страсть к правилам любого рода, равным страсти к дерегулированию.

В антропологических глубинах вида потребность в правилах столь же фундаментальна, как и требование быть свободными от них. Никто не может сказать, что является более основным. После долгого периода возрождения процесса освобождения мы можем видеть воскрешение всех тех движений, которые все более устойчиво сопротивляются безграничному освобождению и полному иммунитету. Стремление к правилам, которое не имеет ничего общего с подчинением закону. Можно даже сказать, что это прямо противоречит ему, поскольку, хотя закон является абстрактным и универсальным, правило, со своей стороны, является двусторонним обязательством. И это не порядок закона, не обязанность, не морально-психологический закон.

Всюду расцененное как абсолютное продвижение человечества, и с печатью, установленной на нем правами человека, освобождение начинается с идеи естественного предопределения быть свободным: быть "освобожденным" освобождает человека от первоначального зла, восстанавливает счастливую цель и естественное призвание к ней. Это наше спасение, настоящее крещение современного, демократического человека.

Теперь это утопия.

Этот импульс разрешить амбивалентность добра и зла и перепрыгнуть через свою тень в абсолютную позитивность - это утопия. Амбивалентность является окончательной, и освобожденные вещи освобождаются в полной амбивалентности. Вы не можете освободить добро без освобождения зла. Иногда зло даже быстрее, чем добро, как часть одного и того же движения. Во всяком случае, то, что мы имеем здесь, это дерегулирование обоих.

Освобождение открывает безграничный рост и ускорение.

Как только этот критический порог пройден (этот фазовый переход, как и в физическом мире), вещи начинают плавать - время, деньги, секс, производство - в головокружительном повышении ставок, которое мы испытываем сегодня, что приводит к неконтролируемому извержению всех автономий, всех различий в движении, которое является одновременно неопределенным, колеблющимся и экспоненциальным.

В этом смысле свобода уже далеко позади, ее обгоняет и опережает освобождение. То, что формируется перед нами, - это свобода обращения каждой автономизированной человеческой частицы под знаменем полной информации и интеграции. Каждый полностью осознает себя в техническом расширении всех своих возможностей: все заинтересованные стороны и партнеры в общем взаимодействии. Только Бог Рынка признает его самого, и «Невидимая Рука» теперь является невесомым господством программного обеспечения и сетей во имя Universal Free Exchange (универсального свободного обмена) - высшей стадии дерегулирования. Логичное, роковое следствие динамики, которая, кажется, происходит от истоков исторических обществ - динамики прогрессивного, универсального дерегулирования всех человеческих отношений. От феодализма до капитала и за его пределами мы

видим прежде всего огромный прогресс в свободе обмена, в свободном обращении товаров, потоков, людей и капитала. Движение является необратимым, не с точки зрения человеческого прогресса, а с точки зрения рынка, прогрессивного продвижения неизбежной глобализации. Это последний этап, который либерализм проходит в своем неослабленном продвижении к всеобщему обмену, процесс, в котором капитал с его конфликтами, противоречиями, насильственной историей - просто со своей «историей» - в конечном итоге является лишь предысторией.

Однако мы видим, что сопротивление этой второй «революции» возникает со всех сторон - формы сопротивления, даже более сильные, чем те, которые возникли в эпоху Просвещения: все эти движения ре-инволюции (противоположности революции), будь то религиозные, сектантские или корпоративистские, новый фундаментализм или новый феодализм, которые, кажется, просто пытаются повсюду избавиться от этой безусловной свободы и находят новые формы надзора, защиты и вассализма (зависимости), чтобы противостоять невыносимой дезинформации с архаичной верностью. Чтобы противостоять дерегулированию новым набором правил.

Может даже случиться так, что единственным убежищем от глобального, от полного воздействия законов рынка, снова будет условие наемного рабочего, «социального» с его институциональной защитой. Другими словами, защита старого доброго «отчужденного» состояния, хотя и защищенного как бы самим его отчуждением, только от чрезмерного воздействия законов - потоков и сетей. С этим «добровольным» отчуждением, возможно, простирающимся вплоть до еще более архаичной регрессии на *любой* вид защитной трансцендентности, который предлагает сохранение от этого рассеяния по сетям, это рассеивание и распространение в пустоту.

Только теперь мы понимаем, что никогда не покончим с этим парадоксом свободы. Для этого необратимого движения освобождения можно рассматривать либо как прогресс со стороны видов (во всяком случае, это эмансипация, которая обеспечивает превосходство человеческого вида над всеми другими), либо, совсем наоборот, как антропологическая катастрофа, необузданная, головокружительная дерегуляция, конечную цель которой мы не можем понять, но которая, кажется, развивается до непредсказуемой крайности, которая может быть либо высшей ступенью универсального интеллекта, либо полной энтропии.

Мы несем ответственность за свободу всеми возможными способами. В постоянном переходе мы передаем наши собственные желания, нашу собственную жизнь, нашу собственную волю любому другому агентству.

Если народ отдает себя в руки политического класса, он делает это больше для того, чтобы избавиться от власти, чем от какого-либо стремления к представительству. Мы можем истолковать это как признак пассивности и безответственности, но почему бы не рискнуть и не прибегнуть к утонченной гипотезе, а именно, что этот уход от этого происходит из невольно ясной интуиции отсутствия желания и собственной воли - короче говоря, секрет осознания иллюзорности свободы?

«Добровольное рабство»?

Это понятие вдвойне иллюзорно, поскольку оно заключает в себе двойную мистификацию двух концепций свободы и воли. И идея воли, понимаемая как автономное определение индивидуального существа, не менее ложна, когда она поворачивается против свободы. Иллюзия не обязательно лежит там, где человек думает, и если только немногие (Лихтенберг) способны знать, что они «несвободны», и принять эту судьбу, то у большей части других в конечном итоге возникает меньше иллюзий относительно их свободной воли чем у тех, кто создал концепцию.

Это не останавливает «добровольное рабство», имеющее свои правила и стратегии. Именно из-за отсутствия желания одного человека желание другого доминировать подавляется: это уловки соблазна. Именно путем передачи ответственности за власть другому осуществляется равная сдерживающая сила: это уловки проклятой доли.

Сказав это, нынешняя форма рабства больше не является - добровольная или недобровольная - формой отсутствия свободы. Скорее, это излишек свободы, при которой человек, освобожденный любой ценой, больше не знает, от чего он свободен, почему он свободен, и какой идентичности он себя относит; в котором, имея все, что вокруг него, доступно для его использования, он больше не знает, как использовать себя.

В этом смысле погружение в экраны, сети и технологии виртуальной реальности с ее огромными возможностями привело к огромному шагу к освобождению и в то же время положило конец вопросу о свободе. Это упорство в цифровых манипуляциях от заботы о себе и ответственности - от той части свободы и субъективности, на которую мы так шумно претендуем и от которой мы стремимся всеми возможными способами избавиться - сегодня является самым простым решением. До такой степени, что основной задачей правительства является насильственное перераспределение ответственности, предписывающее каждому брать на себя ответственность «свободно и полностью». Политические власти сами стремятся постоянно брать на себя ответственность, одновременно перекладывая ответственность всеми возможными путями (на самом деле лучше быть виновным, чем ответственным, поскольку вина всегда может быть приписана некой неведомой силе, тогда как с ответственностью ответственность лежит на вас).

К счастью, есть и другие, более поэтичные способы избавления от свободы - например, от игр, когда речь идет не о свободе, подчиняющейся закону, а о суверенитете, подчиняющемся правилам. Более тонкая и парадоксальная свобода, которая заключается в строгом соблюдении, заколдованная форма добровольного рабства, которая как бы представляет собой чудесное сочетание хозяина и раба: в играх никто не свободен, каждый является и хозяином, и рабом игры.

### *Хотите быть кем-то другим?*

Индивидуальность - недавнее явление. Только в последние два столетия население цивилизованных стран потребовало демократической привилегии быть индивидуумом.

До этого они были теми, кем они были: рабами, крестьянами, ремесленниками, мужчинами или женщинами, отцами или детьми, а не «людьми» или «полноправными

подданными». Только с нашей современной цивилизацией мы оказались принудительно вовлеченными в это индивидуальное существование. Конечно, мы боремся за то, чтобы сохранить это «неотъемлемое» право, и мы естественно заинтересованы в том, чтобы победить и защитить его любой ценой. Мы требуем этой свободы, этой автономии как основного права человека, и в то же время мы страдаем от ответственности, которая в итоге заставляет нас ненавидеть себя как таковых. Это то, что звучит в жалобе Иова. Бог просит слишком много: «Кто такой человек, что ты возносишь его? И что ты должен возложить на него свое сердце? И что ты должен посещать его каждое утро и испытывать его каждую минуту? Как долго ты не отступишь от меня и не оставишь меня в покое, пока я не проглочу свою слюну?»<sup>10</sup>

Это ставит нас перед противоречивым двойным требованием: искать идентичность всеми возможными способами - преследуя идентичности других или исследуя сети - и всячески отбрасывать идентичность, как если бы это было бременем или маскировкой, как будто свобода и индивидуальность из «естественного» состояния, в котором можно действовать свободно, превратились в искусственные состояния, своего рода моральный императив, чей неумолимый указ делает нас заложниками нашей идентичности и нашей собственной воли. Это очень частный случай Стокгольмского синдрома, поскольку мы здесь и террористы, и заложники. Теперь заложник по определению - неизменный проклятый объект, от которого нельзя избавиться, потому что вы не знаете, что с ним делать.

Ситуация та же для субъекта: будучи заложником самого себя, он не знает, как поменяться или избавиться от самого себя.

Будучи неспособными понять, что идентичность никогда не существовала и что это просто нечто, что мы играем-действуем, мы разжигаем эту субъективную иллюзию до точки истощения. Мы изнашиваемся, питая этого призрака представления о себе. Мы поражены этой претензией, этим определением упрямого носить с собой тождество, которое невозможно обменять (это может быть обменено только для параллельной иллюзии объективной реальности, в том же метафизическом цикле, в котором мы заперты).

Все великие повествования о нашем индивидуальном сознании свободы, воли, идентичности и ответственности - просто добавляют бесполезную, даже противоречивую, чрезмерную решительность к нашим действиям, когда они «происходят», в том смысле, что мы являемся их причиной, что они выполнение нашей воли, что наши решения являются продуктом нашей свободной воли и т. д.

Но наши действия не нуждаются в этом: мы можем решать и действовать без необходимости вовлекать волю и идею воли. Нет необходимости вовлекать идею свободной воли, чтобы делать выбор в жизни. Прежде всего, нет необходимости вовлекать идею субъекта и его идентичности для того, чтобы существовать (в любом случае, лучше задействовать идею различия). Все они бесполезны, как вера, которая дополняет существование Бога (если он существует, он не нуждается в этом). И поэтому мы верим в свободное, волевое определение наших действий, и оно придает им

---

<sup>10</sup> - ссылка на Иов 7: 17-19

смысл, в то же время, как оно дает нам смысл - ощущение того, что мы являемся авторами этих действий. Но это все реконструкция, как реконструкция повествования мечты.

*«Действия человека обычно являются продолжением его собственной внутренней конституции, как магнит наделяет формой и порядком железные опилки».* (Лихтенберг)<sup>11</sup>

Эту проблему ставит Люк Рейнхарт в своем романе «Человек-Игральная Кость» (или «Шестигранный человек»): как мы можем избавиться от этой свободы, этого эго, которое находится в плену своей свободной воли? Решение, которое он находит, - это случайное решение. Среди всех возможностей разбить зеркало идентичности, для освобождения существ от терроризма эго, есть возможность отдать себя случайности игральной кости, за все свои действия и решения. Больше нет свободной воли, нет ответственного субъекта, а лишь игра случайного разбрасывания, искусственное рассеивание эго (Б. исп. Слово как «диаспора»). По сути, эго само по себе является формой суперэго: это эго, от которого мы должны избавиться прежде всего. Мы должны жить без ориентира на модель идентичности или общий эквивалент.

Но ловушка этих множественных идентичностей, этих множественных существований, этой передачи «интеллектуальным машинам» - машинам для игры в кости, а также машинам сетей - состоит в том, что после исчезновения общего эквивалента все новые возможности эквивалентны друг другу и, следовательно, взаимно нейтрализуют друг друга. Эквивалентность все еще существует, но она больше не является эквивалентностью органа наверху (эго); это эквивалент всех маленьких эго, «освобожденных» своим исчезновением. Разрушение судьбы происходит из-за избытка возможностей - поскольку размывание знаний происходит из-за избытка информации или сексуального обрушения путем снятия запретов и т. д.

Когда под знаменем идентичности существование настолько индивидуализировано, настолько разобщено (атомизировано, «атомон» является буквальным эквивалентом индивида), что его обмен невозможен, приумножение существования ведет только к симулякру альтернативности. Быть способным обменять себя на что-либо или кого-либо - это просто крайняя, отчаянная форма невозможного обмена. Мультипликация идентичностей никогда не приводит к чему-то большему, чем все иллюзорные стратегии децентрализации власти: это чистая иллюзия, чистая хитрость.

Прекрасной метафорой этой фрактальной, разрастающейся идентичности является сюжетная линия фильма «Быть Джоном Малковичем» (Спайк Джонсе) или, точнее, момент, когда Малкович с помощью виртуального аппарата возвращается в свою шкуру - до тех пор были другие, кто хотел стать Малковичем, на этот раз именно Малкович хочет вновь войти в себя, стать самим собой, метамалковичем как и было. Именно в этот момент он отклоняется на бесчисленные метастазы: благодаря своего рода фантастической обратной связи, каждый вокруг него становится Малковичем. Он становится универсальной проекцией самого себя. Это пароксизмальная форма идентичности (здесь трактуется с юмором). Таким образом, повсюду

---

<sup>11</sup> – Фрагмент E 476

мультиплицированная идентичность заканчивается чистой экстраполяцией самой себя. Это становится особым эффектом, который с приходом электронных и генетических манипуляций поворачивает к клонированию чисто и просто. Именно во всем механизме Виртуального и ментальной диаспоры сетей сегодня разыгрывается судьба Homo fractalis: окончательное отречение от его личности и свободы, от его эго и его суперэго.

В этих играх свободной воли и идентичности одним из новых вариантов является вариант двойной жизни.

Это то, что происходит с Романдом, который, чтобы избежать банальности повседневной, провинциальной жизни, изобретает параллельную жизнь для себя и, скрывая свои следы (до такой степени, что он уничтожает всю свою семью, чтобы скрыть следы своего «реального» существования) становится в его собственной жизни его собственным заменителем или тенью.<sup>12</sup>

Именно путем удвоения, а не в каком-либо смысле, прибегая к притворству, Роман придает роковой поворот своей жизни. Чтобы преобразить ничтожество и банальность, нужно лишь превратить их в параллельную вселенную. Во всем этом нет симуляции. Все психологические и социологические объяснения этой двуличности и всех категорий - лжи, трусости, эгоизма - которым они приписываются, являются просто выдумками. Это даже не вопрос шизофрении. Призрачное существование, в котором обосновывается Романд, не имеет смысла, но его домашняя жизнь, его «нормальная» жизнь не имеет большего значения. И поэтому он как бы заменяет ничтожность своей реальной жизни еще большей ничтожностью своей двойной жизни - преобразуя ее таким образом в первоначальную форму контрпереноса. И именно это дало ему его энергию, силу бездействия, которая показала, что он способен так долго нести эту тайную жизнь. Ибо, как бы это ни было дефицитным и временами смертельно скучным, от этого можно было извлечь необычайные выгоды. Была возможность стать кем-то другим, существовать инкогнито где-то еще.

Видеть, не будучи увиденным, сохранять тайную сторону для себя, даже - что наиболее важно, - сохранять ее от самых близких и самых дорогих. Если Романд был в состоянии выжить в этом (даже не героическом) тайном состоянии, то благодаря этой секретности, благодаря чему-то, что другие даже не подозревали о реальной «инсайдерской торговле». Это была цена, заплаченная за привилегию играть в игру, правила которой он один установил. Есть тайна невидимости, которая дала ему силы проводить часы на автостоянках. Замечательное наслаждение от этого однообразия, в котором даже не было очарования одиночества. Но есть еще одна загадка: а именно, что другие должны прийти вовремя, чтобы потворствовать иллюзии. Ибо, если мы не предположим, что его жена, родители и дети молчали из-за смирения, то их неосведомленность, их невежество становятся такими же необъяснимыми, как его

---

<sup>12</sup> - Имеется в виду знаменитый случай с Жан-Клодом Романом, который, бросив медицинское училище, тем не менее сделал вид своей семье, что он получил квалификацию врача, и в течение нескольких лет утверждал, что он занимал руководящую должность. положение во Всемирной организации здравоохранения. Для литературной обработки случая, см. Emanuel Carrere, Противник: Истинная История Убийства и Обмана. Перевод Линды Ковердейл (Лондон: Bloomsbury, 2001)

задержка на автостоянках и кафетериях. За исключением случаев, когда мы рассматриваем все это как двойную операцию, ни один человек не встал на ноги. Ложь, иллюзия и симуляция - это всегда операции, в которых есть соучастие. Таинственная сторона - всегда участник.

Это действительно верно для любых отношений: нет активных или пассивных; нет индивидуума, есть только двойственное. Поэтому нельзя проверять чью-либо индивидуальную правдивость или искренность. Никто не может больше объяснить молчание окружающих, чем собственное молчание Романда. Чем глубже он погружается в свою хитрость, тем глубже другие отступают в отсутствие любопытства. Это действительно заговор. Там нет скрытой правды. Это то, что дает самозванцу его власть. Если бы была скрытая правда, он мог бы быть разоблачен, или он мог бы разоблачить себя. Но на протяжении всей истории мы можем ясно видеть, что он не может этого сделать, так как мошенничество является общим. До такой степени, что факт уничтожения всей его семьи в конце концов, как это ни парадоксально, можно рассматриваться как вариант самоубийства.

Чтобы преступление было идеальным, не должно быть свидетелей обвинения, но также не должно быть свидетелей защиты, никого, кто пытается любой ценой объяснить его поступок и разгадать этот единственный заговор. Найти моральную или социальную причину - значит всегда выдавать секрет; но преступление Романда - не столько убийство его самых близких и самых дорогих, сколько подрыв любого морального и социального оправдания.

В фильме Элии Казани «Сделка» («The Arrangement») Эдди тошнит от собственной личности в семье и на работе. Поэтому он решает «покончить с собой» - с этим официальным Эдди, этой версией конформиста, чтобы выяснить, на что похож его похороненный двойник, у которого «настоящий» Эдди является просто его пустой внешней оболочкой. Постепенно он лишается всех элементов своей обычной жизни: своей работы, своей жены, своего статуса, своей сексуальности и даже своего отца, от которого он в конце концов избавляется, и дома, который он сжигает. Как только все знаки идентичности уничтожены, все условия упорядоченной «сделки», что осталось? Ничего такого. Он возвращается к бессмысленному конформизму, в котором он оседает, как его собственная тень - или как человек, потерявший свою тень. Мечта об идентичности заканчивается безразличием.

Что можно прочесть между строк этих историй, так это то, что шанс и судьба не будут найдены где-то в другом месте, в каком-то воображаемом законе. Шанс уже присутствует в непредсказуемости обычной жизни. Нет ничего более непредсказуемого, чем любой момент повседневной жизни.

Все, что нужно сделать, это немедленно признать несуществование этой индивидуальной структуры и признать, что эго существует только в просвечивающем (прозрачном) мире и всех его самых незначительных возможностях. Бесполезно задаваться вопросом, где находится свобода или идентичность и что с ними делать. Человеческие существа - это прохождение того, кем они являются и что они делают. В этом и заключается движение становления, и то, кем они хотели быть, не является

проблемой; их идеалы или свободная воля не проблема: это просто ретроспективное оправдание.

По сути, говорит Барт, мы сталкиваемся с альтернативой: либо мы предполагаем реальное, которое полностью пронцаемо для истории (для смысла, для идеи, для интерпретации, для принятия решения), и мы идеологизируем, или, напротив, мы предполагаем реальное, которое в конечном счете непроницаемо и неприводимо, и в этом случае мы поэтизируем.

Это, во всяком случае, объяснило бы сосуществование в каждом лучшего и худшего или, у «преступников», людей с абсолютно нормальным поведением и непонятного насилия, которое само по себе разделено, как бы чуждое себе, как мы видим в огромном количестве сообщений о преступлениях. «Он был таким нежным, таким добрым ...» Все это необъяснимо с точки зрения индивидуальности и индивидуальной воли. Эта одновременность противоречивого поведения просто отражает запутанность реальности и ее дезавуирование, которая является нашим коллективным горизонтом сегодня.

***Благоприятные ветры сети согнули свои нейроны к виртуальному краю инструментального мира<sup>13</sup>***

---

<sup>13</sup> - Это подделка знаменитых строк Жозе-Марии де Эредиа: «Благоприятные пассаты согнули свои антенны / На пути к таинственному ободу западного мира» («Завоеватели», Антология французской поэзии Касселла, отобранная и переведенная Аланом Кондером, Лондон, 1950)

## Убийство Знака

Мы отменили реальный мир.

Тогда какой мир останется? Мир знаков? Вовсе нет.

Мы вложили деньги в реальный мир и в процессе покончили с этим знаком.

Это убийство знака открывает путь к Интегральной Реальности.

Обычно говорят, что реальность уступила гегемонии знака, образов и симулякра, короче говоря, реальность уступила искусству (именно этот анализ лежит в основе концепции общества сцены-зрелища). Сегодня мы должны сказать, что скорее мы потеряли знак и выдумку и остались с абсолютной реальностью. Мы потеряли зрелище, отчуждение, дистанцию, трансцендентность и абстракцию - утратили все то, что все еще отделяло нас от появления Интегральной Реальности, немедленного, безвозвратного осознания мира. Плеяда знака исчезает вместе с плеядой реального, на горизонте Виртуального и цифрового.

Теперь, что делает возможным обмен, если не абстрактная трансцендентность стоимости? Что делает возможным обмен языка, если не абстрактная трансцендентность знака? Это все те вещи, которые устранены сегодня, стерто в прах. Одна и та же головокружительная дерегуляция встречается как по ценности, так и по знаку. Не реальное, а знак и, через него, вся вселенная значения и коммуникации подвергаются тому же дерегулированию, что и рынки (несомненно, это даже предшествовало дерегулированию мирового рынка).

Пример: Ласко (*прим.пер. - полиэтическая пещера во Франции*).

Оригинал был закрыт в течение многих лет, и это симулякр - Ласко 2, в который посетители стоят в очереди. Большинство из них уже не знают, что это симулякр. Больше нет указаний на оригинал. Это своего рода преобразование мира, которое нас ожидает: идеальная копия, которую мы даже не знаем как копию. Теперь, что происходит с оригиналом, когда копия больше не является копией?

Это ироническая диалектика симулякра на последней стадии его исчезновения. Даже оригинал одинаково искусственный. Определенно, больше нет Бога, который мог бы признать свое собственное (по крайней мере, в этом смысле, Бог действительно мертв). Таким образом, здесь есть своего рода справедливость в том, что и привилегированные, и обездоленные – все живут в одном и том же искусственном мире. Когда оригинал больше не является ничем иным, как одной аллегорией среди других, в, наконец, технически завершенном мире демократия полностью реализуется.

Точно так же, что происходит с произвольным характером знака, когда референт (ориентир) перестает быть референтом? Теперь, без произвольной природы знака, нет ни дифференциальной функции, ни языка, ни символического измерения. Знак, перестающий быть знаком, снова становится вещью среди вещей. То есть вещь абсолютной необходимости или абсолютной непредвиденности. Без указания

значения посредством знака остается только фанатизм языка - этот фанатизм Рафаэль Санчес Ферлезьо определяет как «абсолютистское воспламенение означающего (знака)». Эта стадия является одновременно посвящением и окончанием политической экономики знака и, можно сказать, золотого века симуляции. О, счастливые дни, когда симулякр все еще был тем, чем он был, игрой на грани реального и его исчезновения, со всеми различными нюансами в искусстве исчезновения. Эта героическая фаза закончилась. Виртуальное - Виртуальная Реальность - открывает сумерки знака и представления. Это касается всей вселенной цифрового пространства, где бинарность 0 и 1 оставляет место только для оперативной вселенной цифр... Интегральное исчисление, интегральные схемы. Расстояние стирается, как внешнее расстояние от реального мира, так и внутреннее расстояние, характерное для знака.

Ведь знак - это сцена, сцена репрезентации, соблазна, языка: в языке знаки соблазняют друг друга за пределы значения, и в самой их архитектуре означающее и означаемое находятся в двойственном отношении соблазнения. А исчезновение этой сцены очищает путь для принципа непристойности, порнографической материализации всего. Отсюда прямое зрелище сексуальных действий, которые стали видимым представлением и отыгрыванием тела. Никакого соблазна, никакого представления: просто целостное кодирование тела в видимом, где оно становится на самом деле окончательно реальным, даже больше, чем оно есть реально!

Одним из вариантов этого смертоносного достижения, этого отыгрывания является реализация всех метафор - коллапс метафоры в реальное. Здесь, опять же, у нас есть фантазия материализации всего, что является притчей, мифом, басней и метафорой. Ромен Гари: *«Все метафоры человечества становятся реальностью. Я задаю вопросом, не является ли настоящая цель науки легализацией метафор».*

Эта та же страшная судьба также постигает мечты, на которые красиво ссылается Мачадо де Ассис в своем «Доме Казмурро».

Пытаясь восстановить сон, который он потерял при пробуждении, герой спрашивает Ночь, которая сначала не хочет отвечать, но затем признает, что сны прошлых лет подошли к концу. В прошлом она, Ночь, распределяла их, так как она управляла Островом Снов. Но теперь сны рождаются из мозгов людей; они больше не приходят из других мест - из Ночи или от Богов - они производятся нами из наших воспоминаний или нашего переваривания, из анамнеза и потребностей, из нашего бессознательного или нашей физиологии. Это падение снов в психическую сферу, «падение воображения в психологическое болото» (Хеле Бежи). Это попадание в область психики означает, фактически, что сны больше не имеют никакой пророческой ценности: чтобы сделать это, они должны были бы возникнуть в трансцендентности, трансцендентности ночи и прийти откуда-то еще, тогда как они теперь являются просто режимом взаимодействия с самим собой.

Сами запреты уже не трансцендентны.

Когда-то давно они были обозначены нам свыше с помощью законов, пришедших из далекой сферы - возможно, и здесь, острова запретов, управляемых божеством, заботящимся о нашей судьбе. Но сегодня они тоже были усвоены; они производятся мозгом.

Это мы производим их; они являются выделениями индивидуального бессознательного. У них больше нет никакого величия, и, в конце концов, они даже не имеют никакого обаяния. Они либо исчезают просто и легко (запрещено запрещать), либо, как это ни парадоксально, становятся объектами ностальгии, объектами желания - где когда-то они отделяли нас от выполнения желания.

И, по общему признанию, все божества - снов, запретов - теперь «сняты с производства», но мы в трауре по метафоре.

Отмена значения и метафоры может также привести к извращенным или поэтическим эффектам. Извращенец, человек, который считает себя мусором и бросается на тележку для мусора, крича: «Я мусор!» Они вытаскивают его, и он снова прыгает - он потерял смысл метафоры. Извращенная и поэтичная женщина, которой мужчина заявляет, что он любит больше всего, так, как она смотрит на него, и которая посылает ему одно из своих глазных яблок в подарочной упаковке. Она также выходит за рамки метафоры взгляда в жестоком акте соблазна и контрпереноса. Жестокое преобразование языка. Ироническое преобразование в жесте Гарпо Маркса, когда, чтобы попасть в ночной клуб, он заменяет реальную рыбу на пароль «рыба-меч». В этом случае мы недалеко от шутки [Витца] или от того, что Фрейд анализирует в работе сновидения в терминах представимости (когда слово становится вещью).

В «разыгрывании» Марселя Дюшана происходит тот же поэтический перенос, когда, пропуская сцену реального объекта и его значение, он устанавливает свою подставку для бутылок как музейный фетиш (идол), поражая за один раз классическую организацию как знака, так и эстетической вселенной.

И это, действительно, о более общей проблеме фетишизма, которую приносит нам этот новый поворот: после становления-знака у объекта, становления-объекта у знака.

В сексуальном регистре фетиш уже не знак, а чистый объект, сам по себе бессмысленный - банальный аксессуар, но имеющий абсолютную ценность, обмен на который невозможен. Это тот объект, а не другой.

Но эта банальная сингулярность означает, что любой предмет может стать фетишем. Его потенциал тотален, именно потому, что он находится за пределами любой сексуальной отсылки или метафоры. Это идеальный объект секса, его идеальная реализация, поскольку он заменяет собой любой настоящий пол - просто поскольку виртуальная реальность заменяет собой реальный мир и таким образом становится универсальной формой нашего современного фетишизма.

Огромное разнообразие информационных технологий современного человека стало его истинным объектом (извращенного?) желания. Фетишизм, как следует из названия (*feiticho*), связан с абстракцией и выдумкой, тем более радикальным для абстракции являющейся тотальной. Если в прошлом можно было говорить о фетишизме товара, денег, симулякра и зрелища, то это все еще был ограниченный фетишизм (связанный со значением знака). Сегодня для нас за пределами этого простирается мир радикального фетишизма, связанный с уменьшением значимости и безграничным действием реального - с тем, что знак снова становится чистым объектом, до или после какой-либо метафоры.

Та же самая игра, та же потеря дистанции и то же падение в реальную угрозу угрожают и мысли, как только она пересекает линию разграничения, которая представляет собой ее невозможный обмен с истиной, как только она начинает разыгрывать истину. Мысль должна любой ценой держаться подальше от реальности, от реальной проекции идей и их воплощения в действия. Таким образом, Сверхчеловек и Вечное Возвращение являются видениями, и они обладают суверенитетом гипотезы. Если мы пытаемся превратить их в действия или свершившиеся факты (*faits accomplis*), они становятся чудовищными и нелепыми.

То же самое относится и к менее дальновидным перспективам, таким как биогенетические эксперименты на человеческом виде: как гипотеза, это открывает все виды метафизических и антропологических вопросов. Но если мы перейдем от потенциальной мутации к реальной проекции (как это делает Петер Слотердаик в своем проекте Menschenpark (Человеческий парк)), мы потеряем всю философскую дистанцию; и мысль, смешиваясь с реальным ходом вещей, предлагает просто ложную альтернативу работе системы. Мысль должна воздерживаться от того, чтобы инструктировать или быть проинструктированной будущей реальностью, поскольку в этой игре она всегда попадет в ловушку системы, которая содержит монополию на реальность. И это не философский выбор. Для размышления, это вопрос жизни и смерти.

## Ментальная диаспора сетей

Видео, интерактивные экраны, мультимедиа, Интернет, виртуальная реальность: интерактивность угрожает нам со всех сторон. То, что когда-то было отделено, везде поглощено. Дистанция повсеместно отменена: между полами, между противоположными полюсами, между сценой и зрительным залом, между главными героями действия, между субъектом и объектом, между реальным и его двойником. И эта путаница в терминах, это столкновение полюсов означает, что нигде больше нельзя судить о ценности, где бы то ни было: ни в искусстве, ни в морали, ни в политике. Отмена дистанции, «пафоса» (чувствительности) дистанции делает все неразрешимым.

Когда событие и трансляция этого события в режиме реального времени находятся слишком близко друг к другу, событие становится неразрешимым и виртуальным; оно лишено своего исторического измерения и удалено из памяти. Мы находимся в обобщенном эффекте обратной связи (реакции). Где бы ни происходило смешение такого рода - столкновение полюсов - то высвобождает жизненное напряжение. Даже в «реалити-шоу», где в живом рассказе истории, непосредственном телесном действии, мы видим путаницу существования и двойника существования. Больше нет разделения, нет пустоты, нет отсутствия: вы выходите на экран и визуальное изображение беспрепятственно. Вы входите в самую жизнь, как будто идете к экрану. Вы скользите по своей собственной жизни, как костюм данных (*прим. пер - В виртуальной реальности электронное тело, - или костюм – покрывающее, содержащее направленные датчики, используемые для передачи электрических сигналов, соответствующих движениям пользователя, на компьютер*).

В отличие от фотографии, кино и живописи, где есть сцена и взгляд, видеоизображение, подобно экрану компьютера, вызывает своего рода погружение, своего рода пупочную связь, «тактильного» взаимодействия, как говорил Маклюэн. Вы вводите жидкую субстанцию изображения, возможно, чтобы модифицировать его, так же, как наука проникает в геном и в генетический код, чтобы трансформировать само тело.

То же самое с текстом, с любым «виртуальным» текстом (Интернет, обработка текстов): вы работаете с ним как со сгенерированным компьютером изображением, которое больше не имеет никакого отношения к трансцендентности взгляда или письма. В любом случае, как только вы окажетесь перед экраном, вы больше не будете видеть текст как текст, а как изображение. Теперь, в строгом разделении текста и экрана, текста и изображения, письмо - это самостоятельная деятельность, а не взаимодействие. Точно так же, только со строгим разделением сцены и зрительного зала зритель является актером сам по себе. Сегодня все сводится к тому, чтобы отменить это разделение: погружение зрителя в зрелище, «живой театр», «события». Зрелище становится удобным для пользователя, интерактивным. Апогей зрелища или его конец? Когда все являются актерами, больше нет действий, нет сцены. Это смерть зрителя как таковая. Конец эстетической иллюзии.

На самом деле, все, что было так трудно разделить, установить пол, превзойти, сублимировать и преобразовать на расстоянии, сегодня постоянно сливается воедино. Все, что было вырвано из реальности, в которой мы находимся в процессе реализации силой - всегда найдется метод, позволяющий овладеть этим и сделать его работоспособным.

«Вы мечтали об этом, мы сделали это». Все, что было так трудно разрушить, мы сегодня одержимо восстанавливаем. То, что мы имеем здесь, на самом деле, - это огромный редукционизм, огромный ревизионизм.

В сфере Виртуального - цифрового, компьютерного, интегрального исчисления - ничто не представимо. Это не «сцена», и здесь нет ни расстояния, ни критического, ни эстетического взгляда: существует полное погружение, и бесчисленные изображения, которые приходят к нам из этой медиасферы, вне порядка представления, а в порядке декодирования и визуального потребления. Они не обучают нас, они сообщают нам. И невозможно вернуться от них к какой-то осязаемой реальности - даже политической реальности. Даже война в этом смысле более не представима, и теперь к войне добавляется суждение о невозможности репрезентации - несмотря на или из-за гипервизуализации события. Война в Ираке и война в Персидском заливе были яркими иллюстрациями этого. Там должно быть критическое восприятие и подлинная информация, изображения должны отличаться от войны. Но они не отличаются (или уже больше не отличаются): к рутинному насилию войны добавляется одинаково обычное насилие изображений. К технической виртуальности войны добавляется цифровая виртуальность изображений. Если мы понимаем войну такой, какая она есть сегодня (за пределами ее политических интересов), а именно инструментом насильственного приобщения к мировому порядку, то средства массовой информации и изображения являются частью Интегральной реальности войны. Они - тонкий инструмент той же гомогенизации посредством силы.

В этой невозможности переосмыслить мир через образы и перейти от информации к коллективному действию и воле, при этом отсутствии чувствительности и мобилизации, речь идет не об апатии или общем безразличии; это просто, как пуповина представления перерезана.

Экран ничего не отражает. Вы как будто находитесь за двусторонним зеркалом: вы видите мир, но он не видит вас, он не смотрит на вас. Теперь вы видите вещи, только если они смотрят на вас. Экран экранирует любое двойственное отношение (любую возможность «ответа», реакции). Именно этот провал представления, вместе с провалом действий, лежит в основе невозможности развития этики информации, этики образов, этики Виртуального и сетей. Все попытки в этом направлении неизбежно заканчиваются неудачей. Все, что остается, - это ментальная диаспора образов и экстравагантные характеристики среды. Сьюзен Сонтаг рассказывает хорошую историю об этом превосходстве среды и изображений: когда она сидит перед телевизором и смотрит на посадку на Луну, люди, с которыми она наблюдает, говорят ей, что вообще не верят в это. - «Но что же ты смотришь?» - она спрашивает. «О, мы смотрим телевизор!» Фантастика: они не видят луну; они видят только экран, показывающий луну. Они не видят сообщения; они видят только изображение. В конечном счете, вопреки тому, что думает Сьюзен Сонтаг, только интеллектуалы верят

в господство смысла; «люди» верят только в господство знаков. Они давно попрощались с реальностью. Они перешли душой и телом к зрелищному, захватывающему.

Что нам делать с интерактивным миром, в котором демаркационная линия между субъектом и объектом практически уничтожена? Этот мир больше не может быть ни отражен, ни представлен; теперь он может преломляться или диффрагироваться только операциями, которые, без различия, являются операциями мозга и экрана - умственными операциями мозга, который сам стал экраном. Другая сторона этой интегральной реальности состоит в том, что все работает в интегральной схеме. В средствах массовой информации - и в наших головах - доминирует обратная связь с изображениями, настойчивое присутствие мониторов - это извилина вещей, которые работают в цикле, которые соединяются обратно вокруг себя, как бутылка Кляйна, которые складываются обратно в себя. Совершенная реальность, в том смысле, что все проверено по приверженности, по путанице с собственным образом. Этот процесс приобретает все масштабы в визуальном и медийном мире, а также в повседневной, индивидуальной жизни, в наших действиях и мыслях. Такое автоматическое преломление влияет даже на наше восприятие мира, запечатывая все как бы, сосредоточившись на себе.

Это явление, которое особенно заметно в фотографическом мире, где все сразу же украшено контекстом, культурой, смыслом, идеей, обезоруживающим любое видение и создающим форму слепоты, осужденной Рафаэлем Санчесом Ферлозио: «Существует ужасная форма слепоты, которую замечают очень немногие: слепота, которая позволяет вам смотреть и видеть, но не видеть одним взмахом без того чтобы смотреть. Так было раньше: ты не смотрел на них, ты был счастлив просто видеть их. Все сегодня отравлено двуличностью; нет чистого, прямого импульса. Так, например, сельская местность стала «пейзажем» или, другими словами, представлением о самой себе...»

В этом смысле именно наше восприятие, наша непосредственная чувствительность стали эстетическими. Зрение, слух, осязание - все наши чувства стали эстетическими в худшем смысле этого слова. Любое новое видение вещей может быть только результатом деконструкции этой обратной связи изображения, разрешения этого контрпереноса, которое блокирует наше видение, чтобы вернуть миру его сенсорную иллюзорность (без обратной связи и без обратной связи изображения).

В зеркале мы дифференцируем себя от нашего образа, мы вступаем в открытую форму отчуждения и игры с ним. Зеркало, образ, взгляд, сцена - все это открывает культуру метафоры. Принимая во внимание, что при работе Виртуального на определенном уровне погружения в визуальный механизм, различие между человеком и машиной больше не сохраняется: машина находится по обе стороны интерфейса. Возможно, вы действительно сейчас просто пространство машины - человек, ставший виртуальной реальностью машины, ее оператором зеркала. Это связано с самой сущностью экрана. Нет «сквозного» экрана, как «сквозь» зеркало или отражающее стекло. Измерения самого времени сливаются там в «реальном времени». И характеристика любой виртуальной поверхности, которая в первую очередь должна быть там, быть пустой и,

таким образом, способной наполняться чем угодно, это оставлено вам чтобы войти, в реальном времени, в интерактивность с пустотой.

Машины производят только машины. Тексты, изображения, фильмы, речь и программы, которые появляются из компьютера, являются машинными продуктами, и на них есть маркировка таких продуктов: они искусственно увеличены, с внешним ремонтом с помощью машины; фильмы наполнены спецэффектами, текстами наполнены длинными и повторяющимися текстами, из-за злого желания машины работать любой ценой (в этом ее страсть) и из-за увлечения оператора этой безграничной возможностью функционирования. Таким образом, утомительный персонаж в фильмах всего этого насилия и порнографической сексуальности, которые являются лишь специальными эффектами насилия и секса, больше даже не фантазируются людьми, а чисто машинным насилием. И это объясняет все эти тексты, которые напоминают работу «интеллектуальных» виртуальных агентов, чей единственный акт - это акт программирования.

Это не имеет ничего общего с автоматическим письмом, которое играло на магическом телескопировании слов и понятий (*прим. пер. – (религ.) так же об автоматическом письме говорят, что это письмо, выполняемое письменным предметом, которое вселилось в предмет*), тогда как всё, что мы имеем здесь, - это автоматизм программирования, автоматический просмотр всех возможностей.

Именно этот призрак идеального исполнения текста или изображения, возможность бесконечного исправления, порождает в «творческом художнике» этот *вертикал* интерактивности с его собственным объектом, наряду с тревожным предлогом того, что он не достиг технологических пределов своих возможностей. Фактически, это (виртуальная) машина, которая говорит вам, машина, которая думает о вас.

И действительно ли есть возможность обнаружить что-то в киберпространстве? Интернет просто имитирует свободное ментальное пространство, пространство свободы и открытий. Фактически, он просто предлагает множество, но условное пространство, в котором оператор взаимодействует с известными элементами, существующими ранее сайтами, установленными кодами. Ничто не существует за пределами его параметров поиска. Каждый вопрос имеет ожидаемый ответ. Вы есть спрашивающий, и в то же время, автоответчик машины. И кодер, и декодер - вы, по сути, ваш собственный терминал. Это экстаз общения. Там нет «Другого» и нет конечного пункта назначения. Это любой старый пункт назначения - и подойдет любой старый интерактор (то что соединяет). И так система продолжается, без конца и без окончательности, и ее единственная возможность - бесконечная инволюция. Отсюда и удобная вертикаль этого электронного, компьютерного взаимодействия, которое действует как наркотик. Вы можете провести всю свою жизнь в этом, без перерыва. Сами наркотики являются лишь идеальным примером сумасшедшей замкнутой интерактивности.

Люди говорят вам, что компьютер - просто более удобная и сложная печатная машинка. Но это не правда. Пишущая машинка является полностью внешним объектом. Страница движется свободно, и я тоже. Я имею физическое отношение к письму. Я касаюсь пустой или написанной страницы своими глазами – и это то, что я не могу сделать с экраном. Компьютер - это протез. Я имею тактильное, межчувственное отношение к этому. Я сам становлюсь эктоплазмой экрана.

И это, без сомнения, объясняет, в этой инкубации виртуального образа и мозга, неисправности, которые поражают компьютеры, и которые похожи на недостатки своего тела. С другой стороны, тот факт, что приоритет принадлежит сети, а не отдельным лицам, подразумевает возможность сокрытия, исчезновения в нематериальном пространстве Виртуального, так что вы не можете быть нигде зафиксированы, что решает все проблемы идентичности, но не упоминая проблемы различия. Таким образом, привлекательность всех этих виртуальных машин, несомненно, обусловлена не столько жаждой информации и знаний, сколько желанием исчезнуть и возможностью раствориться в фантомном веселье. Этакое «опьянение», которое занимает место счастья. Но виртуальность приближается к счастью только потому, что она тайно удаляет все ориентиры из него. Она дает вам все, но в то же время тонко лишает вас всего. Субъект, в некотором смысле, реализован до совершенства, но, когда он реализован до совершенства, он автоматически становится объектом, и паника начинается.

Однако мы не должны рассматривать это господство Виртуального как нечто неизбежное. Прежде всего, мы не должны принимать Виртуальность за «реальность» (определенно это заход слишком далеко!) и применять к ней категории реального и рационального. Это то же заблуждение, что и реинтерпретация науки в терминах богословия, как это делалось веками, не видя, что наука положила конец богословию. Или интерпретировать средства массовой информации в марксистских терминах отчуждения, в социально-политических терминах древней истории, не видя, что ход истории закончился выходом на сцену средств массовой информации и, в более общем смысле, что все это было покончено с реальностью, как только виртуальность появилась на сцене.

Однако с Виртуальным мы сталкиваемся со странным парадоксом. Это потому, что Виртуальность может отрицать свою собственную реальность только в то же самое время, когда она отрицает реальность всего остального. Она попала в игру, правила которой она не контролирует (никто не контролирует их!). Виртуальность не является «решающим словом»; это всего лишь виртуальная иллюзия, иллюзия виртуального. Нет высшей степени интеллекта - и Искусственный интеллект, конечно, не на такой степени.

Мы уже видели, как медиа-революция была неправильно понята, когда среда была сведена к простой инструментальной технике. Здесь мы видим то же недопонимание значения виртуального, когда оно сводится к прикладной технологии. Люди не видели, что нарушение обоих отменило сам принцип реальности. Таким образом, они говорят о правильном использовании Виртуального, этического Виртуального, виртуальной «демократии», не меняя ничего традиционного. Специфика Виртуального состоит в том, что она представляет собой событие реального против реального и ставит под

сомнение все эти категории реального, социального, политического и исторического - так, что единственное проявление любой из этих вещей сейчас виртуальная. Это значит, что сейчас больше нет никакой политики, кроме виртуальной (и не политики виртуального), больше нет никакой истории, кроме виртуальной (и не истории виртуального), больше нет технологий, кроме виртуальной (а не технология виртуального). Не говоря уже об «искусстве виртуального» - как будто искусство оставалось искусством, играя с цифровым и числовым. Или экономика, которая сама перешла в виртуальность, то есть в чистую спекуляцию. Это повышение ставок показывает, что обоснование для Виртуального не лежит внутри себя, равно как и в случае с экономикой, и что оно строится путем стремительного полета вперед, как эффект симуляции, в качестве замены невозможного обмена мир.

Вывод: с того момента, когда экономика существует для чего-то другого, нет смысла бесконечно критиковать ее или анализировать ее преобразования. Как только Виртуальность существует для чего-то другого, нет смысла исследовать ее принципы или цели, нет смысла быть за ее или против нее. Потому что судьба этих вещей находится в другом месте. И судьба анализа тоже: все меняется в зависимости от того, анализируете ли вы систему по ее собственной логике или с точки зрения того, что она существует для чего-то другого.

У нас должно быть ощущение этой иллюзии Виртуального где-то, поскольку, в то же время, когда мы погружаемся в этот механизм и его поверхностные пропасти, *мы как будто рассматриваем его как театр*. Так же, как мы рассматриваем освещение новостей как театр. Что касается освещения новостей, мы заложники, но мы также рассматриваем это как зрелище, потребляем его как зрелище, не обращая внимания на его достоверность. Скрытая недоверчивость и насмешка мешают нам полностью овладеть информационными носителями. Это не критическое сознание, которое заставляет нас дистанцироваться от него таким образом, а рефлекс того, что мы больше не хотим играть в игру. Где-то в нас заложено глубокое желание не иметь информации и прозрачности (ни, может быть, свободы и демократии - на все это нужно посмотреть снова). В отношении всех этих идеалов современности существует нечто вроде коллективной формы умственного резерва, врожденного иммунитета.

Тогда было бы лучше изложить все эти проблемы в терминах, отличных от проблем отчуждения и несчастной судьбы субъекта (на этом заканчивается весь критический анализ). Неограниченное расширение самого Виртуального толкает нас к чему-то вроде патафизики, как науки обо всем, что выходит за ее собственные пределы, обо всем, что превосходит законы физики и метафизики. В высшей степени ироничная наука, соответствующая состоянию, в котором вещи достигают высоты, одновременно пароксистической и пародийной.

Можем ли мы выдвинуть гипотезу о том, что за критической стадией, героической стадией (которая все еще остается метафизической), есть ироническая технологическая стадия, ироническая историческая стадия, ироническая ценностная стадия и т. Д.? Это освободило бы нас от хайдеггеровского взгляда на технологию как на результат и последний этап метафизики; это освободило бы нас от всей ретроспективной ностальгии за бытие, давая нам, скорее, гигантскую объективную иронию, превосходящую интуицию иллюзорности всего этого процесса - что было бы

недалеко от радикального постисторического снобизма, о котором говорил Александр Кожев. В основе этой искусственной реальности, этой Виртуальной реальности, этой иронии, возможно, есть все, что мы оставили от первоначальной иллюзии, которая, по крайней мере, предохраняет нас от любого искушения однажды овладеть истиной.

## Мы все агностики...

***Когда правду и реальность заставили пройти тесты на детекторе лжи, они сами признались, что не верят в правду и реальность.***

Мы все агностики.

Были те, кто верил в Бога, и те, кто не верил.

Есть те, кто верит в реальность, и те, кто не верит.

И есть агностики реальности, которые, хотя и не отвергают ее в абсолютном смысле, отвергают веру в нее: «Реальность (как Бог в прошлом), возможно, существует, но я не верю в это».

В этом нет ничего противоречивого или абсурдного. Это просвещенный отказ позволить себе оказаться в ловушке реальности, фетишизированной по своему принципу, реальность, которая сама попала в ловушку признаков реальности. Есть ли такая вещь, как обнаженная, оригинальная реальность, предшествующая знакам, в которых она проявляется?

Кто знает? Самоочевидность реальности имеет тень ретроспективного сомнения, нависшего над ней. Как бы то ни было, агностик не имеет отношения к этому внутреннему миру или этой изначальной реальности; он ограничивается реальностью как не поддающейся проверке гипотезой, знаками как знаками, за которыми также может скрываться отсутствие реальности. (Их изобилие фактически заканчивает тем, что лишало их доверия.) Возможно, агностик даже предпочитает знаки реальности. Возможно, он предпочитает эту неразрешимую ситуацию, поскольку вы можете играть с этими плавающими знаками, а это невозможно с так называемой «объективной» реальностью.

Переход от реального к знаку открывает огромное поле для игры и неопределенности. Особенно в том, что касается реальности власти. В самом деле, поскольку существует риск возникновения манипуляции знаками и образами, что является преимуществом власти, существует риск того, что сама сила может оказаться сведенной лишь к признакам власти.

Более того, это изобилие знаков и того, что проявляется, оказывает глубокое изменение в символическом отношении к власти. Это отношение основано на одностороннем даре (законов, учреждений, работы, безопасности и т. Д.). Власть существует не столько из-за насилия и принуждения, сколько из-за этого символического обязательства. Теперь, с того момента, когда все, что нам дается, является знаками, наш долг этому бесконечно меньше. Поскольку власть распространяет нам только знаки, мы просто отдаем знаки взамен, и наше рабство облегчает это. Следует признать, что удовольствие от нематериальных благ не так велико, но это также означает, что мы должны немного взамен и отвечаем на воздушность знаков с равным безразличием. Мы можем отрицать власть и откладывать ее в сторону просто недоверчивостью, просто отвечая на знаки власти

знаками рабства. Возможно, это то, что подразумевается под «слабой мыслью» (*pensiero debole*).

С Виртуальной Реальностью этот процесс отвлечения инвестиций становится еще более радикальным, и мы вступаем в фазу безусловного [*deliaison*], почти полного отказа от обязательств.

К чему в виртуальной вселенной человек может почувствовать обязанность?

Мы находимся в состоянии полного агностицизма в отношении существования реальности, в отношении целей и конечного значения - так же, как агностики относились к существованию Бога (что может быть преимуществом с точки зрения технических характеристик и манипуляций - говорят, что агностики были очень образованными и опытными в своей области). Вопрос в том, представляет ли это большую свободу или беспрецедентную капитуляцию.

Проблема символической части является критической.

Все это ходатайство. Власть - это ходатайство, значение - это ходатайство, каждый знак - это ходатайство, и не может не быть ответа на это ходатайство, либо путем подчинения, либо по версии, путем убеждения или отрицания убеждения.

Но чем более случайна и неопределенна сила, тем больше знаки бессмысленны и тем сложнее ответ. Теперь власть больше не ставит нас под сомнение<sup>14</sup> (кроме опросов общественного мнения, где нет настоящего вопроса и, следовательно, нет возможного ответа); признаки обмена больше не ставят нас под сомнение, кроме как во взаимодействии, общении и информации, которые не являются местом двойственных отношений или, следовательно, подлинного ответа. В этом заключается общая абстракция и источник всего господства: в разрыве двойственного отношения. Стратегия доминирования, действительно, состоит в том, чтобы гарантировать, что через все методы коммуникации, через неизбежную потоковую информацию, больше не будет никакого ответа. Это господство по знакам, лишенным смысла. Но, с другой стороны, равное равнодушие и полное сопротивление.

Таким образом, в обществе ускоренного обращения, но с низким значением знака, в игре взаимодействия ни с вопросами, ни с ответами власть и отдельные лица не покупают друг друга, не имеют политических отношений друг с другом. Это цена, которую нужно заплатить за полет в абстракцию Виртуального. Но потеря ли это?

Кажется, сегодня это коллективный выбор. Возможно, мы предпочли бы быть под доминированием машин, а не людей, может быть, мы предпочитаем безличное автоматическое доминирование, предпочитаем господство вычисления господству человеческой воли? Не подчиняться чужой воле, а интегральному вычислению, которое поглощает нас и освобождает нас от любой личной ответственности. Возможно, минимальное определение «свобода», которое больше напоминает отказ, разочарованное безразличие, психическую экономию, сходную с экономией машин,

---

<sup>14</sup> – «власть», здесь так же может означать «тех, кто у власти», «чиновников».

которые сами по себе также совершенно безответственны и с которыми мы все больше становимся схожими.

Такое поведение не является ни выбором, ни отказом: для этого больше не хватает энергии. Это поведение, основанное на неопределенном негативном предпочтении.

Хочешь быть свободным? Я бы предпочел не быть...

Вы хотите быть представленным? Я бы предпочел не быть...

Вы хотите нести ответственность за свою жизнь? Я бы предпочел не нести...

Вы хотите быть полностью счастливым? Я бы предпочел не быть.<sup>15</sup>

---

<sup>15</sup> - Последний абзац на английском языке в оригинале. Намек на это - история Мелвилла «Бартлби», в которой одноименный (анти-)герой повторяет «я бы предпочел не [делать]», фраза, которая, как известно, трудна для интерпретации на французском.

Do you want to be free? I would prefer not to...

Do you want to be represented? I would prefer not to...

Do you want to be responsible for your own life? I would prefer not to...

Do you want to be totally happy? I would prefer not to).

## Насилие, нанесенное изображению

Образ также разделяет губительную судьбу знака и метафоры: падение в реальное. Сам по себе образ не связан ни с истиной, ни с реальностью; это внешность и привязанность к внешности (появлению). В этом его магическая связь с иллюзией мира, как он есть, связь, которая напоминает нам о том, что реальное никогда не бывает определенным - просто мы никогда не можем быть уверены, что худшее произойдет<sup>16</sup> и что, возможно, мир может обойтись без него, как он может обойтись без принципа реальности. Я полагаю, что изображение влияет на нас напрямую, ниже уровня репрезентации: на уровне интуиции, восприятия. На этом уровне изображение всегда является абсолютным сюрпризом. По крайней мере должно. И в этом смысле, к сожалению, можно сказать, что изображения редки - сила изображения, в большинстве случаев, перехватывается тем, что мы пытаемся сказать. Изображение чаще всего, лишенное своей оригинальности, своего существования в качестве образа и обреченное на постыдное соучастие с реальностью.

Мы все время говорим, что реальное исчезло под путаницей знаков и изображений, и это верно, что есть насилие изображения. Но это насилие в значительной степени компенсируется насилием, нанесенным изображению: его использование в документальных целях, в качестве свидетельства или сообщения, его использование в моральных, политических или рекламных целях, или просто для целей информации ... Вот где заканчивается судьба образа, как роковой иллюзии, так и витальной иллюзии.

Иконоборцы Византии разбивали изображения, чтобы стереть их значение (видимое лицо Бога). Совершенно очевидно, что мы делаем противоположное и, несмотря на наш культ идолов, мы все еще иконоборцы: мы разрушаем образы, перегружая их смыслом; мы убиваем образы со смыслом.

Большинство современных изображений отражают только страдания и насилие человека. Тем не менее, эти страдания и насилие влияют на нас тем меньше из-за того, что мы слишком пере-обозначимы. Во всем этом есть полное заблуждение.

Чтобы его содержание влияло на нас, изображение должно существовать само по себе; оно должно навязать нам свой оригинальный язык. Чтобы существовал перенос в реальное, должен быть контрперенос на образ, и этот контрперенос должен быть разрешен. Сегодня страдания и насилие через изображения становятся ведущей темой рекламы: например, Тоскани (*прим.пер. – фотограф моды*) включает в моду секс и СПИД, войну и смерть. А почему нет (реклама счастья не менее непристойна, чем реклама несчастья)? Но с одним условием: показывать насилие над рекламой, насилие моды, насилие среды - то, что рекламодатели явно не способны сделать. Теперь мода и светская жизнь сами по себе являются в некотором смысле зрелищем смерти. Страдание мира столь же легко читается на фигуре и лице модели, как и на скелетном теле африканца.

---

<sup>16</sup> - французское высказывание «le pire n'est jamais sur» (худшее всегда не точно [произойдет]), я упоминал здесь.)

Вы можете прочитать ту же самую жестокость везде, если вы знаете, как ее увидеть. И действительно, этот «реалистичный» образ не отражает то, что есть, а то, что не должно быть - смерть и страдание; он отражает то, чего с моральной и гуманистской точек зрения не должно было существовать (при этом совершенно безнравственно эстетически и коммерчески используя это страдание). Образы, которые в конечном итоге свидетельствуют об их предполагаемой «объективности» к глубокому отречению от реального, в то же время как отречение от изображения, которому поручено представлять то, что не хочет быть представленным, нарушать реальное посредством «взлома и проникновения».

В этом смысле большинство фотографий (но в целом и медиаизображения, и все, что составляет «визуальное») не являются настоящими изображениями. Они просто репортажи, реалистичные клише или эстетические представления, поработанные всеми идеологическими системами. На данном этапе изображение является не чем иным, как оператором (рабочим, обслуживающим машину) видимости - средством интегральной видимости, которое является дополнением для Интегральной Реальности, становящегося-реальным идущим рука об руку со становящимся-видимым любой ценой: все должно быть видно, все должно быть видимым, и изображение является главным местом этой видимости.

Там, где банальность изображения встречается с банальностью жизни - как и во всех этих программах «реалити-ТВ», таких как «Большой брат», «Лофт Стори» и т. д. - там, где начинается эта целостная видимость, где все видно, и вы понимаете, больше нет ничего, что можно увидеть.

Превратить себя в изображение - значит раскрыть свою повседневную жизнь, свои несчастья, свои желания и свои возможности. Это не иметь никаких секретов. Никогда не устаю выражать себя, говорить, общаться. Чтобы быть читаемым в любой момент, излишне мелькающий для глаза информационных средств массовой информации (например, женщина, которая появляется в Интернете 24 часа в сутки, показывая мельчайшие подробности своей жизни).

Является ли это самовыражение высшей формой исповеди, о которой говорил Фуко? В любом случае, это насилие в отношении единственного существа, в то же время в отношении образа в его единственности. В фильме «Покидая Лас-Вегас» (Майка Фиггиса) вы видите молодую блондинку, спокойно писающую, продолжая говорить, столь же безразличную к тому, что она говорит относительно того, что она делает. Абсолютно бесполезная сцена, которая явно показывает, что ничто не должно избежать постепенного появления/исчезновения реальности и вымысла; что все подлежит рассмотрению; что все готово для просмотра, готово для удовольствия. Вот что означает прозрачность: принуждение всего реального к орбите визуального (репрезентации - но это все еще репрезентация? Это эксгибиционизм, который фактически захватывает взгляд). Непристойное - это все, что бесполезно, без нужды видимое, без желания и без эффекта - все, что узурпирует редкое и драгоценное пространство явлений.

Это убийство изображения. Оно заключается в этой вынужденной видимости как источнике власти и контроля, выходящем за рамки даже «паноптического»: вопрос не

в том, чтобы сделать вещи видимыми для внешнего глаза, а в том, чтобы сделать их прозрачными для себя. Сила контроля как бы интернализирована, и люди больше не являются жертвами изображений, а скорее трансформируют себя в изображения.

В басне Хорхе Луиса Борхеса о «Зеркальной фауне» есть идея, что за каждым изображением, каждым изображением в зеркале лежит побежденная особенность, побежденный, враг, похожий на вас, который вынужден выглядеть вы.<sup>17</sup> Таким образом, мы можем сказать, что за каждым изображением что-то исчезло (это действительно то, что создает неоднозначное очарование изображения: это потому, что что-то в нем исчезло). Это понимали иконоборцы, которые осуждали иконы как способ заставить Бога исчезнуть. (Возможно, сам Бог решил скрыться за образами?):

Сегодня, во всяком случае, это уже не Бог, а мы сами, которые исчезают за нашими образами. Больше никакой опасности кражи нашего изображения или нарушения нашей тайны. У нас больше нет никаких секретов. Нам больше нечего скрывать в этой Интегральной Реальности, которая нас окружает. «Это знак нашей абсолютной прозрачности и нашей полной непристойности.

Окончательное насилие над изображением - это насилие сгенерированного компьютером изображения, которое появилось *ex nihilo* (с нуля – фр.) из численного расчета и компьютера. Здесь есть конец самому воображению образа, его фундаментальной «иллюзии», поскольку в процессе генерации компьютеров референт больше не существует, а самому реальному больше нет необходимости воплощаться в жизнь, поскольку он производится как Виртуальная реальность. Здесь конец этой прямой съемке изображения, этому присутствию в реальном объекте в безвозвратный момент, который создал волшебную иллюзию фотографии и сделал изображение особенным событием.

В виртуальном изображении больше нет ничего с такой «пунктуальной» точностью, с этой *точкой (punctum)* во времени (если использовать выражение Ролана Барта) – как со старого фотографического изображения, которое засвидетельствовало, что что-то было там и теперь больше не существует, и, следовательно, было свидетельством окончательного отсутствия, наполненного ностальгией.

Цифровая, числовая продукция стирает изображение как аналог. Она стирает реальное как нечто, что можно представить. Фотографический акт - момент исчезновения как субъекта, так и объекта в одной и той же мгновенной конфронтации (спуск затвора, отменяющий мир и взгляд на мгновение, обморок, *petite mort* (маленькая смерть), которая запускает механическое представление изображения) - исчезает в цифровой, числовой обработке. Все это неизбежно приводит к смерти фотографии как оригинального носителя. Это сущность фотографии, которая исчезает с аналоговым изображением.

Это последнее все еще свидетельствовало о предельном живом присутствии субъекта к объекту. Одна последняя передышка от распространения и множественности

---

<sup>17</sup> - Борхес. «Зеркальная фауна». Книга Воображаемых Существ. Перераб. расширенный и переведенный Норманом Томасом ди Джованни в сотрудничестве с (автор (Хармондсворт: Пингвин. 1974). стр. 67-68.

бесперспективных изображений - цифровая приливная волна, которая вот-вот обрушится на нас.

Проблема референции была уже почти неразрешимой проблемой: откуда приходит реальное? Что мы понимаем под представлением? Но когда, с Виртуальным, референт исчезает, когда он исчезает в техническом программировании изображения, когда больше нет никакого реального мира, противостоящего светочувствительной пленке (то же самое относится к языку, который был, светочувствительной пленкой идей), то в конечном итоге больше нет никакого возможного представления. Здесь есть более серьезный момент. Что отличает аналоговое изображение от цифрового, так это то, что в нем присутствует форма исчезновения, форма расстояния, замораживания мира, то есть небытие в основе объекта, о котором говорил Уорхол.

В отличие от этого, в цифровом или, в более общем смысле, в сгенерированном компьютером изображении больше нет негатива или ничего «замедленного». В этом изображении ничто не умирает, ничто не исчезает. Изображение является просто продуктом учения и программы, усугубляемой автоматическим распространением с одного носителя на другой: компьютер, мобильный телефон, телевизор, экран и т. д. - на автоматическую сеть, соответствующую автоматическому построению изображения! Должны ли мы тогда спасти отсутствие и пустоту, должны ли мы спасти это ничто в основе изображения?

Фотографическое изображение является самым чистым, потому что оно не симулирует ни времени, ни движения и ограничивается самой строгой нереальностью. Все остальные формы (кино, видео, компьютерные изображения) - это просто ослабленные формы чистого изображения и его разрыв с реальным. Интенсивность изображения равна отрицанию реального, изобретению другой сцены. Превратить объект в изображение - значит лишить его всех его измерений по одному: вес, рельеф, аромат, глубина, время, непрерывность и, конечно же, смысл. Именно благодаря этому варианту воплощения изображение приобретает силу притяжения, превращается в средство чистой объектности, становится прозрачным для более тонкого соблазна.

Все эти измерения одно за другим - движение, идеи, смысл, желание - мультимедийные изображения, чтобы сделать вещи более реальными, то есть лучше смоделированными, - это абсолютное заблуждение. И сама технология застрахована в своей собственной ловушке.

Чтобы представить образ в чистом виде, мы должны вернуться к радикально самоочевидному факту: это двумерная вселенная, которая сама по себе полностью совершенна и никоим образом не уступает трехмерной вселенной реального и репрезентации или, в некотором роде, незавершенной фазе этой вселенной. Это параллельная вселенная, бездонная другая сцена, и именно это меньшее измерение составляет ее особый шарм, ее гений. Все, что добавляет третьему измерению образ, будь то измерение рельефа, времени и истории, звука и движения или идей и значения; все, что добавляется к изображению, лучше приближается к реальному и репрезентативному, - это насилие, разрушающее его как параллельную вселенную.

Каждое дополнительное измерение отменяет предыдущие. Третье измерение отменяет второе. Что касается четвертого измерения, виртуального, цифрового и интегральной реальности, оно отменяет все остальные - это безразмерное гиперпространство. Это гиперпространство наших экранов, где, строго говоря, изображение больше не существует (но также не существует вселенной реального и представления).

Мы должны тогда отстраниться, всегда отстраниться, чтобы вернуться к образу в чистом виде. Раздевание выявляет существенный момент: а именно, что изображение важнее, чем то, о чем говорится, так же, как язык важнее, чем то, что он обозначает.

В реальности есть неясность. Реальность не в фокусе. Привлечение внимания к миру было бы «объективной реальностью», то есть приспособлением к моделям репрезентации - точно так же, как фокусировка фотографического объектива на объекте. К счастью, мир никогда не приходит в фокус таким образом. Объектив заставляет объект двигаться. Или наоборот - но есть движение.

Лихтенберг говорит в одном из своих афоризмов о треморе: «любому действию, даже точному, предшествует дрожь, мутность жеста, и в нем всегда что-то сохраняется. Когда этой мутности, этого дрожания не существует, когда действие является чисто операционным и идеально сфокусированным, мы находимся на грани безумия.»

И истинное изображение - это то, что объясняет это дрожание мира, независимо от ситуации или объекта, будь то военная фотография или натюрморт, пейзаж или портрет, художественная фотография или репортаж.

На этой стадии изображение - это нечто, являющееся частью мира, захваченное тем же самым становлением, метаморфозой появления. Фрагмент голограммы мира, в которой каждая деталь является преломлением целого. Своеобразная роль фотографии состоит не в том, чтобы проиллюстрировать событие, а в том, чтобы составить само событие. Мир логики требует, чтобы событие, реальное, происходило первым, а затем изображение - для его иллюстрации. Это, к сожалению, так и бывает чаще всего.

Другая последовательность требует, чтобы событие никогда не происходило точно, чтобы оно оставалось в некотором смысле незнакомцем для себя. Несомненно, что-то из этой странности выживает в каждом событии, в каждом объекте, в каждом человеке. Это то, что изображение должно передать. И для этого оно также должно оставаться в некотором смысле незнакомцем для себя; не должно воспринимать себя как посредника, не принимать себя за образ; должно оставаться выдумкой и, следовательно, повторять необъяснимую выдумку события; не должно быть поймано в своей собственной ловушке или не должно быть заключено в обратную связь с изображением.

Худшее для нас - это как раз невозможность мира без подачи изображения - мира, который не будет бесконечно схвачен, захвачен, снят и отснят, прежде чем его увидят. Смертельная опасность для «реального» мира, но также и для изображения, поскольку там, где он просто перерабатывает реальное и погружается в реальное, больше нет никакого изображения - по крайней мере, как исключение, иллюзии или параллельной

вселенной. В погружающемся в нас визуальном потоке больше нет даже времени, чтобы изображение стало изображением.

Может ли фотография освободиться от этого потока изображений и вернуть им первоначальную силу? Для этого бурная деятельность мира должна быть приостановлена; объект должен был быть пойман в тот единственный фантастический момент первого контакта, когда вещи еще не заметили, что мы были там, когда отсутствие и пустота еще не рассеялись ... Фактически, это должен был быть мир тем, что совершил фотографический акт, как если бы мир позволил себе проявить себя совершенно отдельно от нас.

Я мечтаю об изображении, которое было бы автоматическим писанием (написание которое происходит предметов в которое вселилось божество) сингулярности мира, о чем мечтали иконоборцы в знаменитой византийской полемике. Единственный образ, который они считали подлинным, был тот, в котором божественность присутствовала непосредственно, как в завесе Святого Лица<sup>18</sup> - автоматическое написание божественной уникальности лица Христа без какого-либо вмешательства человеческой руки, в некотором роде немедленная передача-печать (аналог негатива фотопленки). Напротив, они жестоко отвергли все иконы, созданные человеческой рукой («графоспазм» иконы), которые для них были просто симулякр божественного.

С другой стороны, фотографический акт, как он и есть, «архейропоэтический» (*прим.пер – упоминается в связи с религиозными изображениями и перерождениями инкарнацией*). Что до автоматического написания света, в котором нет ни реального, ни идеи реального, можно сказать, что фотография с помощью этой автоматике является прототипом буквальности мира без вмешательства человеческой руки. Мир производит себя как радикальная иллюзия; как чистый след, без симуляции, без вмешательства человека и, прежде всего, не как истина, ибо если есть преимущественно продукт: человеческий разум, то этот продукт должен быть правдой и объективной реальностью. Существует большое влияние на придание смысла фотографическому изображению. Это заставляет объекты принимать позу. И сами вещи начинают принимать позу в свете смысла, как только чувствуют на себе взгляд субъекта.

Разве мы не всегда создавали глубокую фантазию о мире, существующем без нас? Поэтическое искушение увидеть мир в наше отсутствие, свободным от любого человека, человеческое желание? Сильное удовольствие поэтического языка - видеть, как язык функционирует сам по себе, в своей материальности, в своей буквальности, без посредничества смысла. Это то, что очаровывает нас. Аналогично в анаграмме, в анаморфозе - «фигура, спрятанная в ковре». Может ли фотография также функционировать как откровение в двойственном, техническом и метафизическом смысле слова, как «изображение, скрытое на ковре»?

*Мир за полированными линзами важнее, чем мир за морями, и, несомненно, по значимости превосходит только мир после смерти (Лихтенберг).*

---

<sup>18</sup> - также известна как вуаль св. Вероники.

Объекты - всего лишь предлог для света. Если бы не было никаких объектов, свет циркулировал бы бесконечно, и мы бы даже не знали об этом. Если бы не было субъектов, мысль циркулировала бы бесконечно, и в сознании этого не было бы даже эха. Субъектом является то, на чем мысль останавливается в своем бесконечном круговороте, то, против чего она отражается. Объект - это то, на чем останавливается свет, то, что отражает его. Фотография представляет собой автоматическое написание света. Молчание образа равняется только молчанию масс и тишине пустыни. Мечтой было бы стать фотографом без объектива, короче, путешествовать по миру без камеры, выйти за рамки фотографии и увидеть вещи, как будто они сами прошли за пределы изображения, как будто вы их уже сфотографировали, но в прошлой жизни. И, возможно, мы действительно уже прошли через фазу изображения, в том, как мы проходим через различные фазы животных, фаза зеркала - это просто отражение всего этого в нашей индивидуальной жизни. Нет автопортрета. Это мир, который посредством изображения производит свой собственный автопортрет, и нам позволено быть там только из доброты (но удовольствие разделяется).

И наоборот, каждое изображение должно рассматриваться с той же интенсивностью, что и наши изображения в зеркале. Фотография всегда является также завуалированным посланием о смерти в истории Самарканда.<sup>19</sup>

Призыв к неудавшейся встрече с реальностью из предпочтений, возможно, для этого другого мира. Разве мы не предпочитаем какую-либо старую параллельную вселенную реальной?

Любую другую двойную жизнь той, что нам дана?

Нет более тонкой параллельной вселенной, чем вселенная детали или фрагмента. Освободившись от целого и его трансцендентного чревоуверования, детали неизбежно становятся загадочными. Каждая частица, вырванная из мира природы, сама по себе является непосредственным разрушением реального и его целостности.

Как и фрагмент, он должен быть только эллиптическим. Он должен быть только исключением. Каждое единичное изображение может считаться исключительным. И это положит конец всем остальным.

Линза настолько тонкая, что запечатлела бы только тех, кто действительно там, а не тех, кто притворяется там, или тех, кто так далеко от себя, что пленка будет нечувствительна к ним, как к эктоплазмам и вампирам.

Во всяком случае, объектив одновременно фиксирует то, что мы там, и то, что нас больше нет. Вот почему перед глазами камеры мы ведем себя мертвыми в своем

---

<sup>19</sup> - Бодрийяр упоминал эту историю во многих случаях. В одном из вариантов она выглядит следующим образом: «На городской площади солдат видит смерть, зовущую его. Он пугается, идет к королю и говорит: «Смерть зовет меня, я собираюсь бежать как можно дальше, я бегу в Самарканд». Король приказывает, чтобы смерть послали к нему, чтобы та объяснила, почему она пугает его капитана. И смерть говорит ему: «Я не хотела его пугать. Я просто хотела напомнить ему, что у нас назначена встреча сегодня вечером - в Самарканде». Перевод Криса Тернера (Лондон: Verso, 2003), п. 68.

внутреннем существе, как это делает Бог до доказательств своего существования. Все в нас кристаллизуется негативно до материального воображения нашего присутствия.

Фокусировка делается на отсутствие, а не на присутствие. Сингулярность - это объект, образ, фрагмент, мысль, которая, используя прекрасное выражение Марка Ротко, «открывается и закрывается одновременно во всех направлениях».

Вырвать реальное из принципа реальности. Вырвать изображение из принципа представления.

Чтобы заново открыть изображение как точку сближения между светом от объекта и светом от взгляда.

# Современное искусство:

## искусство как современник самого себя

Приключение современного искусства окончено. Современное искусство современно только с самим собой. Оно больше не знает никакой трансцендентности ни к прошлому, ни к будущему; его единственная реальность - это его работа в реальном времени и его смешение с этой реальностью.

Ничто сейчас не отличает его от технической, рекламной, медиа, цифровой операции. Там нет трансцендентности, больше нет расхождений, нет ничего от другой сцены: просто зеркальная игра с современным миром, как это происходит. Именно в этом современное искусство бесполезно: между ним и миром существует уравнение с нулевой суммой.

Совершенно независимо от того постыдного соучастия, в котором создатели и потребители безмолвно общаются при рассмотрении странных, необъяснимых предметов, которые относятся только к себе и к идее искусства, истинный заговор заключается в этом соучастии, которое искусство подделывает с собой, его сговор с реальным, благодаря которому оно становится соучастником той Интегральной Реальности, от которой он теперь является просто изображением- обратной связи. Больше нет разницы в искусстве. Есть только интегральное исчисление реальности. Искусство - теперь просто идея, торгующая своими убеждениями в ее реализации.

Современность была золотым веком деконструкции реальности на ее простые элементы, детальной аналитики, сначала импрессионизма, затем абстракции, экспериментально открытой для всех аспектов восприятия, чувствительности, структуры объекта и расчленения формы. Парадокс абстракции состоит в том, что, «освобождая» объект от ограничений фигурального, чтобы привести его к чистой игре формы, он связывает его с идеей скрытой структуры, объективности, более строгой и радикальной, чем объективности сходства. Он стремился отложить в сторону маску сходства и фигуры, чтобы согласиться с аналитической правдой объекта. Под знаменем абстракции мы парадоксально двинулись к большей реальности, к раскрытию «элементарных структур» объективности, то есть к чему-то более реальному, чем реальное. Наоборот, под знаменем общей эстетики искусство вторглось во все поле реальности.

Конец этой истории видел слияние банальности искусства с банальностью реального мира - акт Дюшана, с его автоматическим переносом объекта, был инаугурационным (и ироничным) жестом в этом процессе. Перенос всей реальности в эстетику, которая стала одним из измерений обобщенного обмена...

Все это под знаменем одновременного освобождения искусства и реального мира. Это «освобождение» фактически состояло в том, чтобы связать их друг с другом - хиазм, смертельный для обоих. Перенос искусства превратился в бесполезную функцию в реальность, которая теперь является неотъемлемой, поскольку она поглощает все, что отрицает, превосходит или преобразует ее. Невозможный обмен этой Интегральной

Реальности на что-либо еще. Учитывая это, она может только обмениваться на себя или, другими словами, повторяться *до бесконечности*.

Что могло нас сегодня чудесным образом заверить в сущности искусства? Искусство - это просто то, что обсуждается в мире искусства, в этом отчаянно-одержимом художественном сообществе. «Творческий» акт удваивается сам по себе и теперь является не чем иным, как признаком его собственной работы - истинный субъект художника - уже не то, что он рисует, а сам факт, который он рисует. Он рисует тот факт, что он рисует. По крайней мере, таким образом, идея искусства остается неизменной. Это всего лишь одна из сторон заговора. Другая сторона - это зритель, который из-за недостатка понимания чего-либо, большую часть времени, поглощает свою собственную культуру за один раз. Он буквально поглощает тот факт, что он ничего не понимает и что во всем этом нет необходимости, кроме императива культуры, быть частью интегрального круговорота культуры. Но культура сама по себе является просто эпифеноменом глобальной циркуляции.

Идея искусства стала разреженной и минимальной, что в конечном итоге привело к концептуальному искусству, где она заканчивается не-показом не-работ в не-галереях - апофеозом искусства как не-события. Как следствие, потребитель циркулирует во всем этом, чтобы не испытывать удовольствия от произведений.

В предельной точке концептуальной, минималистской логики искусство должно просто исчезнуть. В этот момент оно, несомненно, станет тем, чем оно является: ложная проблема, и любая эстетическая теория будет ложным решением. И все же это тот случай, когда есть еще необходимость говорить об этом, потому что нечего сказать. Движение за демократизацию искусства, как это ни парадоксально, лишь усилило привилегированный статус идеи искусства, кульминацией которой стала банальная тавтология «искусство есть искусство», когда все могли найти свое место в этом зацикленном определении.

Как сказал Маршалл Маклюэн: *«Теперь мы осознали возможность превращения всей человеческой среды в произведение искусства»*.<sup>20</sup>

Революционная идея современного искусства состояла в том, что любой объект, любая деталь или фрагмент материального мира, мог проявлять ту же самую странную привлекательность и ставить те же неразрешимые вопросы, которые были установлены в прошлом для нескольких редких аристократических форм, известных как произведения искусства.

Вот в чем заключается истинная демократия: не в присоединении всех к эстетическому наслаждению, а в трансэстетическом появлении мира, в котором каждый объект без различия будет иметь свои пятнадцать минут славы (особенно объекты без различия). Все объекты эквивалентны, всё - работа гения. Как следствие, превращение искусства и самой работы в объект, без иллюзий или трансцендентности, в чисто концептуальное отыгрывание, порождение деконструированных объектов, которые в свою очередь деконструируют нас.

---

<sup>20</sup> – Бодрийяр пишет в оригинале на английском: «We have now become aware of the possibility of arranging the entire human environment as a work of art».

Больше нет ни лица, ни взгляда, ни человеческого лица, ни тела во всем этом - органы без тел, потоков, молекул, фрактала. Отношение к «художественному произведению» имеет порядок загрязнения, заражения: вы подключаетесь к нему, поглощаете или погружаетесь в него точно так же, как в потоках и сетях. Метонимическая последовательность, цепная реакция. Во всем этом больше нет никакого реального объекта: в готовом виде это уже не тот объект, который там есть, а идея объекта, и мы больше не находим здесь удовольствие от искусства, а от идеи искусства. Мы целиком в идеологии. И, в конечном счете, двойное проклятие современного искусства сводится к «уже готовому»: проклятию погружения в реальность и банальность, и проклятию погружения в идею искусства.

*«... эта абсурдная скульптура Пикассо с его стеблями и металлическими листьями; ни крылья, ни победа, просто свидетельство, пережиток - идея, не более того, произведения искусства. Очень похоже на другие идеи и пережитки, которые вдохновляют наше существование - не яблоки, а идея, реконструкция помологом того, что раньше было яблоками - не мороженое, а идея, память о чем-то вкусном, сделанном из заменителей из крахмала, глюкозы и других химикатов - не секса, а идеи или воплощения секса - то же самое с любовью, верой, мыслью и остальным».*<sup>21</sup>

Искусство в его форме ничего не значит. Это просто знак, указывающий на отсутствие. Но что происходит с этой перспективой пустоты и отсутствия в современной вселенной, которая уже полностью лишена своего значения и реальности?

Искусство теперь может только сравняться с общей ничтожностью и безразличием. У него больше нет привилегированного статуса. У него больше нет другого конечного пункта назначения, кроме этой изменчивой вселенной общения, сетей и взаимодействия. Передатчик и приемник объединяются в одном цикле: все передатчики, все приемники. Каждый субъект, взаимодействующий с самим собой, обречен на самовыражение, не успев выслушать другого.

Сеть и сети явно увеличивают эту возможность передачи для себя в замкнутом круге, каждый идет на него со своими виртуальными выступлениями и вносит свой вклад в общую асфиксию. Вот почему, когда дело касается искусства, самое интересное было бы проникнуть в губчатый головной мозг современного зрителя, потому что именно здесь сегодня кроется тайна: в мозгу приемника, в нервном центре этого рабства перед «произведениями искусства», в чем его секрет?

Есть соучастие между унижением, которое «творческие художники» причиняют предметам и самим себе, и унижением которое потребители наносят себе и своим умственным способностям. Терпимость к худшим вещам значительно возросла как функция этого общего состояния соучастия. Интерфейс и производительность - вот две текущих главных темы. В перформансе сливаются все формы выражения - пластика, фотография, видео, инсталляция, интерактивный экран. Эта вертикальная и горизонтальная, эстетическая и коммерческая диверсификация отныне является частью работы, оригинальное ядро которой не может быть найдено.

---

<sup>21</sup> - Этот отрывок цитируется из неопознанной работы Сола Беллоу, и я не смог отследить оригинал. В результате я могу предложить только перевод французов.

(Не-)событие, такое как фильм «Матрица», прекрасно это иллюстрирует: это самый архетип глобальной инсталляции, общего глобального факта: не просто фильм, который, в некотором смысле, алиби, а побочные эффекты, одновременная проекция на все точки земного шара и миллионы самих зрителей, которые являются его неотъемлемой частью. Мы все, с глобальной, интерактивной точки зрения, действуем в этом общемировом факте.

У фотографии возникает та же проблема, когда мы берем на себя мультимедийную рекламу, добавляя к ней все ресурсы монтажа, коллажа, цифровых технологий и компьютерной графики и т. д. Это открытие бесконечности, это дерегулирование - буквально смерть фотографии по возвышению на сцену спектакля.

В этом универсальном соединении каждый регистр теряет свою специфику - так же, как каждый индивид теряет свой суверенитет во взаимодействии и сетях - как раз, когда реальное и образ, искусство и реальность теряют свою соответствующую энергию, переставая быть дифференциальными полюсами.

С девятнадцатого века это было утверждение искусства что это бесполезно. Он гордился этим (чего не было в классическом искусстве, где в мире, который еще не был ни реальным, ни объективным, вопрос о полезности даже не возникал). Расширяя этот принцип, достаточно превратить любой предмет в бесполезный, чтобы превратить его в произведение искусства. Именно это и делает «заранее готовое», когда просто выводит объект из своей функции, не изменяя его каким-либо образом, и тем самым превращает его в часть галереи. Этого достаточно; превратить само настоящее в бесполезную функцию, превратив его в арт-объект, жертву всепоглощающей эстетики банальности.

Точно так же старые объекты, будучи устаревшими и, следовательно, бесполезными, автоматически приобретают эстетическую ауру. Их отдаленность от нас во времени является эквивалентом артистического акта Дюшана; они тоже становятся «заранее готовыми», ностальгическими пережитками, ожившими в нашей музейной вселенной. Мы могли бы экстраполировать это эстетическое преобразование на все материальное производство. Как только оно достигает порога, где его больше не обменивают с точки зрения общественного благосостояния, оно становится чем-то вроде гигантского сюрреалистического объекта во власти поглощающей эстетики и везде занимает свое место в своего рода виртуальном музее. Итак, у нас есть музеефикация, как «готовая», вся техническая среда в виде промышленных пустошей.

Логика бесполезности не могла не привести современное искусство к пристрастию к ущербу, которое само по себе бесполезно по определению. Через ущерб, форму отходов, одержимость отходами искусство яростно провозглашает свою бесполезность. Оно демонстрирует свою не-потребительную стоимость, свою не-меновую стоимость в то же время, само себя продает очень дорого.

Здесь есть неправильное представление. *Бесполезность не имеет ценности сама по себе.* Это вторичный симптом, и, жертвуя своими целями ради этого негативного качества, искусство полностью сбивается с пути, превращаясь в бесполезность, которая сама по себе бесполезна. Это тот же самый сценарий, более или менее, как сценарий

недействительности претензии на бессмысленность, ничтожность и банальность, что свидетельствует об удвоении эстетической претензии.

Анти-искусство стремится во всех своих проявлениях избежать эстетического измерения. Но поскольку «заранее готовое» аннексировало саму банальность, все это кончено. Невинность не-смысла, не-образного, извращения и инакомыслия закончена. Все эти вещи, которыми современное искусство хотело бы быть или к чему вернуться, просто усиливают неумолимо эстетический характер этого анти-искусства.

Искусство всегда отрицало себя. Но однажды это произошло из-за избытка, захватывающего игру его исчезновения. Сегодня оно отрицает себя по умолчанию - что еще хуже, оно отрицает свою смерть. Оно погружается в реальность, вместо того, чтобы быть агентом символического убийства той же самой реальности, вместо того, чтобы быть магическим оператором ее исчезновения.

И парадокс заключается в том, что чем ближе оно подходит к этому феноменальному заблуждению, к этой ничтожности как к искусству, тем больше уважения и ценности ему придается, поскольку, перефразируя Канетти, мы достигли точки, в которой больше нет ничего прекрасного или уродливого; мы преодолели эту точку, не осознавая этого, и, поскольку мы не можем вернуться к этой слепой зоне, мы можем только продолжать двигаться в нынешнем разрушении искусства.

Наконец, какой цели служит эта бесполезная функция?

От чего, по самой своей бесполезности, она избавляет нас? Подобно политикам, которые избавляют нас от утомительной ответственности власти, современное искусство своей бессвязной выдумкой избавляет нас от господства смысла, давая нам зрелище бессмысленности. Это объясняет его распространение: независимо от эстетической ценности, оно уверено в процветании благодаря своей ничтожности и пустоте. Так же, как политик в отсутствие какой-либо представительности или доверия.

Таким образом, искусство и арт-рынок процветают именно пропорционально их распаду: это современные дома культуры и симулякр.

Поэтому абсурдно говорить, что современное искусство бесполезно и что в этом нет никакого смысла, поскольку это его жизненная функция: иллюстрировать нашу бесполезность и абсурд. Или, если быть более точным, сделать так, чтобы это делало упадок его акции в торговле, изгоняя его, как зрелище.

Если, как некоторые предполагали, функция искусства состоит в том, чтобы сделать жизнь более интересной, чем искусство, то мы должны отказаться от этой иллюзии. Создается впечатление, что большая часть современного искусства участвует в предприятии по сдерживанию, в траурной работе над изображением и воображаемом, - в большинстве своем неудавшейся - в эстетическом трауре, который приводит к общей меланхолии в художественной сфере, которая кажется, переживает свою собственную гибель, перерабатывая свою историю и свои реликвии.

Но ни искусство, ни эстетика не одиноки в том, что обречены на эту меланхоличную судьбу жизни не за пределами их значения, а за пределами их конца.

***Наша способность к деградации бесконечна, и до тех пор, пока мы не выявим всех преступлений, которые могут быть в нас, наше путешествие не будет закончено.***

Гвидо Черонетти

***Если человек должен достичь внешних границ своих возможностей, то он должен также пойти так далеко, чтобы уничтожить себя. Ибо такая возможность ни наименьшая, и не менее восхитительная.***

Саул Беллоу

## Виртуальность и события

Два изображения: изображение бронзового технократа, склонившегося над своим портфелем, сидящего на скамейке у подножия; Башни-близнецы, или, вернее, окутанные пылью рухнувшие башни, как одно из тех тел, найденных в руинах Помпеи. Это было, так сказать, подписью события, жалким призраком глобальной державы, пораженной непредвиденной катастрофой.

Другая фигура: фигура этого художника, работавшего в своей студии в Тауэрсе над своей скульптурой - его тело, пронизанное самолетами, - намеревалась быть поставленной на площади Центра международной торговли, как современный Святой Себастьян.<sup>22</sup>

Он все еще работал над скульптурой утром 11 сентября, когда его смело вместе со своей скульптурой то самое событие, которое предвосхитило произведение. Высшее посвящение для произведения искусства: быть реализованным самим событием, которое уничтожает его. Две аллегории исключительного, потрясающего события, пронизывающего однообразие объявленного конца истории. Единственное событие, достойное этого имени, резко контрастирующее с не-событием, на которое нас обрекает гегемония мирового порядка, ничто не должно беспокоить.

На данном нынешнем этапе объединения всех функций – функций тела, времени, языка – капельного питания всех умов, малейшее событие представляет угрозу; даже история является угрозой.

Таким образом, необходимо будет изобрести систему безопасности, которая предотвращает какое-либо событие. Целая стратегия сдерживания, которая сегодня служит глобальной стратегии.

Недавний фильм Стивена Спилберга, «Minority Report» («Особое мнение»), иллюстрирует такую систему. Основываясь на мозгах, наделенных даром предвидения («предсказатели» - три «прова» в фильме), которые выявляют неминуемые преступления до их совершения, полицейские отряды («precrime» - отряды профилактики, предотвращения преступлений) перехватывают и нейтрализуют преступника, прежде чем он совершит свое преступление. В фильме «Мертвая зона» (режиссер Дэвид Кроненберг) есть такой вариант: герой, который после серьезной аварии также наделен способностями к предвиденью, в конечном итоге убивает политика, чью будущую судьбу военного преступника он предвидит. Это также сценарий войны в Ираке: преступление пресечено в зародыше в силу не совершенного акта (использование Саддамом оружия массового уничтожения). Вопрос в том, действительно ли преступление имело бы место быть. Но мы никогда не узнаем. То, что мы имеем здесь, - это настоящее подавление виртуального преступления. Экстраполируя это, мы можем видеть, что над войной вырисовывается систематическое перепрограммирование не только всех преступлений, но и всего, что может нарушить порядок вещей, охраняемый порядок планеты. Это то, к чему

---

<sup>22</sup> - Работы, упомянутые здесь, принадлежат Дж. Сьюарду Джонсону и покойному Майклу Ричардсу соответственно.

«политическая» власть сводится сегодня. Он больше не руководствуется какой-либо позитивной волей; это просто негативная сила сдерживания, общественного здравоохранения, безопасности, иммунитета, профилактики.

Эта стратегия направлена не только на будущее, но и на прошедшее событие - например, на 11 сентября, когда она пытается посредством войны в Афганистане и Ираке стереть унижение. Вот почему эта война по сути является заблуждением, виртуальным событием, «не-событием», лишенным какой-либо собственной цели или окончательности, она просто принимает форму заклинания, экзорцизма. Это также является причиной бесконечности, так как никогда не будет никакого смысла вызывать такое событие: оно называется превентивным, но на самом деле оно ретроспективно, его цель состоит в том, чтобы разрядить террористическое событие 11 сентября, тень которого парит над всей стратегией планетного контроля. Стирание события, стирание врага, стирание «смерти»: в стремлении к «нулевым потерям» мы видим тот же императив, который применяется в этой одержимости безопасностью.<sup>23</sup>

Целью этого мирового порядка является окончательное отсутствие событий. В каком-то смысле это конец истории не на основе демократического осуществления, как это делает Фукуяма, а на основе превентивного террора, контртеррора, который положил конец любым возможным событиям. Террор, сила которого приложена в конечном итоге прикладывается на себя под знаменем безопасности.

Здесь есть жестокая ирония: ирония антитеррористической мировой системы, которая заканчивает тем, что пропускает через себя террор, причиняет его себе и освобождает себя от любой политической субстанции - и заходит так далеко, что разворачивает террор на собственное население. Это остаток холодной войны и баланса террора? Но на этот раз это сдерживание без холодной войны, террор без баланса. Вернее, это всеобщая холодная война, которая заземлилась в мельчайшие промежутки в общественной и политической жизни.

Этот стремительный рывок власти в свою собственную ловушку достиг драматических крайностей в событии в московском театре, когда заложники и террористы смешались в одной и той же бойне. Точно так же, как в «Коровьем бешенстве»: вы убиваете целое стадо в качестве меры предосторожности - Бог признает своих. Или как в случае с Стокгольмским синдромом: смешивание в смерти делает их фактически соучастниками преступления (то же самое в «Особом мнении»: тот факт, что полиция захватывает предполагаемого преступника до того, как он что-то сделал, доказывает, что он не может быть невиновен).

И это, на самом деле, правда ситуации: факт заключается в том, что, так или иначе, население само по себе представляет террористическую угрозу для властей. И именно власти, репрессируя, невольно установили печать на этом соучастии. Эквивалентность в репрессиях показывает, что мы все являемся заложниками власти. Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о коалиции всех правительств против всего населения - мы предвосхитили это в связи с войной в Ираке, поскольку она могла произойти

---

<sup>23</sup> - Французские термины «la securite» и «l'insecurite» более четко показывают, чем их англоязычные аналоги, дискуссию о том, что в английском языке известно, как «закон и порядок».

вопреки мировому мнению, с более или менее замаскированным согласием всех правительств. И если всемирные демонстрации против войны могли создать иллюзию возможного противодействия, они продемонстрировали прежде всего политическую незначительность этого «международного сообщества» по сравнению с американской *Realpolitik*.

Отныне мы имеем дело с осуществлением власти в чистом государстве, не заботясь о суверенитете или представительстве; с Интегральной Реальностью негативной силы. Пока она получает свой суверенитет от представительства, пока существует форма политического разума, власть может найти свое равновесие - с ней, во всяком случае, можно бороться и оспаривать ее. Но потеря значения этого суверенитета оставляет необузданную силу, которой ничего не противостоит, дикую силу (с дикостью, которая больше не естественная, а техническая). И которые, как ни странно, окольным путем можно сказать, возвращаются к чему-то вроде первобытных обществ, которые, по мнению Клода Леви-Стросса, не зная власти, были обществами без истории. Что если бы мы, нынешнее глобальное общество, вновь оказались в тени этой интегральной силы, чтобы стать обществом без истории?

Но эта Интегральная Реальность власти также является ее концом. Сила, которая больше не основана ни на чем, кроме предотвращения и контроля событий, которая больше не имеет политической воли, а воли рассеять призраков, сама становится призрачной и уязвимой. Ее виртуальная сила - ее программная сила с точки зрения программного обеспечения и тому подобного - является полной, но в результате она больше не может привести себя в действие, кроме как против себя, всеми видами внутренних сбоев. На пике своего мастерства она теперь может только потерять лицо.

Это буквально «Ад власти».

Контроль за событиями в основном осуществляется самой информацией<sup>24</sup>. Информация представляет собой наиболее эффективный механизм де-реализации истории. Подобно тому, как политическая экономия является гигантским механизмом для производства стоимости, для производства признаков богатства, но не для самого богатства, так и вся система информации является огромной машиной для производства события как знака, как обменной ценности на универсальном рынке идеологии, зрелища, катастрофы и т. д. - короче говоря, для создания не-события. Абстракция информации такая же, как абстракция экономики. И, поскольку все товары благодаря этой абстракции стоимости обмениваются друг с другом, поэтому все события становятся взаимозаменяемыми на рынке культурной информации. Особенность события, не сводимая к его закодированной транскрипции и его постановке, которая является тем, что довольно просто составляет событие, теряется.

Мы переходим в область, где события больше не происходят, благодаря их самопроизводству и распространению в «реальном времени», где они теряются в пустоте новостей и информации. Сфера информации подобна пространству, где после

---

<sup>24</sup> - «l'information» на французском языке имеет более широкий диапазон значений, ориентиров, чем на английском, что означает как информацию в английском смысле, где она связана с информационными технологиями (l'informatique), так и освещением новостей в общем смысле (ср. la presse d'information: газеты)

опустошения событий их субстанции воссоздается искусственная гравитация, и они возвращаются на орбиту в «реальном времени» - где, лишив их исторической жизненности, они повторно проецируются на трансполитической сцене информации.

Не-событие - это когда ничего не происходит. Скорее, это сфера вечных изменений, непрерывного обновления, непрерывной последовательности в реальном времени, которая производит эту общую эквивалентность, это безразличие, эту банальность, которая характеризует нулевую степень события.

Вечная эскалация, которая также является эскалацией роста - или моды, которая является преимущественно полем принудительных изменений и встроенного морального износа. Господство моделей порождает культуру различий, которая положит конец любой исторической преемственности. Вместо того, чтобы разворачиваться как часть истории, вещи начали сменять друг друга в пустоте. Изобилие языка и образов, перед которыми мы беззащитны, сведены к тому же бессилию, к тому же параличу, который мы можем проявить на приближении войны. Это не вопрос дезинформации или промывания мозгов. Со стороны ФБР было наивной ошибкой пытаться создать дезинформационное агентство для целей управляемых манипуляций - совершенно бесполезное начинание, поскольку дезинформация исходит из самого изобилия информации, от ее заклатья, ее зацикленного повторения, которое создает пустое поле восприятия, пространство, разрушенное как бы нейтронной бомбой или одним из тех устройств, которые всасывают весь кислород из зоны удара. Это пространство, где все предварительно нейтрализовано, включая войну, прецессией изображений и комментариев, но это, возможно, потому, что в сущности нечего сказать о чем-то, что разворачивается, как эта война, в беспощадном сценарии, без проблеска неопределенности в отношении окончательного результата.

Именно в сфере средств массовой информации мы наиболее отчетливо видим это событие, короткое замыкание которого происходит благодаря мгновенной обратной связи с изображением. Информация, новостное освещение, всегда уже там. Когда происходят катастрофы, репортеры и фотожурналисты находятся там перед службами экстренной помощи. Если бы они могли быть, они бы были там до катастрофы, лучший способ изобрести или вызвать событие, это оказаться там первым с новостями. Подобные спекуляции достигли высшей точки в инициативе Пентагона о создании «фьючерсного рынка в событиях», фондового рынка цен для террористических атак или катастроф. Вы делаете ставку на вероятное появление таких событий против тех, кто не верит, что они произойдут.

Этот спекулятивный рынок предназначен для работы подобно рынку сои или сахара. Вы можете предположить, что число жертв СПИДа в Африке или вероятность того, что ошибка Сан-Андреас начнет движение (говорят, что инициатива Пентагона проистекает из того факта, что они приписывают свободному рынку спекуляции лучшие способности прогнозирования, чем есть у секретной службы).

Конечно, это всего лишь шаг отсюда к инсайдерской торговле: ставки на событие до того, как вы его вызвали, по-прежнему верны (говорят, что это сделал Бен Ладен, спекулируя акциями TWA до 11 сентября). Это похоже на страхование жизни вашей жены, прежде чем убить ее.

Существует большая разница между событием, которое происходит (произошло) в историческом времени, и событием, которое происходит в реальном времени информации. Чистому управлению потоками и рынками под флагом планетарного дерегулирования соответствует «глобальное» событие или, скорее, глобальное несобытие: победа Франции на чемпионате мира, наступление 2000-го года, смерть Дианы, «Матрица» и т. д. Независимо от того, производятся ли эти события, они организованы молчаливой эпидемией информационных сетей. Поддельные события. Фейковые события<sup>25</sup>.

Франсуа де Бернар анализирует, что война в Ираке, как чистая транскрипция теории и практики кино. То, что мы наблюдаем, пока сидим парализованно на наших раскладных сиденьях, не «как фильм»; это фильм. Со сценарием, текстом, которому нужно неуклонно следовать. Кастинг и технические и финансовые ресурсы были тщательно спланированы: профессионалы в работе. В том числе контроль каналов сбыта. В конце концов, операционная война становится огромным спецэффектом; кино становится парадигмой войны, и мы представляем ее как «реальную», тогда как это всего лишь зеркало его кинематографического существа.

Таким образом, виртуальность войны не является метафорой. Это буквальный переход от реальности к художественной литературе, или, скорее, непосредственная метаморфоза реального в художественную литературу. Реальное - это теперь просто асимптотический горизонт Виртуального.

И во всем этом вопрос не только реальности, а реальности кино. Это немного похоже на Диснейленд: тематические парки теперь просто алиби - маскировка того факта, что весь контекст жизни был нарушен. То же самое и с кино: фильмы, снятые сегодня, являются просто видимой аллегорией кинематографической формы, которая охватывает все - социальную и политическую жизнь, пейзаж, войну и т. д. - форму жизни, полностью написанную для экрана. Нет сомнений, почему кино исчезает, потому что оно перешло в реальность. Реальность исчезает в руках кино, а кино исчезает в руках реальности. Смертельное переливание, при котором каждый теряет свою специфику.

Если мы рассматриваем историю как фильм - каким он стал, несмотря на нас - тогда правдивость информации заключается в постсинхронизации, дублировании и субтитрах фильма истории.

В бывшей Западной Германии они собираются построить тематический парк, в котором будет воссоздан декор и атмосфера ныне не существующего Востока (так называемая, *Ост-альгия* как форма ностальгии). Целое общество увековечено таким образом в его собственной жизни (это не полностью исчезло). Таким образом, симулякр не просто отображает реальность телескопа, но создает впечатление, что «Реальное» скоро будет происходить только в «реальном времени», даже не пройдя через настоящее и историю. В результате история снова становится для нас объектом ностальгии, и стремление к истории, к реабилитации, к местам памяти можно увидеть

---

<sup>25</sup> – “Fake events” – е Бодрийяра в оригинале на английском.

повсюду, как если бы мы страдали от этого, но мы стремимся питать (заряжать) тот же конец истории.

История тоже действует за пределы своей цели. Было определение исторического события, и Французская революция была его моделью. Само понятие события и истории действительно датируется именно этим моментом. Это событие можно было бы проанализировать как высшую точку непрерывного развертывания, и его разрыв сам по себе был частью общей диалектики. Сейчас это совсем не так, с ростом мирового порядка, исключающего всякую идеологию и исключительно касающегося циркуляции потоков и сетей. В этом обобщенном обращении все цели и ценности Просвещения теряются, даже если они были в его начале. Ибо когда-то была идея, идеал, воображаемая современность, но все они исчезли в результате обострения роста. То же самое с историей, как и с реальностью. Был принцип реальности. Затем принцип исчез, и реальность, освобожденная от его принципа, продолжает исходить из чистой инерции. Она развивается в геометрической прогрессии, она становится Интегральной Реальностью, которая больше не имеет ни принципа, ни цели, а просто для того, чтобы полностью реализовать все возможности. Он проглотил свою утопию. Он работает за пределами своей цели.

Но конец истории - не последнее слово в истории. Ибо на этом фоне вечных не-событий вырисовывается еще один вид событий. Разрывные события, непредвиденные события, не поддающиеся классификации с точки зрения истории, вне исторического разума, события, которые происходят против их собственного изображения, против их собственного симулякра. События, которые нарушают утомительную последовательность текущих событий, переданных средствами массовой информации, но, тем не менее, не являются повторным появлением истории или действительным прорывом в сердце Виртуального (как было сказано об 11 сентября). Они не представляют собой события в истории, но за пределами истории, за ее пределами; они представляют собой события в системе, которая положила конец истории. Это внутреннее конвульсия истории. И, как следствие, они кажутся вдохновленными некой силой зла, кажутся уже не носителями конструктивного беспорядка, а абсолютного беспорядка.

Не поддающиеся расшифровке по своей особенности, они являются эквивалентом сверх системы, которая сама по себе не поддается расшифровке в своем расширении и своем стремительном заряде. «В Новом Мировом Порядке больше нет революций, теперь есть только конвульсии. Как и в якобы совершенном механизме, системе, которая слишком хорошо интегрирована, больше нет никаких кризисов, но есть неисправности, сбои, разрывы аневризмы. И все же события не совпадают с авариями.

Авария - это просто симптом, эпизодическая дисфункция, ошибка в техническом (или естественном) порядке, которую можно предотвратить. Именно в этом и состоит вся нынешняя политика риска и предотвращения.

Событие, со своей стороны, является контрнаступлением и во многом вдохновляет: в любую систему на своем пике, в точке совершенства оно вновь вводит внутренний негатив и смерть. Это форма обращения силы против себя, как если бы, наряду с компонентами ее власти, каждая система тайно питала злой дух, который

гарантировал бы, что система была свержена. Именно в этом смысле, в отличие от несчастных случаев, такие события не могут быть предсказаны, и они не являются частью какого-либо набора вероятностей.

Анализ революции и призрака коммунизма Маркса предлагает множество аналогий с текущей ситуацией. Он также сделал пролетариат историческим агентом конца капитала - так сказать, его злого духа, поскольку с подъемом пролетариата капитал разжигал внутренний вирус своего собственного уничтожения. Однако существует радикальная разница между призраком коммунизма и призраком терроризма.

Великая хитрость капитала состояла в том, чтобы превратить агента дезинтеграции, который он нес в себе, в видимого врага, классового противника, и, таким образом, помимо экономической эксплуатации, превратить это историческое движение в динамику реинтеграции, ведущую к более продвинутой стадии капитала.

Терроризм действует на более высоком уровне радикализма: он не является субъектом истории; это неуловимый враг. И если классовая борьба породила исторические события, терроризм породит другой тип событий. Глобальная власть (которая уже не совсем совпадает с капиталом) оказывается здесь в прямой конфронтации с самой собой. Теперь осталось иметь дело не с призраком коммунизма, а с его собственным призраком. Конец революций (и истории в целом), таким образом, ни в каком смысле не является победой мировой власти. Скорее можно сказать, что это судьбоносный знак.

История была нашей сильной гипотезой, гипотезой максимальной интенсивности. Изменение, со своей стороны, соответствует минимальной интенсивности - это то, где все просто следует за всем остальным и отменяет его, вплоть до воссоздания тотальной имбилизации (*то, что делает неподвижным*) : впечатление, в вихре текущих событий, что ничего не меняется.

Обобщенный обмен - обмен потоками, сетями, универсальным общением - ведет, за пределы критического порога, который мы прошли давно, к своему собственному отрицанию, которое уже не просто кризис роста, а катастрофа, насильственная инволюция, что можно почувствовать сегодня в том, что можно назвать «тенденцией падения уровня реальности» (аналогично, избыток информации соответствует тенденции снижения уровня знаний).

Нулевая степень ценности в полной эквивалентности.

Глобализация верила, что ей удастся нейтрализовать все конфликты и двигаться в направлении безупречного порядка. Но это, по сути, порядок по умолчанию: все эквивалентно всему остальному в уравнении с нулевой суммой. Ушли в прошлое диалектика, игра тезиса и антитеза, разрешающая себя в синтезе. Противоборствующие термины теперь нейтрализуют друг друга в балансировании всех конфликтов. Но эта нейтрализация, в свою очередь, никогда не является окончательной, поскольку, в то время как исчезает всякое диалектическое разрешение, крайности выходят на первый план.

Больше не вопрос истории, о директивной схеме или о регулировании кризисом. Больше не рациональная преемственность или диалектика конфликтов, а разделение

крайностей. Когда всеобщее сокрушено силой глобального и логика истории уничтожена головокружительным водоворотом изменений, между виртуальным всемогуществом и теми, кто яростно выступает против него, остается лишь лобовое столкновение.

Отсюда и антагонизм между мировой властью и терроризмом - нынешняя конфронтация между американской гегемонией и исламистским терроризмом является всего лишь видимым текущим поворотом в этой дуэли между Интегральной Реальностью власти и интегральным отказом от той же самой власти.

Нет возможности примирения; между антагонистическими силами никогда не будет перемирия или возможности целостного порядка. Никогда не будет перемирия мысли, которое яростно сопротивляется, и перемирия событий в этом смысле: в большинстве случаев события бастуют какое-то время, а затем внезапно прорываются снова. Это, в некотором смысле, обнадеживает: хотя она не может быть разрушено, Империя Добра также обречена на вечный провал.

Мы должны сохранить для этого события его радикальное определение и его влияние на воображение. Для него совершенно парадоксальным образом характерны его странность, его тревожная странность - это нарушение чего-то невероятного и невозможного - и его тревожная осведомленность: в плане того, что с самого начала это кажется совершенно самоочевидным, как будто предопределено; как будто это не могло не быть. Здесь есть что-то, что, кажется, пришло откуда-то, что-то роковое, что ничто не может предотвратить. По этой причине, как сложной, так и противоречивой, он мобилизует воображение с такой силой. Он нарушает непрерывность вещей и в то же время делает его вход в реальное с ошеломляющей легкостью.

Бергсон чувствовал событие Первой мировой войны таким образом. До того, как она вспыхнула, она казалось возможной и невозможной (полное сходство с неопределенностью, окружающим войну в Ираке), и в то же время он испытывал чувство ошеломления от той легкости, с которой такая пугающая возможность могла пройти путь из абстрактного к конкретному, от виртуального к реальному. Мы снова видим тот же парадокс в сочетании умиротворения и террора, которые более или менее негласно характеризуют событие 11 сентября. Это чувство захватывает нас, когда мы сталкиваемся с возникновением *чего-то, что происходит без того, чтобы быть возможным.*

При нормальном ходе событий сначала должно быть возможно что-то, а потом они могут реализовать себя. Это логический, хронологический порядок. Но они не являются, в этом случае, событиями в сильном смысле. Так обстоит дело с войной в Ираке, которая была настолько предсказана, запрограммирована, предвидена, прописана и смоделирована, что она исчерпала все свои возможности еще до того, как она началась. В ней больше ничего нет о событии. В ней больше нет ничего от того чувства восторга и ужаса, которое чувствовалось в радикальном событии 11 сентября, которое напоминает чувство возвышенного, о котором говорил Кант... Непринятие войны оставляет лишь чувство мистификации и тошноты.

Именно здесь мы должны представить что-то вроде метафизики события, признаки которой мы снова находим в Бергсоне. На вопрос о том, возможно ли появление

великого произведения, он ответил, что Нет, это было невозможно, это пока невозможно, это станет возможным после того, как оно появится: «Если появится талантливый или гениальный человек, если он создаст работу, тогда она реальна, и тем самым она становится ретроспективной, задним числом возможной»<sup>26</sup>.

Перенесенные на события, это означает, что они вначале происходят, как бы ничем не непредсказуемые. Только тогда они могут быть задуманы как возможные. Это временной парадокс, обратная временность, которая обозначает событие как таковое.

Как правило, мы понимаем восходящую линию движения, идущую от невозможного к возможному, затем к реальному. Теперь, что выделяет истинное событие, так это то, что реальное и возможное возникают одновременно и сразу же воображаются. Но это относится к живым событиям; в живую временность, на глубину времени, которого больше нет в реальном времени.

Реальное время - это насилие над временем, насилие над событием. С мгновенностью Виртуальности и прецессией моделей, мы получаем всю глубину поля *продолжительности*, начала и конца. Это потеря вечно отложенного времени и его замена мгновенным, окончательным временем.

Вещи нужно только сконцентрировать в непосредственном присутствии, подчеркивая одновременность всех сетей и всех точек земного шара, чтобы время было сведено к его наименьшему простому элементу, моменту, который больше не является даже «настоящим» моментом, а воплощает абсолютную реальность времени в полной абстракции, таким образом, превалируя против нарушения любого события и возможной смерти.

Таково «реальное время», время общения, информации и бесконечного взаимодействия: самое лучшее пространство сдерживания времени и событий. На экране в реальном времени с помощью простых цифровых манипуляций потенциально реализуются все возможности, что положит конец их возможностям. С помощью электроники и кибернетики все желания, вся игра идентичности и все интерактивные возможности автоматически программируются. Тот факт, что все здесь реализовано с самого начала, предотвращает возникновение какого-либо отдельного события. Таково насилие в реальном времени, которое также является насилием информации.

Реальное время дематериализует как будущее измерение, так и прошлое; оно дематериализует историческое время, распыляет реальное событие. Холокост, 2000 год - этого не произошло, не произойдет.

Это даже распыляет настоящее событие в новостном освещении [l'injormation], которое является просто его мгновенной обратной связью изображения.

Освещение в новостях сочетается с иллюзией настоящего времени, присутствия - это медиа-иллюзия «живого» мира и в то же время горизонта исчезновения реального события. Отсюда и дилемма, которую ставят все изображения, которые мы получаем:

---

<sup>26</sup> - Анри Бергсон. Мысль и Движение. Третье издание (Paris: PUF. 1990), p. 110.

неуверенность в правдивости события, как только появятся средства массовой информации.

Как только они вовлечены в ход явлений и вовлечены ходом явлений, именно средства массовой информации являются событием. Это событие освещения новостей, которое заменяет собой освещение события. Историческое время события, психологическое время аффектов, субъективное время суждения и воли, объективное время реальности - все это одновременно подвергается сомнению в реальном времени. Если бы существовал предмет истории, предмет познания, предмет власти, все они исчезли бы в уничтожении реальным временем расстояния, пафосом расстояния, в интегральной реализации мира информацией.

До события еще слишком рано для возможного.

После события уже слишком поздно для возможного.

Слишком поздно и для представления, и ничто действительно не сможет объяснить это. Например, 11 сентября - сначала - только тогда его возможность и его причины догоняют его через все дискурсы, которые попытаются объяснить его. Но так же невозможно представить это событие, как и прогнозировать его до того, как оно произошло. Эксперты ЦРУ имели в своем распоряжении всю информацию о возможности нападения, но они просто не верили в это. Это было за гранью воображения. Такое событие всегда есть. Это выше всех возможных причин (и, возможно, даже, как предполагает Итало Свейво, причины - просто недоразумение, мешающее миру быть тем, чем он является). , Таким образом, мы должны пройти через отсутствие новостей (информацию), чтобы определить, что им противостоит. Найти как бы «живую монету» события; Чтобы сделать буквальный анализ этого, против всего механизма комментариев и сценического менеджмента, который просто нейтрализует это. Только события, освобожденные от новостей и информации (и нас с ними), создают фантастическое желание. Они одни «настоящие», поскольку им нечего объяснить, и воображение приветствует их с распростертыми объятиями.

В нас есть огромное желание событий. И огромное разочарование, так как все содержание информационных средств отчаянно уступает мощности вещательного механизма. Эта непропорциональность создает спрос, который готов подхватывать любой инцидент, формироваться на любой катастрофе. И у жалкой инфекции, которая подхватывается через толпы в какой-то конкретный случай (смерть Дианы, чемпионат мира) нет другой причины. Это не вопрос страсти к подглядыванию или выпуска пара. Это спонтанная реакция на аморальную ситуацию: избыток информации создает аморальную ситуацию, в которой она не имеет аналогов в реальном событии. Автоматически, нужно максимальное событие, «роковое» событие, которое исправляет эту огромную банальность жизни с помощью информационной машины. Мы мечтаем о бессмысленных событиях, которые освободят нас от этой тирании смысла и ограничения причин. Мы живем в ужасе как от избытка смысла, так и от полной бессмысленности. И в банальном контексте социальной и личной жизни эти чрезмерные события являются эквивалентом избытка знаков в языке для Леви-Стросса, а именно того, что определяет его как символическую функцию.

Стремление к событиям, стремление к не-событиям - два побуждения одновременны и, несомненно, так же сильны, как и другие. Отсюда и смесь ликования и ужаса, тайного восторга и раскаяния. Восторг связан не столько со смертью, сколько с непредсказуемостью, с которой мы так пристрастны.

Все оправдания просто маскируют именно это неясное стремление к событиям, к свержению порядка вещей, каким бы оно ни было. Совершенно кощунственное желание уничтожить зло, восстановить тайное правление, которое в форме совершенно неоправданного события (природные катастрофы также не оправданы) восстанавливает нечто вроде баланса между силами добра и зла. Наши моральные протесты прямо пропорциональны аморальному очарованию, которое оказывает на нас автоматическая обратимость зла.

Они говорят, что Диана стала жертвой «общества зрелищ», и что мы были пассивными вуайеристами (подглядывающими) ее смерти. Но происходила гораздо более сложная драматургия, коллективный сценарий, в котором сама Диана была не невинна (с точки зрения проявления себя), но в которой массы играли непосредственную роль в позитивном «реалити-шоу» публичной и частной жизни Леди Ди со СМИ в качестве интерфейса. Папарацци были всего лишь средством, наряду со средствами массовой информации, этого смертоносного взаимодействия, и за ними были все мы, чье желание формирует средства массовой информации, - мы, кто является массой и средой, сетью и электрическим током. Больше нет актеров или зрителей; Мы все погружены в одну и ту же реальность, в одну вращающуюся ответственность, в одну судьбу, которая является просто исполнением коллективного желания. Здесь мы снова недалеко от Стокгольмского синдрома: мы заложники освещения новостей, но мы тайно соглашаемся на этот захват заложников.

В то же время мы очень желаем событий, любых событий, при условии, что они исключительны. И мы также страстно желаем, чтобы ничего не происходило, чтобы все было в порядке и оставалось таковым, даже за счет недовольства существованием, которое само по себе невыносимо. Отсюда внезапные конвульсии и вытекающие из них противоречивые аффекты: ликование или террор. Отсюда также два типа анализа: тот, который отвечает на чрезвычайную сингулярность события, и другой, чья функция, как можно сказать, состоит в том, чтобы рационализировать его – традиционное мышление и парадоксальное мышление. Между этими двумя больше нет места для просто критической мысли.

Как ни крути, ситуация стала радикальной. И если мы думаем, что эта радикализация - радикализация зла, то есть, в конечном счете, исчезновение всего посредничества, оставляющее только столкновение между крайностями, - тогда мы должны признать эту ситуацию и противостоять проблеме зла.

Мы не должны поддерживать ни одного, ни другого. Мы испытываем одновременное притяжение и отталкивание события и не-события. Так же, как, по словам Ханны Арендт, в любых действиях мы сталкиваемся с непредсказуемым и необратимым. Но, поскольку необратимым сегодня является движение к виртуальному господству над миром, к полному контролю и технологическому «обрамлению», к тирании абсолютного предотвращения и технической безопасности, мы оставили нам только

непредсказуемую удачу этого события. И точно так же, как Малларме сказал, что бросок игральных костей никогда не отменяет шансов - то есть никогда не будет окончательного броска игральных костей, который благодаря своему автоматическому совершенству положит конец случайности - поэтому мы можем надеяться, что виртуальное программирование никогда не отменит события. Никогда не будет достигнута точка технического совершенства и абсолютной профилактики, когда можно сказать, что роковое событие исчезло.

Всегда будет шанс для тревожной странности [das Unheimliche](нем. – *чрезвычайного*) события, в отличие от тревожной монотонности глобального порядка. Хорошая метафора для этого – это тот видеохудожник, который тренировался со своей камерой на полуострове Манхэттен в течение всего сентября 2001 года, чтобы запечатлеть тот факт, что ничего не происходит, чтобы заснять не-событие.

И банальность вышла вперёд и взорвалась в объективе его камеры с башнями-близнецами!

## Зло и несчастье

О зле в чистом виде говорить невозможно.

То, о чем можно говорить, - это различие между злом и несчастьем, превращение зла в несчастье, и культура несчастья, которая замешана в гегемонической культуре счастья.<sup>27</sup>

Идеальная оппозиция между добром и злом была сведена к идеологической оппозиции между счастьем и несчастьем. Сведение добра к счастью столь же пагубно, как сведение добра к несчастью, но последнее более интересно, потому что оно более отчетливо показывает наше гуманистическое видение, то видение, которое видит человека как естественно доброго, а зло и несчастье – как просто случайности. Именно здесь, в идее, что человек хорош или, по крайней мере, культурно совершенен, мы сталкиваемся с нашей глубочайшей воображаемой концепцией, а вместе с ней и с самым серьезным заблуждением. Ибо, если несчастье является несчастным случаем и, в конечном счете, подобно болезни и бедности, восстанавливаемому несчастному случаю (с технической точки зрения неотъемлемого счастья, даже смерть уже не непоправима), зло, со своей стороны, не является несчастным случаем. Если несчастье случайно, зло фатально.<sup>28</sup> Это изначальная сила и ни в коем случае не дисфункция, пережиток или просто препятствие, стоящее на пути добра.

Суверенная гипотеза, гипотеза зла, состоит в том, что человек не добр по природе, не потому, что его можно назвать плохим, а потому, что он совершенен, как он есть. Он совершенен в том смысле, что плод совершенен, но не более совершенен, чем цветок, который сам по себе совершенен и не является незаконченной фазой окончательного состояния. Ничто не является окончательным, или скорее все не окончательно. Каждый этап эволюции, каждый возраст жизни, каждый момент жизни, каждый вид животных или растений совершенен сам по себе. Каждый персонаж, в его исключительном несовершенстве, в его несравненной конечности, несравненный. Это то, что эволюционная мысль стремится подавить во имя окончательности, которая может быть только добром, к совершенно безнравственному преимуществу некоторых конкретных видов, поскольку именно в эволюционизме, в идее прогрессивной преемственности, все различия укоренены.

Если каждый принимает любой термин в его особенности - а не в его характерной черте, относящейся к универсальному - тогда каждый термин совершенен; это само по себе конец. Таким образом, каждая деталь мира совершенна, если она не относится к какой-то большей группе. Таким образом, все идеально, если это не относится к идее. Таким образом, ничто не идеально, так как оно противопоставлено ничему. И, таким образом, зло прекрасно, когда оно предоставлено самому себе, своему злему гению. Таков человек до того, как погрузиться в идею прогресса и в техническое воображение счастья: он является злом и совершенством, подобно катарам, которые, признавая

---

<sup>27</sup> - Ключевые термины здесь более очевидно связаны на лексическом уровне по-французски: le Mal (зло), le malheur (несчастье), le bonheur (счастье).

<sup>28</sup> - В первую очередь в смысле предназначения, суждено произойти.

исключительную силу зла и его полную власть над творением, называют себя совершенными: "Perfecti".

Керонетти в «L'occhiale malinconico» («Меланхолические очки») пишет: *«Я нахожу философскую идею фундаментального несчастья человеческой расы совершенно чуждой. У Леопарди, неизменная невинность жертвы всегда предполагается, и природа затем ударяет по ним, как будто с какой-то злокачественной опухолью. Я не вижу нигде невинности. Я знаю, что люди низменны по своей природе, а не случайно, но, когда я думаю о «человеческом состоянии», я теряю представление о счастье или несчастье, представление уносит ночь, все, что остается, - это безнадежная головоломка».*

Или, опять же: *«Я чувствую несчастье как предельное ощущение жжения, которое не соответствует видению зла, о котором можно сказать просто как несчастный случай, запоздалое событие».* По сути, догмат несчастья слишком ясен и поддается проверке, чтобы быть основополагающим. Зло - запутанная, непроницаемая идея. Загадочно по своей сути. Теперь крошечная запутанная идея всегда больше, чем очень большая идея, которая абсолютно ясна.

Таким образом, идея несчастья - это простое решение. Точно так же, как идея свободы является самым простым решением невозможности мыслить судьбу и предопределение, точно так же, как идея реальности является самым простым решением невозможности думать о радикальной иллюзорности мира, так и идея несчастья является самым простым решением для невозможности думать зло.

Эта невозможность думать о зле сопровождается только невозможностью представить смерть. Следовательно, вопрос о том, каким образом весь народ смог следовать за нацистами в своем деле истребления, остается безнадежно неразрешимым для рациональной мысли, мысли Просвещения, которая не способна мыслить за пределами идеальной версии человека, неспособна даже представить себе отсутствие ответа на такой вопрос.

Неразумность зла, отсутствие понимания вещей злом и, следовательно, всегда один и тот же дискурс об «отвратительном звере» и та же наивность в анализе нынешних событий.

Вся наша система ценностей исключает это предопределение зла. Но все, что оно изобрело, в конце своей обременительной терапии для человеческого рода, - это еще один способ заставить его исчезнуть, то есть иронично перенести возможность счастья в противоположный ему термин - совершенное преступление, это неотъемлемое несчастье, которое каким-то образом ожидало его только в конце. Ибо вы не можете освободить добро без освобождения зла, и это освобождение даже быстрее, чем освобождение добра.

На самом деле это уже не борьба между добром и злом. Это вопрос прозрачности. Добро прозрачно: вы можете видеть сквозь него.

Зло, напротив, показывает сквозь: это то, что вы видите, когда видите сквозь. Или, альтернативно, зло - это первая гипотеза, первое предположение.

Добро - это всего лишь перенос и замещающий продукт: ипостась зла. Добро окончательно разбросано среди фигур зла. Анаморфоз добра.

Зло окончательно разбросано среди фигур добра. Анаморфоз зла.

Только через искаженные, распространенные фигуры зла можно воссоздать фигуру добра в перспективе. Только через рассеянные и ложно симметричные фигуры добра можно воссоздать парадоксальную фигуру зла.

Это так же как только через дисперсию имени Бога в лабиринте поэмы, которую вы можете почувствовать, исходная (оригинальная) фигура проходит сквозь нее.

Таким образом, зло, проявляющееся во всех фигурах добра, это оккультное присутствие, является матрицей всех порочных эффектов и, в частности, того факта, что все, что сегодня противостоит системе, является для нее просто произвольным зеркалом. Таким образом, именно со всеми этими событиями в области прав человека, гуманизма и всех этих «без границ», которые просто ускоряют обращение Нового Мирового Порядка, за который они уверенно стоят. Без этого чья-то стратегия.

В этом смысле гипотеза зла - это не гипотеза решительной злой воли, а гипотеза рационального объединения, нормальности в движении - телеономия, которая особенно ощутима во всех недавних войнах, где право гуманитарного вмешательства явно берет на себя роль расширения этого нового порядка. Жители Косово были не просто живым щитом для сербов; вся драма беженцев послужила гуманитарным щитом для Запада. Абсолютно синхронный разрыв: драма беженцев воспринималась как «гуманитарная» катастрофа, а «чудовищные» воздушные удары разворачивались так же непримиримо. Таким образом, апотропные фигуры добра обеспечивают продолжение зла, так же как (в трудах Македонио Фернандеса) превратности смысла и ценности сохраняют Ничто в бытии. Как говорит Керонетти: *«Конкретное спасение принимает форму ускоренного разрушения»*. Но, в некотором смысле, это не зло, а добро, явно находится под контролем локомотива-самоубийцы.

Мышление, основанное на зле, не пессимистично; это мышление, основанное на несчастье, пессимистично, потому что оно отчаянно хочет избежать зла или, наоборот, упиваться им. Мысль, со своей стороны, не излечивает человеческое несчастье, ужасную очевидность которого она поглощает в целях некоей неизвестной трансформации. Пессимизм исключает любую глубину, которая исключает его негативное суждение, тогда как мысль желает волшебным образом проникнуть за пределы разрушения видимого. Лучи черного солнца пессимизма не доходят до дна пропасти. Абсолютная глубина не знает ни добра, ни зла.

Таким образом, интеллект зла выходит далеко за пределы пессимизма. На самом деле, единственно подлинно пессимистическое, нигилистическое видение - это видение добра, поскольку, в сущности, с гуманистической точки зрения, вся история - не что иное, как преступление. Каин, убивающий Авеля, уже является преступлением против человечества (а их было только двое!), и разве первородный грех уже не является преступлением против человечества? Все это абсурдно, и, с точки зрения добра, усилия по реабилитации мирового насилия - безнадежное занятие. Тем более что без всех

этих преступлений истории просто не было бы. *«Если бы некая сила уничтожила зло в человеке, - говорит Монтень, - она упразднила бы определяющее условие жизни».*

Все проистекает из этой путаницы между злом и несчастьем. Зло - это мир такой, какой он есть и каким он был, и мы можем осмыслить это. Беда - это мир, каким он никогда не должен был быть - но во имя чего? Во имя того, что должно быть, во имя Бога или трансцендентного идеала, добра, было бы очень трудно определить.

Мы можем рассматривать преступление как преступление: это трагедия. Или мы можем пойти на это взаимным обвинением: это гуманизм; это жалкое, сентиментальное видение, видение, которое постоянно требует возмещения. Мы имеем здесь весь мировой скептицизм, который исходит из глубины генеалогии морали и призывает нас к возмещению нашей собственной жизни. Это ретроспективное сострадание, это превращение зла в несчастье - самая прекрасная индустрия двадцатого века.

Во-первых, как умственная операция шантажа, жертвами которой мы все являемся, даже в своих действиях, от которых мы можем надеяться только на меньшее зло - вести себя сдержанно, декриминализировать ваше существование! - тогда как источник чистой прибыли, поскольку несчастье (во всех его формах, от страданий до неуверенности, от угнетения до депрессии) представляет собой символический капитал, эксплуатация которого, даже больше, чем эксплуатация счастья, бесконечно выгодна: оно это золотая жила со шрамом, пробегающим по каждому из нас.

Вопреки полученному мнению, с несчастьем легче справиться, чем с счастьем, поэтому оно является идеальным решением проблемы зла. Это несчастье, которое наиболее явно противостоит злу и принципу зла, отрицанием которого оно является. Подобно тому, как свобода заканчивается полным освобождением и, как следствие этого освобождения, новыми рабами, так и идеал счастья ведет к целой культуре несчастий, взаимных обвинений, покаяния, сострадания и жертвенности.

Мы продолжаем отбрасывать элементы свободы всевозможными способами, продолжая отстаивать ее.

Мы продолжаем мечтать о совершенном счастье, ощущая потенциальную скуку рая. Ибо мы знаем, на что похож ад и те, что горят в аду, поскольку ад никогда не может делать ничего, кроме зла. Но как обстоят дела с теми в Раю, которые больше не будут иметь представления о зле? Один Бог знает, что их ждет. Однако именно здесь и сейчас мы сталкиваемся со скукой искусственного рая с идеальными условиями жизни. И именно из-за повышенной чувствительности к этим идеальным условиям мы реагируем и склоняемся к несчастью как наиболее устойчивому решению - своего рода пути спасения от террористического заговора счастья. Отчаяние от того, что имеем все.<sup>29</sup>

И все же мы не приближаемся ко злу или к сущности зла. Наоборот, мы отодвигаемся от него дальше: чем ближе вы подходите к очевидности несчастья, тем дальше вы движетесь от невидимой приемственности зла.

---

<sup>29</sup> – Бодрийяр пишет в оригинале на английском: «The despair of having everything».

«Bis Gottes Fehle Hilft», - говорит Гёльдерлин. «До тех пор, пока в помощь не придет отсутствие Бога».

Смерть Бога - это, по сути, избавление от всякой ответственности перед другим миром. Но наша ответственность за этот мир становится тотальной, и больше нет никакого возможного искупления. Вернее, искупление меняет значение: это уже не искупление человека и его грех, а искупление смертью Бога. Эта смерть должна быть искуплена принудительными усилиями по преобразованию мира. Нужно обеспечить спасение любой ценой, реализовывая мир к лучшему или к худшему.

Спектакль, который дополняет спектакль, описанный Максом Уэром в «Духе капитализма»: трансформация мира в богатство для великой славы Божьей. Но это уже не вопрос его славы; это вопрос его смерти и изгнания. Смысл в том, чтобы сделать мир прозрачным и оперативным, искоренив из него любую иллюзию и любую злую силу. Итак, под гегемонией добра все становится лучше и в то же время идет от плохого к худшему: больше нет ада и нет проклятия. Все становится восприимчивым к освобождению. С этого момента добро и зло, которые все еще были противоборствующими силами, но были связаны друг с другом в трансцендентности, должны быть отделены для целей окончательного осознания мира под знаменем счастья.

На самом деле, эта идея счастья имеет лишь отдаленное отношение к добру. Ибо если добро по сути морально, счастье ... исполнение счастья по сути совершенно аморально. Именно к такой евангелизации мы можем приписать все явные признаки благополучия и достижений, предлагаемые нам райской цивилизацией, подчиняющейся одиннадцатой заповеди, заповеди, которая сметает все другие: «Будь счастлив и покажи все признаки счастья!»

Мы можем видеть это требование всеобщего искупления в том, как все нынешнее насилие и несправедливость предстают перед судом, а также, ретроспективно, все преступления и насильственные события прошлого: французская революция, рабство, первородный грех и избитые жены, озоновый слой и сексуальные домогательства. Короче говоря, процесс расследования Страшного Суда уже идет полным ходом, и мы обречены сначала осудить, а затем снять с лица земли всю нашу историю и искоренить ее, уничтожить зло даже в самых крошечных мщениях, чтобы предложить образ сияющей вселенной, готовой перейти в следующий мир.

Нечеловеческое, сверхчеловеческое, слишком человеческое начинание? И зачем подпитывать это вечное покаяние, эту цепную реакцию дурной совести? Потому что все должно быть спасено.

Вот куда мы попали сегодня. Все будет искуплено, все прошлое будет реабилитировано, усилено до уровня прозрачности. Что касается будущего, то все лучше и хуже: все будет генетически модифицировано, чтобы достичь биологического и демократического совершенства вида. Спасение, которое было определено эквивалентностью заслуг и благодати, будет определено, как только связь со злом и адом будет преодолена, эквивалентностью генов и исполнением.

По правде говоря, как только счастье становится общим эквивалентом спасения, чистым и простым, тогда сами небеса больше не нужны. С того момента, когда все потенциально спасены, никто не спасен. Спасение больше не имеет никакого значения. Это судьба, которая зовет наше демократическое предприятие: оно душит при рождении за то, что забыло необходимую дискриминацию, за упущение зла.

Таким образом, нам необходимо безвозвратное присутствие зла, зло, от которого невозможно искупление, безвозвратная дискриминация, вечная двойственность небес и ада и даже, в некотором смысле, предопределение зла, ибо не может быть никакой судьбы без предопределения. В этом нет ничего аморального. Согласно правилам игры, нет ничего аморального в том, что одни проигрывают, а другие выигрывают или даже проигрывают все. Что было бы аморально, было бы для всех победить. Это современный идеал нашей демократии: все должны быть спасены. Но это возможно только за счет постоянной инфляции и повышения ставок.

И это обнадеживает, поскольку первостепенная задача спасения, индивидуального состояния благодати, всегда будет сорвана каким-то испытанием или страстью из другого места, и любая форма личного блаженства может быть принесена в жертву чему-то более жизненному, что может быть из порядка воли, с точки зрения Шопенгауэра или воли к власти у Ницше, но форма личного блаженства, в любом случае, сохраняет роковое качество того, что, вопреки любому счастливому окончанию, предопределено произойти, чтобы закончилось. За ее эйфорическим возвышением эта первостепенная задача максимальной эффективности несет в себе зло и несчастье в форме глубокого отрицания и тайного разочарования.

Возможно, производительность - это просто коллективная форма человеческих жертвоприношений, но она распущена и воплощена во все наши технологические механизмы. В этом странном мире, где все потенциально доступно - тело, секс, пространство, деньги, удовольствие - что можно взять или отвергнуть оптом, все есть; ничего не исчезло физически, но все исчезло метафизически. «Как по волшебству», можно сказать, за исключением того, что оно исчезло не столько из-за чар, сколько из-за разочарования. Люди, какими бы они ни были, становятся именно такими, какие они есть. Без трансцендентности и без изображения (образа) они ведут свою жизнь, как бесполезная функция в глазах другого мира, неуместные даже в их собственных глазах. И они делают то, что делают, тем лучше, потому что другой возможности нет. Нет полномочий на апелляцию.

Они пожертвовали своей жизнью ради своего существования. Они едины с точным численным расчетом их жизни и их производительности. Вызванные, чтобы получить максимальную эффективность и удовольствие от самих себя, люди внезапно вступают в противоречие; и их существование нарушено. Существование осознавалось, но потом в то же время отрицалось, срывалось, отрекалось. Везде, где люди обречены на полную свободу или идеальное осуществление, эта автоматическая эмоциональная реакция к их собственному благу и их собственному счастью просачивается внутрь.

Эта первостепенная задача максимальной эффективности также вступает в противоречие с моральным законом, который гласит, что все должны быть поставлены на равную основу и все установлено на ноль во имя демократии и равного разделения

возможностей и преимуществ. С точки зрения всеобщего искупления никто не должен выделяться.

Чтобы сделать это, все привилегии должны исчезнуть; каждый призван избавиться от каких-либо специфических качеств и снова стать элементарной частицей - коллективное счастье является наименьшим общим знаменателем. Это похоже на празднество с жертвоприношением, наоборот, каждый перевешивает другого в незначительной степени, усердно взращивая их малейшее различие и объединяя их множественные идентичности. Взаимное обвинение означает возвращение к преступлению, чтобы исправить его траекторию и последствия. Это то, что мы делаем, возвращаясь ко всей нашей истории, к криминальной истории человеческого рода, чтобы мы могли совершить покаяние прямо сейчас, ожидая Страшного Суда.

Я вижу огромный синдром покаяния и переписывания (историческое переписывание на данный момент, но с генетическим, биологическим переписыванием вида, который еще впереди), который овладел этим концом века, с точки зрения еще достойного спасения и предложения образа идеальной жертвы в конце концов. «Очистка» от всех насильственных событий прошлых веков с целью поставить их под новую юрисдикцию прав человека и преступлений против человечности. Последним эпизодом этого ревизионистского безумия является предложение об осуждении рабства и работорговли как преступления против человечества. Исправление прошлого с точки зрения нашей новой гуманной осведомленности. Или, другими словами, в самой чистой колониальной традиции - империализм покаяния! Идея состоит в том, чтобы позволить «заинтересованному населению» провести свой траур и провести черту под этой страницей своей истории, чтобы полностью войти на путь современной истории. Возможно, африканцы смогут даже превратить это моральное признание в требования о возмещении ущерба на тех же условиях, которые были предоставлены оставшимся в живых после Холокоста.

Тогда мы не увидим конца компенсации, искупления и реабилитации, и все, что мы должны были сделать, - это добавить к традиционной эксплуатации лицемерное освобождение от всякого насилия. Экономика жертвы, политическая экономика несчастья: положительный товарный запас, который во всех своих формах заменил себя невозможным обменом зла. Дифференциация жертвы, которая нигде не окупается так хорошо, сегодня нигде не является такой прибыльной, как в переговорах о себе как об отходах (что великолепно иллюстрирует современное искусство).

Неиссякаемый шрам, так как этот негативный аффект является наиболее распространенным из всех. Мы всегда можем рассчитывать на это отрицание себя, которое творится внутри каждого из нас, гораздо больше, чем на гордость, чувство собственного достоинства или любовь к себе. Гораздо больше, чем даже удовольствие или вкус к удовольствию, мы можем полагаясь на это погрязание в несчастье.

Единственный талант многих людей в жизни - мобилизовать эту реакцию и это альтернативное решение. «После ненависти основным врагом человеческой расы является раскаяние», - говорит Спиноза. Но ненависть и угрызения совести - это одно и то же: угрызения совести от индивидуации и от разрыва символического пакта порождают ненависть к себе и чувство обиды. Таким образом, самокритика и

раскаяние, став официальными лицами, стали режимом правления: политики постоянно предлагают зеркало своей бесполезности за согласие своих сограждан, которые, таким образом, могут продолжать презирать себя, презирая их, чувствуя их политический класс. Ибо, если любовь к другим - это путь собственной любви к себе - Ля Рошфуко фактически создал из этого набор правил - можно также ненавидеть себя через ненависть и презрение к другим.

Каждый рассчитывает получить вторичные выгоды от этого порочного круга, и на бирже ценностей происходит обмен несчастьями, а зло необратимо. Немедленное превращение, во имя закона, несчастья в заработок - расплата за несчастный случай или депрессию, коммерческий эквивалент любой неудачи, любого препятствия: изнасилования, сексуального домогательства, даже самого рождения, рассматривается как врожденный недуг (например, слепой, глухой, немой и умственно отсталый ребенок, которому недавно была предоставлена пожизненная компенсация за факт рождения). Сегодня эта хроника взаимных обвинений и компенсаций охватывает всю «социальную» область, которая теперь объединена с областями страхования и безопасности. И эта модель покаяния и возмещения всех несправедливостей была перенесена на совершенно другой уровень: генетическое возмещение всех недостатков человеческого рода.

Все это показывает очень посредственную идею о себе - всегда вменяя несчастье в какую-то объективную причину. Как только оно было изгнано из-за причин, несчастье перестает быть проблемой: оно становится восприимчивым к причинному решению и, прежде всего, оно возникает в другом месте - в первородном грехе, в истории, в социальном порядке или в естественном извращении. Короче говоря, оно исходит из объективности, в которую мы изгоняем его, чтобы лучше от него избавиться. Еще раз, это говорит об очень маленькой гордости и самоуважении. В прошлом тебя сбива с ног твоя судьба, твой личный статус. Вы не искали какой-либо «объективной» причины этого или какого-то смягчающего обстоятельства, что означало бы, что мы не участвуем в том, что с нами происходит. В этом есть что-то унижительное. Интеллект зла начинается с гипотезы, что наши беды приходят к нам от злого гения, который является нашим собственным.

Давайте будем достойны нашей «извращенности» нашего злого гения, давайте оценим нашу трагическую причастность к тому, что с нами происходит (включая удачу). Одним словом, давайте не будем слабоумными, потому что слабоумие в буквальном смысле заключается в поверхностной отсылке на несчастье и освобождение от зла.

Вот как мы делаем имбицилов из самих жертв, ограничивая их состоянием жертвы. И с помощью сострадания мы показываем им, что участвуем в какой-то ложной рекламе для них. Мы не принимаем во внимание то, какая степень выбора и неповиновения, потворства с самим собой, - бессознательного или квазипроизводного - провокационного отношения к злу могут быть при СПИДе, при приеме наркотиков, страданиях и отчуждении, при добровольном рабстве - в этом действии в смертельной зоне.

То же самое относится и к самоубийству, которое всегда приписывается депрессивным мотивам, не принимая во внимание первоначально самобытность воли к совершению,

сам акт (Канетти говорит так же, как интерпретация снов, как насилие над мечтами, что не учитывает их грамотность). Таким образом, понимание несчастья везде заменяет интеллект зла. Теперь, в отличие от первого, последнее опирается на отказ от презумпции невинности. В противоположность этому пониманию, мы все предполагаемые правонарушители, но не ответственные, поскольку в последнем случае нам не нужно отвечать за себя - это дело судьбы или божественности. За деяние, которое мы совершаем, это правильно, что мы должны иметь с этим дело и действительно наказываться - соответственно. Мы никогда не виновны в этом поступке в том смысле, что не имеем к нему никакого отношения и не являемся его жертвами. Но это не означает, что мы также несем ответственность за это, поскольку это предполагает, что мы несем ответственность за себя, что мы наделены полной властью над собой, что является субъективной иллюзией.

Хорошо, что мы не обладаем такой властью или ответственностью. Хорошо, что мы не являемся причинами самих себя - это, по крайней мере, придает нам некоторую степень невинности. В остальном мы всегда причастны к тому, что делаем, даже если мы ни перед кем не несем ответственности. Так что мы и безответственные, и без оправданий. Никогда не объясняй, никогда не жалуйся.<sup>30</sup>

Никто не должен признаваться в том, что он неудачник или заявлять, что он неудачник и, следовательно, в некотором роде невиновен и является жертвой. Нет презумпции невинности, и лучше быть частью зла, чем участником несчастья. Итак, сказать о женщине, что она невинная жертва соблазна, что она не имеет никакого отношения к факту соблазна, является оскорблением самой женственности.

Таким образом, помимо добра и зла, разыгрывается это двойственное отношение, в котором жертва перестает быть жертвой из-за активного соучастия с его / ее собственным несчастьем. Крайний случай Стокгольмского синдрома подобен этому, когда заложник в конечном итоге переходит к мнению лица, захватившего заложника - непостижимый поворот событий, если нельзя представить, что это соучастие жертвы приравнивается к символическому переносу и является частью иронии сущности зла. Это означает, что нигде нет определения Добра или для кого-либо четкого определения счастья - и что ничто не является лучшим в лучшем из всех миров. Парадокс может простираться настолько, что у вас будет моральная обязанность благодарности другому за зло, которое он сделал вам, как показано в следующей японской истории, которая является возвышенной, но трудной для нашей западной морали, в которой женщина решает не спасать жизнь тонущему ребенку, она говорит: «Вы бы были должны мне такой долг благодарности, что всей вашей жизни не хватит, чтобы вернуть его».

Разве нет и глубочайшего удовольствия от горечи? Никакое удовлетворение, никакая победа никогда не станут эквивалентом горькой полноты чувства несправедливости. Оно упивается этим само. Оно опирается на самые корни внутренней мести существования. Кто в свете этого может претендовать на определение счастья?

---

<sup>30</sup> –Эта фраза написана Бодрийяром в оригинале на английском: «Never explain, never complain».

Сложно, как это запутывание добра и зла, так же трудно выйти за пределы добра и зла, когда само различие между ними исчезло.

Можно отказаться от всего этого. Факт остается фактом, что гипотеза зла об отсутствии различий между добром и злом и нашей глубокой причастностью к худшему всегда присутствует, делая все ваши действия непроницаемыми. Но это сам принцип действия и, несомненно, один из самых мощных.

Я играю адвоката дьявола здесь. Но если вы отвергаете эту гипотезу, вы всегда можете думать в терминах пари типа Паскаля. Вот что Паскаль говорит более или менее так: вы всегда можете довольствоваться светским существованием и его преимуществами, но куда веселее с гипотезой Бога. С помощью всего лишь нескольких жертвоприношений, которые человек делает в обмен на вечное спасение, преимущества намного выше. Что касается нас, то делается такая же ставка: с гипотезой добра и счастья вы всегда можете обойтись, но с гипотезой зла гораздо веселее. Вариант той же ставки будет такой: всегда можно обойтись гипотезой реальности, но это гораздо больше веселья - с гипотезой радикальной иллюзии.

Мы должны перейти к реальности - точнее, к не-существованию реальности - пари Паскаля на существование Бога.

Паскаль: Вам выгодно верить в существование Бога и вечную жизнь, потому что, если их не будет, вы не потеряете много, пожертвовав своей жизнью. С другой стороны, если они существуют, вы выигрываете бесконечно.

Реальность: Тебе выгодно не верить в это, потому что, если ты веришь в это, а его нет, ты обманут и облапошен, и умрешь глупым. Если вы не верите в это и его не существует, вы выигрываете по всем показателям. Если вы не верите в это, и оно существует, вы сохраняете преимущество сомнения, поскольку никогда не будет никакого убедительного доказательства его существования, равно как и существования Бога (более того, если оно существует, данное как есть, лучше с этим как можно быстрее расстаться). Понятно, что это выбор, противоположный выбору Паскаля, который выбирает Бога. Но это та же самая ставка. И, в любом случае, никто не вынужден играть в азартные игры.

Все дело в том, что у дьявола было несчастное детство, и никто не может обвинить его в злодеянии, когда он просто делает грязную работу, в соответствии с провокационными замыслами, для которых он является всего лишь инструментом. Этот бедный дьявол, Мефисто, который всегда желает зла и всегда делает добро, действительно не нуждается в защитнике. Казалось бы, Богу нужен такой. Тот, кто создал мир и, как следствие, взял на себя бесконечный долг, и кто постоянно передает этот долг человечеству, вся история которого с тех пор является преступлением. И что еще хуже: к этой вынужденной вине он добавил унижение.

Человечество сталкивается с невозможностью сделать жертву равной этому Божьему дару, невозможностью возврата и уничтожения долга. Будучи неспособным принять этот вызов, оно должно смириться и поблагодарить. Именно в этот момент Бог решил сам погасить долг, послав своего любимого сына пожертвовать собой на кресте. Он притворяется смиренным и тем самым причиняет человечеству еще большее

унижение, осознавая его бессилие. Отныне человечество обречено благодарить не только за то, что он был сотворено, но и за то, что он был спасено (очень относительно, как это бывает, поскольку это унижение не означает, что оно будет избавлено от Последнего Суждения).

Это величайший акт манипуляции за всю историю. И это преуспело далеко за пределами своей цели - даже за смертью Бога, с тех пор, как мы приняли ее сегодня, подкрепленной чувством вины этой смерти (хитрость Бога бесконечна). Ниже мы подражаем этому унижению, полученному от Бога: в жертве, гуманизме, самовысмеивании и самоуничижении, в этом огромном жертвенном усилии, которое, в нашем случае, означает искупление.

Мы могли бы воспользоваться смертью Бога, чтобы освободиться от долгов. Но мы не выбрали этот вариант. Мы предпочли углубить долг, увековечить его в бесконечном исполнении, жертвенном накоплении, как будто мы уже усвоили Божий суд. «Отсутствие Бога» не пришло нам на помощь - вопреки ожиданиям Гёльдерлина («*Vis Gottes Fehle hilft*» - пока не поможет отсутствие бога). На самом деле сам Бог замешан во всем этом. Сам Бог находится в союзе с принципом зла. Мы знаем это из сказочной истории о Лилит и Сакине, которую рассказывает Каббала (Примо Леви).

Когда Лилит, первая женщина, сотворенная Богом как равная Адаму, восстала, Бог решил создать Еву, плод Ребра Адама, так как первый человек явно нуждался в компаньоне. Однако в этот момент Бог осознал, что быть одиноким нехорошо, и выбрал для себя жену, Саекину, которая была ничем иным, как его присутствием в мире (фантастика: он женится на своем присутствии в мире!). Саекина в конце концов обижается на поведение Бога по отношению к евреям (когда храм в Иерусалиме разрушен - почему он не защитил их?). Она убегает, уходя в мир, чтобы делать добро. И что тогда делает Бог? Он берет любовницу. А кто эта любовница? Это Лилит, которая есть никто иная, как принцип зла, бунтарка против Бога и неверующая.

Итак, Бог изменяет своему присутствию в мире по - *женскому* - принципу зла! Он предает целостность, полноту мира - его союз с Саекиной - за (прелюбодейный) союз с дуальностью, которую он принимает за свою любовницу. Эта любовница, Лилит, как и Ева, не вышла из Адама как своего рода побочный продукт. Она существует *по его принципу*, совершенно автономная, что делает ее символом зла... Что ж, Бог заключает пакт со всем этим. Он строит заговор против своего присутствия и против размножения вида, неестественно объединяясь с символом зла.

И, таким образом, пока Саекина, жена, продолжает творить добро по всему миру, она, Лилит, продолжает творить зло с Божьим попустительством. И пока она там, как говорит Каббала, все будет становиться все хуже и хуже.

## Интеллект зла

Таким образом, именно так мы должны начать с тайного интеллекта, тайного понимания дуальности и обратимости, с тем чтобы говорить о зле, как в ментальном Театре жестокости.

Прежде всего, мы не должны путать идею зла с каким-то объективным существованием зла. Это не имеет большего значения, чем объективное существование Реального; это всего лишь моральная и метафизическая иллюзия манихейства о том, что можно желать зла, делать зло или, наоборот, осуждать его и бороться с ним. Зло не имеет объективной реальности. Наоборот, оно состоит в отвлечении вещей от их «объективного» существования, в их обращении, их «возвращении» (интересно, не могли бы мы даже интерпретировать «вечное возвращение» Ницше в этом смысле - не как бесконечный цикл, не как повторение, а как переворот, как обратимая форма становления – *die ewige Umkehr* (нем. - вечное покаяние)).

В этом смысле, точно так же, как Канетти понимает месть, зло также является автоматическим. Вы не можете этого желать. Это иллюзия и заблуждение. Зло, которое вы можете желать, зло, которое вы можете сделать и которое, в большинстве случаев, сливается с насилием, страданиями и смертью, не имеет ничего общего с этой обратимой формой зла. Мы могли бы даже сказать, что те, кто сознательно практикуют зло, конечно же, не понимают его, поскольку их действие предполагает намеренность субъекта, тогда как эта обратимость зла есть обратимость формы.

И в сущности, сама форма является интеллектуальной, пронизательной: относительно зла это не вопрос объекта, который нужно понять; мы имеем дело с формой, которая нас понимает. В «интеллекте зла» мы должны понимать, что именно зло интеллектуально, это как раз то, что думает нас - в том смысле, что оно автоматически подразумевается в каждом из наших действий. Ибо ни у какого акта, ни у какого-либо разговора не может быть двух сторон; не иметь обратной стороны, а значит и двойственное существование.

И это противоречит любой окончательности или объективности определения. Эта двойственная форма неприводима, неотделима от всего существования. Поэтому бессмысленно желать локализовать это и тем более желать осуждать это. Осуждение зла по-прежнему имеет моральный порядок, моральную оценку. Теперь зло аморально не потому, что преступление аморально, а потому что форма такова. И интеллект зла сам по себе аморален - он не стремится к каким-либо ценностным суждениям, он не делает зла, он говорит его.

Идея зла как злой силы, злонамеренного действия, преднамеренного извращения порядка в мире, является глубоко укоренившимся суеверием. Это отражается на мировом уровне в призрачной проекции Оси Зла и в манихейской борьбе с этой силой. Это все часть одного и того же воображаемого. Отсюда принцип предотвращения, предупреждения, профилактики зла; скорее не мораль или метафизику мы имеем сегодня, а инфекцию, микробную эпидемию, разрушение мира, предопределенный конец которого, как предполагается, лежит во благо.

Более тонкое заблуждение - это ипостась зла как неразрушимой реальности, своего рода первичная сцена, своего рода основание накопленного влечения к смерти. Радикальность зла рассматривается как радикально неизбежная сила, всегда связанная с насилием, страданиями и смертью. Отсюда гипотеза Слотердайка о том, что «реальность реальности - это вечное возвращение насилия», против которой он ставит «пацифизм, соответствующего нашим самым передовым теоретическим представлениям, более глубокий пацифизм, основанный на радикальном анализе циркулярности насилия, расшифровки сил, которые определяют его вечное возвращение».

Затем радикальный анализ для устранения радикального зла. Но может ли «радикальный» анализ иметь какой-либо финал? Разве это не является частью процесса зла?

Как бы то ни было, двойственность и зло - это не то же самое, что насилие. Двойственная форма, *agon*, является символической формой и, как таковая, можно сказать, что она гораздо ближе к соблазну и вызову, чем к насилию. Ближе к метаморфозам и становлению, чем к силе и насилию.

Если бы существовала сила зла, реальность зла, источник и оригинал зла, можно было бы стратегически противостоять ему всеми силами добра. Но если зло - это форма, и в большинстве случаев это форма, которая глубоко похоронена, можно только выявить эту форму и прийти к взаимопониманию с ней [*etre en intelligence avec elle*] (быть в согласии с ней).

Так обстоит дело, например, с Театром Жестокости: в этой жестовой и сценической экстернализации всех «извращенных» возможностей человеческого духа, в рамках исследования корней зла, никогда не возникает вопросов трагического катарсиса. Скорее, цель состоит в том, чтобы полностью разыграть эти извращенные возможности и сделать из них драму, но не сублимируя и не решая их.

«Говорить зло» означает говорить о роковой, парадоксальной ситуации, которая является обратимым соединением добра и зла.

То есть непреодолимое стремление к добру, движение Интегральной Реальности – для этого это то, что есть добро: это движение к целостности, к целостному порядку мира - аморально. Эсхатологическая перспектива лучшего мира сама по себе аморальна. По той причине, что наше техническое владение миром, наш технический подход к добру, ставший автоматическим и неотразимым механизмом, ничто из этого уже не является порядком морали или какой-либо окончательности.

Говорить и читать зло - это то же самое, что и вульгарный нигилизм, нигилизм осуждения всех ценностей, пророков гибели. Отказ от контракта реальности или реальности «заговора» вовсе не нигилистичен. Ни в коем случае нельзя отрицать очевидный факт, в стиле «Все есть знак, ничто не реально - ничто не является правдой, все является симулякром» - абсурдное предложение, поскольку оно также реалистично!

Одно дело отметить исчезновение реального в Виртуальном, другое - отрицать это, чтобы выйти за пределы реального и Виртуального. Одно дело отвергать мораль во

имя вульгарного аморализма, другое - сделать это, как Ницше, чтобы выйти за пределы добра и зла. Быть «нигилистичным» означает отрицать вещи с максимальным уровнем интенсивности, а не в их самых низкоуровневых версиях. Теперь существование и самооценка всегда были низшими формами.

Если есть нигилизм, то это не нигилизм стоимости, а нигилизм формы. Речь идет о мире в его радикальности, в его двойной, обратимой форме, и это никогда не означало полагаться на катастрофу, больше, чем на насилие.

Никакой финал, ни положительный, ни отрицательный, никогда не будет последним словом в истории. И сам Апокалипсис - поверхностное решение.

Говорить зло - значит говорить, что в каждом процессе господства и конфликта кроется тайное соучастие, а в каждом процессе консенсуса и равновесия - тайный антагонизм.

«Добровольное рабство» и «невольное», самоубийственное разрушение силовых систем - два явления, как странных, так и на границах друг у друга которых мы можем различить всю двойственность политических форм. Это говорит о том, что:

- иммиграция, социальный вопрос иммиграции в наших обществах, является лишь наиболее заметной и грубой иллюстрацией внутреннего изгнания европейца в его собственном обществе.

- терроризм может быть истолкован как выражение внутреннего смещения власти, ставшей всемогущим глобальным насилием, имманентным самой мировой системе. Следовательно, попытка искоренить его как объективное зло является бредовой, учитывая, что в самой своей абсурдности это выражение осуждения, которое власть объявляет о себе. Что, как сказал Брехт о фашизме (что он состоит из фашизма и антифашизма), терроризм состоит из терроризма и антитерроризма вместе взятых.

И что, если это воплощение фанатизма и насилия, то это воплощение насилия тех, кто осуждает его одновременно с бессилием, и абсурдности борьбы с ним на фронте, не понимая ничего из этого дьявольского соучастия и это обратимость террора.

Насилие, которое вы распределяете вовне, всегда является зеркалом насилия, которое вы наносите себе. Насилие, которое вы наносите себе, всегда является зеркалом насилия, которое вы распределяете вовне. Это интеллект зла.

Если терроризм является злом - и он, безусловно, находится в своей форме, а вовсе не в том смысле, в котором его понимает Джордж Буш, тогда нам нужен этот интеллект зла; интеллект, понимание этого внутреннего потрясения мирового порядка, терроризмом которого является одновременно и момент события, и обратное изображение.

## По кому похоронный колокол политики звонит?

Тайный провал политики заключается в том, что она больше не может думать зло.

Политика - место тренировки зла, управления злом, рассеянного в отдельных душах и коллективных проявлениях во всех его формах - привилегия, порок и коррупция. Это неизбежная судьба власти - взять на себя эту проклятую долю, а власть имущих - пожертвовать ею - привилегия, от которой они ожидают получить все вторичные выгоды.

Но практиковать зло сложно, и можно предположить, что они постоянно пытаются переложить ответственность всеми возможными способами.

В прошлом власть была самовластной, что соответствовало тому факту, что она пришла откуда-то еще, передавалась свыше без учета присущих ей качеств - будучи, в некотором смысле, предопределенной.

Королевская власть была такой. Отсюда удивление Людовика XVI, когда ему сообщили, что повстанцы хотят власти. Как вы можете хотеть власти? Это дано вам, и все, что вы можете сделать, это использовать его, нравится вам это или нет. Никто не может избавить вас от этого. Идея смещения Короля столь же абсурдна, как и идея конституционного Бога. Власть - это обязанность, и ее нельзя требовать, нужно соглашаться с ней. С другой стороны, она является самовластной, поскольку по той же причине она не должна оправдывать себя. Единственным выходом была, действительно, смерть короля, то есть восстановление проклятой доли для всего общества.

То, что у каждого должна быть своя порция «проклятой доли», является демократическим принципом. Но, похоже, «граждане» на самом деле не хотят подчиняться этому суверенному обязательству и боятся собственной самовластной власти.

Таким образом, она будет передана нескольким - это будут политики, которые сами чаще всего имеют только одну идею: отдать ее. Вам нужно только увидеть, как они перераспределяют власть всеми возможными способами - с одной стороны, чтобы доказать себе, что она у них есть, а с другой - убедиться, что никто не избежит ее, поскольку те, кто отказывается от нее, опасны. «Если бы я знал, - сказал Канетти, - что на этой земле еще *есть люди без какой-либо власти*, я бы сказал, что ничего не потеряно». Великая опасность для самого существования политики заключается не в том, что люди должны бороться за власть, а в том, что они не хотят этого.

У тех, кто находится у власти, есть двойная проблема: в политическом порядке проблема обладания властью; и в символическом порядке проблема избавления от нее.

Это точно так же, как и с деньгами: экономическая проблема - заработать деньги и заставить их работать на вас; символическая проблема - избавиться от них любой ценой, снять с себя это проклятие. И это почти невыполнимая задача. Вам остается только увидеть, как эти американские стартап компании внезапно разбогатели на

спекуляциях и отчаянно пытаются раздавать пожертвования направо и налево, пытаются инвестировать во все виды благотворительных фондов и фондов для продвижения искусства. Увы, от какого-то страшного проклятия они просто получают еще большую прибыль. Деньги мстят умножением.

То же самое и с властью: несмотря на все ритуалы взаимодействия, участия и передачи власти, власть не разрешима в обмене, и доминирующие слишком хитры, чтобы действительно участвовать в ней. Они предпочитают жить в тени власти.

Так что, когда дело доходит до власти или денег, нет оправдания; открытое неповиновение остается тотальным, и испытание богатых и могущественных в этом смысле неизбежно. По самой своей привилегии они выступают в роли жертв, поскольку на них лежит вся ответственность, от которой мы отказались, ответственность, от которой они являются марионетками и наемниками.

«Общественный договор» в идеале представлял собой часть граждан суверенитета, переданных государству, но в настоящее время мы будем говорить скорее об *отказавшейся, отчужденной их части, от которой они избавляются, чтобы сохранить свой суверенитет*. Точно так же, более или менее, когда мы однажды передали управление деньгами евреям и ростовщикам, мы передали грязную работу управления и представительства группе людей, которая в результате этого акта стала проклятой и неприкасаемой, и которая ожидает получить прибыль от этого в виде «власти».

Когда они описывают себя как слуг народа и нации, они не знают, насколько они правы. Фактически они являются обитателями рабской - традиционно рабской - функции: управления вещами. Пусть Бог защитит и сохранит их!

Эта дискредитация вновь обнаруживает то, что политический класс постоянно находится под судом, в этом бесконечном вопросе отсутствия доверия со стороны общественности, на который они не могут найти ответ - отречение звучит как приглашение к самоубийству, единственный политический акт, достойный этого названия.

Мы мечтаем увидеть, чтобы политический класс сложил с себя обязанности в массовом порядке, потому что мечтаем увидеть, каким будет социальное тело без политической надстройки (как мы мечтаем увидеть, каким будет мир без представительства): огромное облегчение, массивный коллективный катарсис.

В каждом судебном процессе, в каждом публичном вызове политику или государственному деятелю это тысячелетнее требование (естественно, всегда подавленное) всплывает на поверхность: спрос на власть, которая выступит против себя, разоблачит себя, уступит место радикальной, ненадежной и по общему признанию, безнадежной ситуации, но та, из которой был бы удален неразрывный клубок умственной коррупции. Тем не менее, это искусство исчезновения, эта предрасположенность к уничтожению и смерти - что, собственно говоря, суверенитет - давно забыт политиками (они иногда вспоминают об этом из-за невольной жертвы своей жизни). Надо сказать, что их единственной целью остается обновление их класса

и его привилегий (?) при нашем самом полном потворстве, что оправдывается тем фактом, что они являются порочным инструментом нашего суверенитета.

Всегда надеются, что политики признают их бесполезность, их двуличие, их коррупцию. Человек всегда в поисках окончательной демистификации своих высказываний и поступков. Но можем ли мы это перенести? Потому что политик - это наша маска, и если мы оторвем ее, мы рискуем закончить нашей болезненно разоблаченной ответственностью, эту самую ответственность мы передали в пользу политика.

Коррупция: это, действительно, суть проблемы. Это никогда не случайность. Это присуще осуществлению власти и, следовательно, осуществлению зла. Весь мир и откуда бы они ни исходили, те, кто достигает руководящего центра, немедленно преображаются коррупцией, и именно здесь их подлинное соучастие доковывается.

Но на этом соучастие не заканчивается – так же, как и сущность зла. Потому что коррупция элит - это, в точности, коррупция всех: коррупция - это коллективная психодрама, и, поскольку у нас есть лидеры, которых мы заслуживаем, если мы чувствуем презрение к ним, это лишь отражение презрения, которое каждый из нас чувствует к себе как политическим животным. Несомненно, мы даже должны рассматривать коррупцию как одно из настоящих правил игры, отголосок основного символического правила (отличного от политики и общества), которое, помимо всей морали, стало практическим, постоянным и тайным правилом функционирования. Это серьезный вопрос, поскольку он касается всей общественной морали и связан с гипотезой Мандевиля о превосходстве порока в счастливом ведении дел.

Коррупция идей не является исключением. Они также следуют гораздо более циничной, тонкой траектории пути, чем пути рассудка, и создаваемые сети мышления несут только отдаленное отношение к истине. Именно эта хитрость означает, что, как только они наделены властью, политики немедленно восстают против того, что или тех, кто привел их к власти, так же, как интеллектуалы очень быстро восстают против тех идей, которые их вдохновляли.

Таким образом, нет смысла мучить себя этим коррупционным состоянием, в котором можно увидеть радикальность политики - или, другими словами, из которой мы можем понять, что такое политика в ее символическом измерении, а именно: распределения зла. Такова живая монета власти в противостоянии, которое выходит далеко за рамки представительства, в системе обязательств, в которой всегда есть дар и встречный дар, смертельная месть. *(прим.пер. - Парадокс живой монеты определяется следующим образом: «И с этого момента промышленная работница заменяет функцию денег - сама является деньгами, равноценными богатству и самим богатством» - из книги «Невозможный обмен»).*

Это «двусторонность коррупции». Что касается тех, кто находится у власти, то цель состоит в том, чтобы развратить господствующих, чтобы вызвать у них ту или иную форму «добровольного рабства». Принимая во внимание, что цель доминирующих состоит в том, чтобы развращать доминирующих именно их добровольным рабством, которое они обращают против них, как оружие: это целая стратегия масс, молчаливого большинства.

Когда-то великие и добрые имели привилегию прощения. Сегодня они хотят быть прощены в свою очередь. Они придерживаются мнения, что на основе прав человека они имеют право на всеобщее сострадание, которое до сих пор было прерогативой бедных и жертв (на самом деле мы не можем простить их достаточно, и они заслуживают всего нашего сострадания, не по причине прав или морали, а просто, потому что нет ничего хуже, чем быть у власти).

Как бы то ни было, они считают, что теперь они должны предстать перед моральным трибуналом общественного мнения и даже объявить о своей коррупции перед ним (более или менее спонтанно!). Они даже обвиняют себя в преступлениях, которые они не совершали, чтобы получить искусственный иммунитет в качестве побочного эффекта.

Но хитрость доминирующих еще тоньше. Если состоит не в том, чтобы простить их (вы не прощаете тех, кто у власти), ни в том, чтобы наложить на них какое-либо реальное наказание, а в том, чтобы пройти их небольшие действия растраты и эти фальшивые зрелища с определенным равнодушием. И это должно оставить политиков очень удрученным, так как это явный признак их незначительности для всех. Некоторые из них потребовали, чтобы их осудили и признали виновными (хотя, конечно, они невиновны!). Но «суровое испытание», которое судьи поставили перед политиками и крупными промышленниками, в конечном итоге восстановило легитимность, признание и аудиторию людей, которые их потеряли.

Отсюда странная путаница, которая царит в политической сфере. Ибо в этом всеобщем сострадании лежит глубокое нарушение символической регуляции. Сегодня повсюду мы видим, как мучители (притворяясь) встают на сторону жертвы, демонстрируя им сострадание и компенсируя их (как в фильме Чарльза Наджмана «*La memoire est-elle soluble dans l'eau ...*» - «*Является ли память растворимой в воде...*»). Возможно, это может разрешить вещи на моральном уровне, но это усугубляет их на символическом уровне.

На символическом уровне есть только один способ расплатиться - это контрдар. Если это невозможно, тогда существует месть, которая сама по себе является формой противодействия. Сострадание здесь бесполезно и извращенно: оно лишь усугубляет неполноценность жертвы.

Более того, эта уловка покаяния является особенно скрытным маневром со стороны тех, кто находится у власти, поскольку она означает кражу у людей последних их прав, их единственную возможность для участия в политической жизни: возможность разоблачить и осудить сильных.

То же самое касается СМИ и источников новостей, когда они ставят себя на скамью подсудимых и занимаются самокритикой. Они лишают общественность последних своих прав как граждан - права не верить ни единому слову, которое им говорят.

Подобно рекламе, воздействуя на самоуничижительный иронический тон, мы сокращаем наши возможности его высмеивать. Такого рода сдерживание действует повсюду: «граждане» лишены своего права мести и своей способности принимать репрессии.

К счастью, у гражданина все еще есть зрелище и ироническое наслаждение этим зрелищем. Ибо, если мы политически под домашним арестом, и если мы не можем быть действующими лицами политики, у нас, по крайней мере, должно быть зрелище политики. По словам Риварола, во время Французской революции это было уже так: люди не возражали против революции, но в первую очередь они хотели зрелищного переворота. И здесь опять-таки наивно жалеть население, приговоренное к «обществу зрелищ». Возможно, они отчуждены, но их рабство имеет двойное толкование. И здесь, в этой комбинации равнодушия и наслаждения политикой как зрелищем, вредная форма мести.

## Разрушение Золотого Храма

В настоящее время больше нет никакого метафизического присутствия зла, никакого присутствия Бога или Дьявола, который сражался над нашими головами и сражался за наши души. Больше нет мифологического присутствия зла, присутствия Мефисто или Франкенштейна, воплощающих его принцип. *Наше* зло безлико и безобразно. Оно присутствует повсюду в гомеопатических дозах, в абстрактных паттернах технологии, но больше не имеет мифического присутствия.

Однако в сердце современного промышленного несчастья остается некоторая искра зла - возможно, не зла в чистом виде, но все же его искра - как, например, в Вилле Палагония в центре пригородов Палермо, где счастье и несчастье одновременно вызывают в воображении по-настоящему злую часть постановочного менеджмента - из всех искажающих зеркал, которые ее любовник устанавливает вокруг нее - вокруг красоты своей жены - чтобы поймать ее в ловушку. Или в сказочной истории Храма Золотого павильона, рассказанной Юкио Мисимой:

*Это красивое здание вскоре превратилось в пепел, подумал я. В результате мой образ Золотого Храма постепенно стал накладываться на реальный храм во всех его деталях... : крыша на моем изображении была наложена на настоящую крышу. ... Золотой Храм, так сказать, превратился в символ возрождения реального мира. Благодаря этому процессу мышления настоящий храм стал теперь не менее красивым, чем мой мысленный образ. Завтра, насколько мы знали, с неба может идти дождь. Но пока он безмятежно стоял перед нами во всех своих мелких деталях, купаясь в том свете, который был похож на летний огонь.*<sup>31</sup>

*Мужество, необходимое для признания, было пустяком. Дело в том, что, отказываясь признаться, я до этого экспериментировал с единственной проблемой: «Возможно ли зло?» Если бы я упорствовал до конца в не признании этого, это доказало бы, что зло, хотя бы и мелкое зло, действительно возможно. Мысль, что если, я должен признаться, первое мелкое зло в моей жизни рухнуло, сдерживало меня.*<sup>32</sup>

***Добро всегда хочет говорить само за себя, а зло связано с секретностью. Отсюда признание в сексе и, в скором времени, просто бешеное желание поговорить об этом. Парад секса, от неприятного до безобидного; очищение и отпущение грехов за счет языка.*** Особое качество ада заключается в том, чтобы все было ясно до мельчайших деталей.<sup>33</sup>

*С одной стороны, призрак (phantasm) бессмертия возник из явно разрушаемого аспекта человеческих существ; с другой стороны, очевидно нерушимая красота Золотого Храма дала возможность разрушить его. Смертные вещи, такие как люди, не могут быть уничтожены; нерушимые вещи, такие как Золотой Храм,*

---

<sup>31</sup> - Юкио Мисима, Храм Золотого павильона. Перевод Ивана Морриса (Лондон: Винтаж, 2001), с. 41-2.

<sup>32</sup> - там же. С. 82-3

<sup>33</sup> - Там же, с. 95. Отрывок, выделенный курсивом и жирным шрифтом, отсутствует в текущем французском издании Mishima или в переводе на английский.

могут быть уничтожены. Если бы я поджег Золотой Храм ... я бы совершил акт чистого разрушения, непоправимого разрушения, акт, который действительно уменьшил бы объем красоты, созданной людьми в этом мире.<sup>34</sup>

Ничто другое не может ничего изменить в этом мире. Знание само по себе способно трансформировать мир, в то же время оставляя его таким, какой он есть. Когда вы смотрите на мир со знанием, вы понимаете, что вещи неизменны и в то же время постоянно трансформируются. Вы можете спросить, что хорошего нам это дает. Скажем так: люди обладают оружием знаний, чтобы сделать жизнь сносной. Для животных такие вещи не нужны. Животным не нужны знания или что-то в этом роде, чтобы сделать жизнь сносной. Но людям что-то нужно, и со знанием они могут сделать саму невыносимость жизни оружием, хотя в то же время эта нетерпимость не уменьшается ни в малейшей степени.

... Что ж, красота - красота, которую вы так любите, - это иллюзия оставшейся части, чрезмерной части, которая была передана знанию. Это иллюзия «другого способа нести жизнь», о котором вы упоминали.<sup>35</sup>

Если я сожгу Золотой Храм, я сказал себе, я буду делать то, что будет иметь большую образовательную ценность. Ибо это научит людей, что бессмысленно умозаключать неуничтожимость по аналогии. Они узнают, что сам факт того, что Золотой Храм продолжал существовать, что он продолжал стоять в течение пятисот пятидесяти лет у пруда Киоко, не дает ему никаких гарантий. Они будут проникнуты чувством беспокойства, поскольку осознают, что самоочевидная аксиома, которую наше выживание основало на храме, может рухнуть в тот или иной день. Непрерывность нашей жизни сохраняется благодаря тому, что она окружена затвердевшей субстанцией времени. ... Взять, к примеру, небольшой ящик, который плотник сделал для удобства какого-нибудь домашнего хозяйства. С течением времени фактическая форма этого ящика превосходит само время, и по прошествии десятилетий и веков время как бы укрепились и приняло эту форму. Данное небольшое пространство, которое сначала было занято объектом, теперь занято затвердевшим временем. Фактически это стало воплощением определенной формы духа. Написано, что после того, как прошло сто лет и объекты превратились в духов, сердца людей обманываются, и этому дается имя Цукумогами, год скорбного духа. В мире принято убирать свою старую домашнюю утварь каждый год до наступления весны и бросать ее в переулок; и это известно как уборка дома.<sup>36</sup>

Таким образом, мой поступок откроет глаза людям на бедствия цукумогами и спасет их от этих бедствий. Своим поступком я должен превратить мир, в

---

<sup>34</sup> - там же, с. 182-3. Термин, переведенный здесь как phantasm, переводится как «симулякр» на французском языке.

<sup>35</sup> - там же, с.203-4. Термин переведенный как «иллюзия» во французском написан как «фантом»).

<sup>36</sup> - там же, с. 183-4

*котором существовал Золотой Храм, в мир, где его не было. Значение мира наверняка изменится.<sup>37</sup>*

Это действительно превосходная аллегория, эта история о Золотом Храме: аллегория мести зла, разрушения как единственного выхода из красоты и избытка красоты. Но не только красоты. Зло также может постигнуть интеллект. Интеллект не защищает нас ни от чего - даже от глупости.

Поэтому недостаточно быть интеллектуальным, разумным, чтобы не допустить глупости, а иногда разум даже живет в тени глупости, и наоборот. Мало того, что разум не знаменует конец глупости, нет другого выхода из избытка интеллекта, кроме глупости. В соответствии с неумолимой обратимостью глупость ждет его, как его тень, как его двойник. Только мысль, только ясность, которая так же противостоит разуму, как и глупости, может избежать этого испытания силы. Но нет правила, не больше добра, чем зла: они бесконечно гонятся друг за другом по ленте Мебиуса.

Учитывая адское производство коллективного разума, мы должны будем рассчитывать в будущем на все более высокий уровень искусственной глупости.

*Через несколько тысячелетий по дороге прошлого века - и все, что делают люди, будет демонстрировать высочайший интеллект; но в этом случае разум потеряет все свое достоинство. К тому времени, несомненно, будет необходимо быть умным, но это также будет настолько распространенным и вульгарным, что благородный вкус воспримет эту необходимость как пошлость. И точно так же, как тирания правды и науки может сделать ложь более уважаемой, тирания интеллекта способна породить новый вид благородства. Быть благородным может означать: иметь безумие в голове.<sup>38</sup>*

С появлением Искусственного интеллекта - «высшей ступени интеллекта», то есть целостного, безграничного интеллекта - даже пророчеству Ницше не потребовалось тысячи лет.

Бесполой интеллект, распокывающийся от соприкосновения и пересадки мозга. Фрактальный интеллект и, тем не менее, интеллект неразделен, поскольку, хотя и разделяется бесконечно, он никогда не противостоит самому себе.

Абсолютный прогресс в направлении разветвления одноклеточных организмов, к числовому упорядочению и автоматическому вычислению, предшествующему любой сложной аналитической мысли. Ментальный эквивалент биологической регрессии до стадии, предшествующей сексуализации: генетическая инволюция вида к нулевой

---

<sup>37</sup> - там же, с. 184.

<sup>38</sup> - Ницше, *Die frohliche Wissenschaft*, Book I, Section 20. Я использовал здесь свой собственный перевод, поскольку французская версия Бодрийера значительно отличается от доступных английских. В частности, термин *Klugheit* здесь переводится как «интеллект», где, например, Вальтер Кауфманн переводит как «благоразумие». А когда некоторые английские переводы работают с текстом, содержащим фразу «*ein eklerer Geschmack*» (отвратительный вкус), эта французская версия явно предполагает «*ein edlerer Geschmack*» (благородный вкус), что кажется более вероятным.

степени размножения при клонировании параллельна психической инволюции вида к нулевой степени мысли в искусственном интеллекте.

Кажется, ничто не может противодействовать распространению этого Искусственного интеллекта, основанного на нулевой степени мышления. То есть ничего, кроме этой обратимости интеллекта и глупости - последнее представляет собой новый вызов победоносному интеллекту. Здесь тоже есть что-то вроде мести зла. То, к чему приводит тирания реальности одинаково хорошо – это к оценке любой старой формы безумия и иллюзии.

То, к чему приводит тирания искусственного интеллекта, несомненно, так это к рождению ранее неизвестной глупости - искусственной глупости – распространенной повсюду на экранах и в компьютерных сетях. Именно в этот момент естественная глупость, как и безумие, может восстановить степень благородства в отношении Интегральной Реальности. Когда интеллект становится гегемонистским, превращается в способ технической, коллективной, автоматической адаптации, тогда любая другая гипотеза, кроме интеллекта, становится предпочтительной. Глупость становится предпочтительнее.

Когда гипотеза интеллекта перестает быть суверенной и становится доминирующей, тогда именно гипотеза глупости становится суверенной. Глупость, которую можно назвать неким высшим интеллектом, на грани радикальной мысли, то есть за гранью истины. Искусственный интеллект, со своей стороны, считает себя очищенным от всякой глупости; он предпочитает упускать из виду вечную дуэль между интеллектом и глупостью - именно в этом смысле он глуп: он похож на бестелесную мысль, о которой можно сказать, что она потеряла свою тень. Теперь тот, кто потерял свою тень, является просто тенью самого себя.

Во всяком случае, никто не знает, какова будет судьба этого интеллекта. Возможно, естественный отбор победит даже среди искусственных единиц. Каждый день тысячи сайтов вымирают в Интернете. То, что применялось к живым существам в ходе эволюции, теперь продолжается и в отношении цифровых, генетических, кибернетических артефактов, обреченных исчезать группами, оставляя лишь немногих из них или их отдаленных потомков по цифровой цепочке. И мы только на заре этого безжалостного процесса отбора. В порядке искусственных существ мы находимся на стадии, занимаемой бактериями в порядке жизни.

«Измерение интеллекта, - говорит Стивен Джей Гулд, - само по себе является признаком неразумности». В символической цепочке ничто не сравнимо ни с чем другим; нет шкалы измерения. Человек и животные и другие формы являются частью цепи, но не сливаются друг с другом.

Именно когда они «освобождены», не связаны друг с другом, они становятся сопоставимыми, измеримыми и почти автоматически уступают или превосходят друг друга. Все иерархии, различия и шкалы превосходства проистекают из этого прохода через сопоставимость, измерение и идеологические инструменты измерения. Измерение IQ - просто карикатурный пример. Почему мы настаиваем на измерении интеллекта? Если он существует, то он существует в гораздо более тонком смысле

сопричастности (интеллект с врагом!). И в этом смысле любой, находящийся «внизу шкалы», может обладать большим интеллектом, чем кто-либо другой наверху.

В отличие от экспоненциального характера технического и цифрового интеллекта и практически бесконечного расширения сетей, мысль конечна. По своей уникальности она остается ограниченной, инициатической формой. Она никогда не будет доступна по желанию с помощью простого продуктивного чуда, такого как наводнение рынка знаний, информации и навыков. Под эмпирическим, механическим функционированием понимается, в соответствии со всей современной аналитической философией (Тьюринг), высшая ступень машины, математический расчет и техническая специфика в целом. Более того, эта аналитическая функция имеет историю, а мысль - нет (Адорно: «Никакая универсальная история не ведет от дикости к гуманизму, но есть такая, которая ведет от рогатки к мегатонной бомбе»<sup>39</sup>).

Мысль конечна, технический интеллект бесконечен. Это предполагает необратимую эволюцию, высшую стадию, которую Тьюринг увидел в качестве окончательного идеала.

Мысль измеряется другим правилом и скорее напоминает нам о тех душах, число которых, согласно некоторым древним мифам, ограничено. В то время существовал ограниченный контингент душ или духовной субстанции, перераспределяемый от одного живого существа к другому, когда происходили последовательные смерти. В результате некоторые тела иногда ожидали душу (как современные сердечные пациенты, ожидающие донора органов).

Из этой гипотезы становится ясно, что чем больше людей, тем реже будут те, у кого есть душа. Не очень демократичная ситуация, и такая, которую сегодня можно перевести в следующую ситуацию: более интеллектуальные существа (и благодаря милости информационных технологий они практически все интеллектуальны – разумны) будут реже думать.

Христианство было первым, установившим своего рода демократию и обобщающее право на личную душу (оно долго колебалось в отношении женщин). В результате значительно возросло производство душ, подобно производству банкнот в инфляционный период, и концепция души значительно обесценилась. Сегодня у него больше нет валюты, и этим прекратили торговаться на биржах. Сегодня на рынке слишком много душ. То есть, перерабатывая метафору, слишком много информации, слишком много смысла, слишком много нематериальных данных для оставшихся тел, слишком много серого вещества для оставшегося живого вещества. До такой степени, что ситуация уже не в отношении тел в поисках души, как в архаических литургиях, а в отношении бесчисленных душ в поисках тела. Или неисчислимы знания в поисках знающего субъекта.

Таков наш разум, тот разум, который живет иллюзией экспоненциального роста нашего запаса. В то время как наиболее вероятная гипотеза состоит в том, что человеческая раса просто имеет в своем распоряжении сегодня, как и вчера, общий фонд, ограниченный запас, который перераспределяется между поколениями, но всегда

---

<sup>39</sup> - Негативная диалектика. Перевод Э. Б. Эштона (Лондон, Рутледж, 1973), с. 320.

имеет одинаковое количество. В интеллекте нас можно назвать бесконечно превосходящими, но в мыслях мы, вероятно, в точности равны предыдущему и будущему поколениям. Нет преимуществ одного периода перед другим, нет никакого абсолютного прогресса - по крайней мере, нет неравенства. На уровне видов правит демократия.

Эта гипотеза исключает любой торжествующий эволюционизм, а также избавляет нас от всех апокалиптических взглядов на потерю «символического капитала» видов (это две точки зрения гуманизма: торжествующий или депрессивный). Ибо, если первоначальный запас душ, естественного интеллекта или мысли, имеющихся в распоряжении человечества, ограничен, он также неуничтожим. В будущих периодах будет столько же гениальности, оригинальности и изобретательности, сколько и в наших, но не больше - ни больше, ни меньше, чем в прошлые века.

Это противоречит двум перспективам, которые являются следствиями друг друга: позитивное просвещение - эйфория искусственного интеллекта - и регрессивный нигилизм - моральная и культурная депрессия.

Все это проистекает из того факта, что, хотя у нас есть выигрыш в виде интеллекта и выигрыш мира посредством интеллекта, мысль, со своей стороны, не зависит от нас. Она приходит к нам из мира, который думает нас. Мир не разумен, но мысль не имеет ничего общего с разумом (интеллектом). Мир не то, что мы думаем, это то, что думает нас взамен на это.

***Если человек не смотрел на мир глазами мира, мир уже в чьем-то собственном взгляде, он распадался на бессмысленные детали, которые так печально далеки друг от друга, как звезды на ночном небе.***

Роберт Мусил

## «Ответный удар» дуальности

Вся наша система, как техническая, так и ментальная, стремится к единству, идентичности и целостности за счет чрезвычайного упрощения. И вся наша метафизика и все наши неврозы составляют карту зла и заблуждений, которые вытекают из этого упрощения.

Но дуальность, (двойственность) неразрушима.

Это тотальность, которая колеблется в более или менее долгосрочной перспективе.

Любая политическая, экономическая, моральная или ментальная система, которая достигает даже виртуальной тотализации, которая достигает такого совершенства, либо автоматически ломается, либо дублирует себя до бесконечности в симулякре самой себя. Все, что приближается к его окончательной формуле или его абсолютной силе, может повторяться только бесконечно или порождать чудовищный двойник - будь то терроризм или клоны. Никогда не существует равновесного состояния или состояния завершения, которое не может быть внезапно дестабилизировано процессом автоматического возврата.

Все, что оскорбляет дуальность, которая является фундаментальным правилом, все, что стремится быть целостным, ведет к распаду через насильственное возрождение дуальности - или в соответствии с принципом зла, в зависимости от того, что вы предпочитаете. Это двойственность и обратимость, которые повсюду управляют принципом зла. Это двойственность, ликвидированная повсюду, вызванная всеми возможными средствами, которая восстанавливает отсутствие и пустоту, которые обычно погружаются в полное присутствие. Именно двойственность разрушает Интегральную Реальность, которая разбивает каждую унитарную или тоталитарную систему пустотой, крахами, вирусами или терроризмом.

Обратимость, которую можно наблюдать даже при природных катастрофах, которые вмешиваются в течение всего мира с совершенным равнодушием, что объясняет, почему они вызывают глубокое обаяние. Это также очарование погоды; поскольку она непредсказуема, она продолжает пугать и подпитывать воображение. То же самое происходит с наименьшим землетрясением, наименьшим несчастным случаем, каким-то террористическим актом или другим: все они эквивалентны возникновению зла, злу, просвечивающему как неотъемлемое измерение, не сводящемуся к рациональному порядку.

Нет смысла сожалеть об этом - и превозносить его в этом отношении. Это довольно простые правила игры. Все, что стремится нарушить эти правила, восстановить универсальный порядок, является мошенничеством. Наш моральный закон - это закон универсальной рационализации, ретотализации вселенной в соответствии с законом. Но моральный закон не может ничего сделать против правил игры и порядка зла, который мстит, что бы ни случилось. Все оборачивается. И виртуальное завершение мира, совершенное преступление, фантастическая попытка создать целостный мир - этот призрак тотальной информации парадоксальным образом позволяет нам увидеть еще более фундаментальную форму: ее радикальную незавершенность.

Таким же образом, Интегральная Реальность приносит призрак радикальной иллюзии или сна в поле зрения.

Высота непристойности приводит к повторному появлению модели соблазна: «Что вы делаете после оргии?»<sup>40</sup>.

Таким образом, искусственный интеллект открывает радикальное упражнение мышления. Таким образом, пароксизм технологий открывает созвездие тайны (Хайдеггер<sup>41</sup>).

В этом есть своего рода предопределение. Эта обратимость означает, что объект и субъект в определенном смысле предопределены. Так же и с женским и мужским в соблазне: они становятся судьбой друг друга, а не остаются лицом к лицу в зеркале отчуждения. Не существует эквивалента, по которому их можно было обменять, если не считать секса, сексуальности, как своего рода общего эквивалента, который мы фактически делаем сегодня, сводя мужское и женское к их «разнице».

Точно так же мы сводим жизнь и смерть к противостоянию между ними, сводим их к противоположным терминам или, другими словами, к их «объективной» реальности. Теперь ни жизнь, ни смерть не могут быть обменены ни на что. В названии, на которое они могли бы обменяться, нет эквивалента. Они чередуются, и это все, что есть. Как времена года, как элементы, которые сменяют друг друга - огонь, вода, земля и воздух. Как цвета: ни красный, ни синий не могут быть заменены; они обмениваются только с точки зрения длины волны. Иначе они несравнимого качества.

Или, скорее, между ними дуэль: игрушки смерти с жизнью, игрушки жизни со смертью. Какой из двух поддастся? Станислав Лек меняет здесь условия: не мы защищаемся от смерти, а смерть защищает себя от нас: «Смерть противостоит нам, но в конце концов она сдается». Ничего такого потрясающего когда-либо было больше не сказано о смерти, чем это.

Излишне говорить, что эти двойственные отношения не имеют ничего общего с интерактивностью, что является пародией на это. В антагонистическом процессе обратимости и становления нет ничего интерактивного. Женское и мужское не являются «интерактивными»: это смешно. Жизнь и мир не интерактивны - жизнь - это не сессия вопросов и ответов или видеоигра. В словах нет ничего интерактивного, когда они сформулированы в языке. Интерактивность - это гигантская мифология, мифология интегрированных систем или систем, жаждущих интеграции, мифология, в которой теряется иное в обратной связи, собеседовании и взаимодействии - своего рода обобщенная эхография.

---

<sup>40</sup> - Эта фраза написана Бориейром на английском в оригинале: «What are you doing after the orgy?»

<sup>41</sup> - Бодрийяр пишет 'la constellation du secret', цитируя Хайдеггера в стандартном французском переводе Андре Прео, который гласит: «Созвездие, звездное движение секретности». «Вопрос техники», Эссе и конференции, Париж: Gallimard, 1958, с. 45. Уильям Ловитт представляет это как «созвездие, звездное течение тайны», «Вопрос о технологии и других очерках» (New York: Harper & Row, 1977), p. 33.

Нет также никакого интерфейса между богами и людьми. Единственное правило, как и везде, это двойное правило дара и контрдары.

Согласно Батайю, мы живем на огромном свободном даре солнечной энергии, на этом естественном избытке и безудержном блудном поведении. Но нет естественного избытка, и солнце не распределяет свою энергию бесплатно. Ацтеки знали это, они заставляли работать это, совершая человеческие жертвы. Солнечная энергия сама по себе является продуктом двойного жертвенного обмена, настоящего потлача. Вы жертвуете богам, а они приносят жертвы взамен, чтобы создать свет, а вместе с ним - звезды и живые существа. Или боги сначала жертвуют собой, а люди отвечают взаимностью: двойственная форма играет в обоих направлениях.

Чем бы были люди, если бы солнце дало им свой свет, без ничего взамен? Если они не могут ничего вернуть, они ничто. И наоборот, если бы боги не отвечали на человеческие жертвы своими благословениями, они были бы ничем. Они бы даже не существовали.

Ничто не может существовать само по себе. Ничего не существует, кроме двойственного антагонистического обмена.

Мы положили конец этой двойной связи с солнцем. «С ядерной энергией и бомбой, - говорит Канетти превосходным образом, - мы аннексировали солнце; мы бросили его на землю, не имея возможности сдать его, и тогда его свет - это свет смерти. Обратимость все еще существует, но она принимает форму мести».

## Линии разрушения

Линии разрушения, инверсии, расщепления, разлома: как бы существует линия, за которой для каждой расширяющейся системы - для каждой системы, которая посредством экспоненциального роста выходит за пределы своего собственного конца, - вырисовывается катастрофа. Мы уже не в системе роста, а в разрастании и насыщении, которые можно суммировать в том факте, что их слишком много. Повсюду слишком много всего, и система ломается от избытка. Каждая масса производит эффект критической массы - в физическом смысле определенной величины (масса, температура, давление), которая вызывает радикальное изменение свойств тела или развитие явления. Таким образом, каждое явление может изменить свой ход простым ускорением или распространением. Таким образом, простое изменение общей массы космоса может перевернуть нашу вселенную от расширения к внезапному жестокому сжатию.

Вся скорость производит эквивалентную или даже большую массу.

Всё ускорение производит равную или даже большую инерцию.

Всякая мобилизация создает равную или даже большую неподвижность.

Всякая дифференциация производит равное или даже большее безразличие.

Всякая прозрачность создает равную или даже большую смутность.

Вся информация производит равную или даже большую энтропию или дезинформацию.

Все общение производит равную или даже большую необщительность.

Все знания, всякая уверенность порождают равную или даже большую неопределенность.

И т.п.

Каждый процесс, растущий экспоненциально, создает барьер: барьер скорости, тепловой барьер, информационный барьер, барьер прозрачности, виртуальный барьер. И этот барьер непреодолим.

Энергия ускорения исчерпывается при компенсации инерции, возникающей в результате этого ускорения. Дополнительная информация, предназначенная для компенсации порочных эффектов информации, лишь усиливает эти эффекты.

Каждая экспоненциальная форма приводит к критическому порогу, при котором процесс обращает свои эффекты. Например, накопление истины, признаков истины, производит непреодолимый эффект неопределенности. Нет ничего более убедительного, чем накопление доказательств.

Нет ничего более нереального, чем накопление фактов. На горизонте признаков реального маячит симулякр. Когда накапливаются признаки добра, начинается эра зла и прозрачность зла. Таким образом, переход от истинного к ложному (или, скорее, к неразрешимому), от реального к симулякру, от добра к злу подобен эффекту

критической массы, недиалектической логике, роковой логике избытка. Избыток здоровья порождает вирусы и вирулентность (злобу, ядовитость).

Превышение безопасности создает новую угрозу - отказ иммунной системы. Избыток капитала порождает спекуляции и финансовый крах. Избыток информации порождает неразрешимость фактов и путаницу в умах.

Превышение причины порождает неоправданное. Избыток прозрачности порождает террор. Гравитационный коллапс каждой системы, каждого процесса, каждого движущегося тела, чье ускорение создает обратную ударную волну, антагонистическую силу, не просто равную, но большую, которая составляет ее абсолютный предел, ее отрицательный горизонт и за пределами которого она сама себя нейтрализует.

Слишком много - значит слишком много.

Не замечая этого, мы прошли через социальный барьер, политический барьер, информационный барьер. Можно даже сказать, что мы преодолели барьер виртуальной реальности и приближаемся к критической возможности краха информационных систем.

Возможно, как и демографический рост, сам интеллект в его нейронном расширении составляет критическую массу? Вскоре на Земле будет столько искусственных нейронов во всех наших «интеллектуальных» машинах, сколько во всех наших «естественных» мозгах (по 120 миллиардов нейронов каждый).

Разве мы не рискуем, после устранения темной материи<sup>42</sup>, истощения всей серой материи, с того момента, когда запас Искусственного интеллекта превышает символический капитал видов, и этот капитал перестает существовать, как только этот более эффективный дубликат рождается?

Есть ли на земле место для такого большого количества искусственного, как для естественных видов, для такого количества компьютерного вещества, как органического вещества, мертвого или живого, для такого же количества искусственного интеллекта, как для естественного (природного) интеллекта? Есть ли место для двух вещей: и для мира, и для его двойника?

Пока мы находимся в некоей пространственной, географической и ментальной бесконечности и трансцендентности, универсальность могла функционировать как динамическая идея - целостность прекрасна и желательна только как сон. То, что мы имеем сегодня, является абсолютной противоположностью диалектики универсального, стадии глобализации конечного, чрезмерной, без трансцендентной вселенной.

---

<sup>42</sup> - Я принимаю это как ссылку на недавние вызовы традиционным предположениям о степени распространения темной материи во вселенной. См., Например, статью «Вещи разваливаются» в The Economist, 5 февраля 2004 г.

Слишком много - это слишком много. «Прекрасные души» говорят: «Избыток культуры никогда не отменит стремления к культуре. Изобилие секса никогда не отменит желаний.»

И то же самое касается коммуникации, информации, демократии и прав человека. Они не могут представить, что их слишком много (но ожирение, избыток массы тела, должно заставить их задуматься). Все это неправильно. Ничто не ускользает от закона внезапной, насильственной дефляции через избыток, через перепроизводство, в частности, без желания, которого почти не хватает!

Здесь применяется тот же закон, что и на рынках, и тот же крах вырисовывается в любой форме обострения, будь то сексуальное, культурное или экономическое. Информация, связь, производство, зрелище - что, если бы произошло взрывное накопление всех этих вещей? Мы можем думать, что способность человека адаптироваться к худшему бесконечна. В большинстве случаев доказано, что это так, и это может даже вызвать обратный трепет, но, возможно, это не будет применяться бесконечно?

Избыток социального вытесняет нас из социального. Избыток политики изгоняет нас из политики. Избыток реальности вытесняет нас из реальности. Одна душой больше и уже перенаселено.<sup>43</sup>

Одним единственным элементом больше, и вся система опрокидывается в избыток или исключение. Одна бешеная корова и все стадо должно быть убито. Это диктатура изобилия, избытка критической массы, которая опрокидывает принципы балансирования и ставит нас на оскорбительный, экспоненциальный курс.

В любом случае для злонамеренного духа паталогии все уже чрезмерно. Сам мир - это *de trop* (лишний). Мир, став целостным, поглощает все во всей своей полноте и тем самым изгоняет себя. В своей совокупности, которая одновременно, как и Убу, наивна и смешна, она демонстрирует иррациональное поведение. Вот почему, начиная с определенной критической плотности (например, от плотности трафика в пробках), рациональное поведение больше не приносит выгоды. Случайно двигаться к своей цели так же эффективно, как и рассчитать маршрут (как, например, в Неаполе, где абсолютный беспорядок приводит к тем же результатам, что и абсолютный порядок).

Иногда иррациональное поведение может даже превосходить рациональное: так, например, две лодки на Боденском озере в густом тумане подвергаются меньшей опасности столкновения, если их лоцманы пьяны, чем если они пытаются справиться с ситуацией. И из этого мы можем сделать некоторые выводы относительно благотворного влияния зла, а также дьявольского эффекта добра.

---

<sup>43</sup> - ('Un seul etre de plus et tout est surpeuple) Это переключается со знаменитой строкой Ламартина из седьмой строфы «Размышления»: (Un seul être vous manque et tout est dépeuplé) «Вы скучаете только по одному существу, и все опустошено». Интересно, что эта строчка была также пародирована Жаном Жирудо в книге («Guerer de Troie n'aura pas lieu») «Троянская война не состоится» как («Un seul etre vous manque et t est reuplele») «Ты скучаешь по одному существу, и все не населено»).

В нашей нынешней ситуации, когда мы повсюду находимся на грани этой критической плотности, если не на самом деле за ее пределами, разумно было бы действовать в целом иррациональным образом. Из-за нетерпимости к самой системе. Ибо, как это ни парадоксально, в то время как толерантность повсеместно считается высшей ценностью, вопрос о нетерпимости к самой системе и ее последствиям никогда не поднимается, нетерпимости к добру и к избытку добра.

Терпимость (толерантность), это мирное сосуществование всех культур, всех религий, нравов и идей является более или менее эквивалентом той деградировавшей формы энергии, которая является теплом (оставляя в стороне тот факт, что, следуя своей собственной «гуманистической» логике, она предполагает, в некоторых случаях совершенно нетерпимые формы вмешательства). В мире, безжалостно обреченном на этот принцип, нарушение нетерпимости вскоре станет единственным событием. Автоматический возврат всех форм расизма, интегрализма и отчуждения в ответ на эту безусловную праздничность. Тем самым зло иронично всплывает на поверхность.

Тем не менее, может показаться, что позитивные ценности возникают из зла, но опять-таки это зло действует в этом ироничном обратном движении - опять же, в этом нарушении логики насилие совершается с целью. Таким образом, Джарри получил счастливые последствия от экспоненциальной зависимости секса, написав в работе «Суперсамец», что, когда определенный критический порог пройден, вы можете заниматься любовью бесконечно ...

Но это патафизика!

## Параллельные вселенные

Соединение воедино мира, этот приход Интегральной Реальности, оставляет после себя все виды бесполезных функций: тело, секс, размножение, язык, смерть. Все это бесполезно с точки зрения сетей, клонирования и искусственного интеллекта. Мысль, работа и реальное, лишённые своей сущности посредством своих заменителей, становятся останками или бесполезными диковинками.

Сама смерть перестает быть событием, конкретной, индивидуальной судьбой. Разбавленная в клоне или в виде психической комы, она исчезает на биологическом горизонте тела машины. Но, может быть, тогда это становится неотъемлемой особенностью, которая принимает всю свою силу в качестве символической ставки, как вызов, как чистая форма обратимости? Возможно, все эти функции, в то время как они исчезают на горизонте реального, обречены увековечить себя как параллельные вселенные, как автономные особенности, полностью отделенные от доминирующей вселенной?

Таким образом, сама жизнь может стать некоей параллельной вселенной, чем-то странным, что происходит с нами, когда мы занимаемся другими вещами. И само эго, освобожденное от своей идентичности, может идти по параллельным путям становления. Слова, освобожденные от их значений, движутся по другой орбите - языковой в чистом виде.

Таким образом, начиная с того, что изгоняется реальным, образуются всевозможные формы молчаливых круговоротов - двойные жизни, отсутствующие события, пересекающиеся измерения.

### *Экзистенциальный раскол<sup>44</sup>*

Рождение как граница между двумя этапами, как разграничительная линия между двумя вселенными, эго и не-эго, единственная потенциальная возможность, которая была воплощена, будучи эго. Но эта дифференциация не так окончательна, как кажется, так как все возможности, оставшиеся в стороне при рождении, продолжают идти параллельно с эго, до единственному реализованному потенциалу, и время от времени делают попытку выйти на жизненно важную линию.

Именно эти исключенные альтернативы составляют несхожесть и, следовательно, одну из форм становления - связанной с возможностью пересечения линии в другом направлении, перехода через эту линию разграничения к другому, ко всем остальным - чтобы стать другим. В то время как эго идентичности довольствуется продолжением своей истории внутри этой линии жизни, игра судьбы подразумевает преодоление этого «экзистенциального разрыва (раскола)». Таковы два параллельных измерения любого существования: то, которое есть его история и его видимое раскрытие, и то, которое есть его становление, переливание форм в эти параллельные вселенные, передача, анаморфоз воли.

---

<sup>44</sup> - Фразы Экзистенциальный раскол, временной раскол, континентальный раскол написаны Бодрийяром на английском языке в оригинале

Двойная жизнь влечет за собой понятие двойной смерти. В одной из этих двух жизней вы, возможно, уже мертвы, не зная этого. Иногда это мертвый элемент, который тянет за собой жизнь. Даже на лицах часто одна часть жива, а другая уже мертва. Двойная жизнь дает вам право на две смерти - а почему бы не две любовные страсти одновременно? Пока они остаются параллельными, все хорошо. Когда их пути пересекаются, возникает опасность. Вы можете время от времени оставлять свою жизнь - одну из двух - и искать убежища в другой. Та, в которой вы существуете, другая, в которой вы не существуете.

Там, где этой живой смерти не существует, жизнь занимает свое место. Подобно тому, как человек, который теряет свою тень, становится тенью самого себя. («Тень его самого» - это было бы прекрасным названием. С подзаголовком: «Воспоминания о двойной жизни».)

Все проблемы идентичности сталкиваются с этим параллаксом смерти - этой параллельной осью смерти. И это не что иное, как день расплаты за современность с нашим существованием, прожитой одновременно - который, следовательно, не ждет нас в конце жизни, но сопровождает нас преданно и неумолимо в ней. Но это всего лишь один частный случай в распределении жизни и смерти. Один мертв в своей само́й жизни; нас сопровождают многочисленные смерти, призраки, которые не обязательно враждебны, а третьи - недостаточно мертвы, недостаточно мертвы, чтобы сделать труп. Таким образом, в «Пианино» (автор Джейн Кэмпбелл), Ада - или, по крайней мере, один из «Ад» - оставалась на дне океана, привязанная к затонувшему пианино, а другая стала свободной и снова всплыла в прошлое - или позже - жизнь.

Во всяком случае, мы все уже были мертвы перед тем, как жить, и мы вышли из этого живыми. Мы были мертвы до, и мы будем мертвы снова после.

Мы много размышляем о времени после нашей смерти, но, как это ни парадоксально, ни о времени до нашего рождения. Смерть и жизнь могут изменить себя с этой точки зрения. И это подразумевает другое присутствие смерти в жизни, потому что это не просто неопределенное ничто, но определенная, личная смерть - она была там раньше, и она не перестает существовать и заставлять себя чувствовать с рождением. Это не просто нависание над будущим, как дамоклов меч, это также наша прежняя судьба - есть нечто вроде прецессии смерти, которая сочетается с предвкушением конца в самом разворачивании нашей жизни.

Это связано с генетическим процессом апоптоза (прим.пер. – регулируемый процесс программируемой клеточной гибели), при котором два противоположных процесса жизни и смерти начинаются одновременно. В которой смерть не является постепенным истощением жизни: они являются автономными процессами - соучастниками, параллельными и неразрывными. Отсюда нелепость желая, как и все наши современные технологии, искоренить смерть в пользу одной только жизни.

В том же духе мышления Лихтенберг сделал забавное предложение: он представил мир, в котором люди будут рождаться в пожилом возрасте и будут становиться все моложе и моложе, пока не станут детьми, - дети продолжают становиться моложе, пока их не посадят в бутылки, в которых, вернувшись в зачаточное состояние, они не

потеряют свои жизни. «Девочкам от пятидесяти до шестидесяти было бы особенно приятно растить своих маленьких мамочек в бутылках...»

### *Раскол времени*

Можно также представить временную разделительную линию со временем, стекающим по обе стороны от нее, в соответствии с противоречивой двойной стрелкой, подобно водам, разделенным Континентальным разделением, которые в итоге воссоединяются в одном и том же океаническом цикле. Согласно Илье Пригожину, мы интуитивно чувствуем необратимость физических явлений, а стрела времени необратима. Но мы можем выдвинуть гипотезу об обратимом процессе в самом сердце времени и в самом сердце мысли. Двойная стрела времени, двойная стрела мысли (согласно некоторым ученым, элементарные физические законы обратимы; то есть, их математическое выражение не изменяется, если временная переменная изменяется на противоположную). Как мы можем примирить эту обратимость с необратимостью, которую мы наблюдаем, на основе обычной интуиции, имеющейся у нас ко времени?

Это другое измерение времени не является другой стрелкой в противоположном направлении. Это не регрессия (как в большинстве фантастических романов), а реверсия. И если мы можем обозначить обычное измерение времени стрелкой, то другой скорее будет отклонением, клинаменом (прим.пер. - это латинское имя, которое Лукреций дал непредсказуемому отклонению атомов, чтобы защитить атомистическое учение Эпикура. В современном английском это более широко означает наклонность или уклон), противоположным отклонением.

В конечном счете, Большой взрыв и Большое сжатие рождаются одновременно. Один не приходит в конце другого (теперь уже, чем смерть наступает в конце жизни) и не следует за другим в космическом цикле. Они происходят одновременно и разворачиваются параллельно, но в противоположных направлениях. Как будто время скосилось - металепис, который заставляет его ошибочно принять эффект за причину и заставляет вещи разворачиваться в другом направлении или, лучше, в обоих направлениях одновременно, как тот знаменитый ветер, который дует во всех направлениях.

Нет больше линейности, конца или необратимости, нежели есть неопределенная линейная функция. В порядке хаоса все системы и все функции изгибаются и складываются в себя в соответствии с логикой, исключающей любую эволюционную теорию (а теория стрелы времени, как и теория энтропии, является эволюционной теорией). Таким образом, то, что является лишь гипотезой в том, что касается физики, является поразительной метафорой для наших собственных жизней и истории: в нашем масштабе все также вещи вращаются в каждый момент времени, происходит инволюция одновременно с эволюцией. Вещи не возникают сначала там, а потом постепенно истощаются; они исчезают так же, как они появляются.

Призрак целостной вселенной информации и коммуникации тайно выступает против стремления к вселенной, состоящей исключительно из избирательных отношений и непредвиденных совпадений. Вселенная случайностей, удачи и игры. В которой ничего

не происходит случайно, но все происходит скорее по внутренней необходимости, либо по счастливой или несчастной конвергенции. Здесь ничего не осталось от статистической вероятности; все остается открытой возможностью того, что событие может произойти. Теперь все хочет произойти, и именно мы стоим на пути этой бесконечной возможности.

Все эти события потенциально есть. Потенциальность, о которой идет речь, - это способность вещей, которые жаждут появиться, и это имеет эхо внутри нас. Именно из этого приходит уверенность, что что-то должно произойти. И событие состоит из всех тех, которые одновременно не состоялись. Ничто из того, что не произошло, полностью не исчезает. Отсутствующие события продолжают существовать как часть параллельной истории, а порой возникают неожиданно, непонятно для нас. Фактическое настоящее состоит из этой вечной недействительности.

Джон Апдайк, *К концу времен*.

***«Возможно»: слово похоже на маленькую вилку в реальности, когда производится квантовое измерение. Каждый раз, когда мы измеряем либо положение, либо импульс элементарной частицы, другая конкретная становится, по принципу неопределенности Гейзенберга, непознаваемой. «Волновая функция» частицы терпит крах. Наша вселенная - это та, в которой содержатся наши наблюдения. Но некоторые космические теоретики утверждают, система, содержащая частицу, измерительный аппарат и наблюдателя, продолжает существовать в других своих возможных состояниях, в параллельных вселенных, которые разветвились с этого момента измерения. Теория называется теорией «многих миров». Из тех же самых проверяемых квантовых формулировок возникает возможность того, что наша вселенная, рожденная из ничего, была мгновенно повышена благодаря свойствам «ложного» вакуума, обращающим гравитацию, в расширение, настолько чудовищное, что реальные пределы вселенной во много раз лежат за пределами того, где мы можем собрать доказательства с помощью наших самых дальновидных телескопов.<sup>45</sup>***

Гипотеза о параллельных событиях и путях жизни ставит под сомнение концепцию линейной, прогрессивной истории. В любой момент линейное существование индивида может пересечь эти силовые линии откуда-то еще. Когда эти параллельные линии никогда не встречаются, это плохой знак (но мы не живем в евклидовой геометрии). Когда ничего не происходит, чтобы прервать нить истории, ее можно считать мертвой, поскольку она разворачивается в соответствии с идентичной моделью.

Мы можем упомянуть здесь понятие «ахрония», введенное в девятнадцатом веке философом Ренувье, повторяющее понятие утопии, но в противоположном направлении. Утопия относится к воображаемому будущему: «Что может произойти в идеале, если...» Ахрония придерживается той же точки зрения, но в отношении прошлого: «Что могло бы произойти, если бы...» Вводя переменные вокруг прошлых событий в игру, какое бы другое событие стало конечным? Какова другая

---

<sup>45</sup> - К концу времен! (Лондон: Пингвин. 1999), с. 16-17.

ретроспективно возможная последовательность событий? (Возьмите нос Клеопатры, или несколько случайных элементов в смерти Дианы или неожиданном прибытии Блюхера на поле битвы при Ватерлоо ...) Таким образом, существует целое хроническое «воображаемое», которое мы можем считать совершенно бесполезным, если мы принимаем реалистический взгляд на вещи, но которое приобретает полную силу, если мы сохраняем гипотезу о потенциальной силе отсутствующих событий.

Сегодня утопия подходит к концу, а ахрония с ней. Все эти вещи были поглощены единственно возможной вселенной реального времени и неумолимого присутствия. Одновременно с возникновением утопического измерения современность породила противоположное измерение объективной технологической, научной, экономической реальности, которая неуклонно идет своим путем, исключая любой воображаемый порядок.

И если они оба могли долгое время вести противоречивые, но сговорчивые существования, они оба были сегодня поглощены работой Виртуального. В цифровых вычислениях выдумка больше не может показаться; что касается реального, нашего старого доброго реального, которое прославилось своим изображением и своим ориентиром на мир, - это давно исчезло. Само по себе возможное уже больше невозможно. То, что происходит, происходит, и это все, что есть к этому.

Таким образом, это конец истории в ее линейной непрерывности и конец события в ее радикальном разрыве. Все, что остается, - это вопиющее самоочевидное доказательство актуальности, фактического исполнения, которое тем самым снова превращается в полную выдумку и галлюцинацию.

## Анамнез

***Вероятно, что мы все бывали везде, во сне, в эпилептическом припадке, в последовательных трансмиграциях, и в настоящее время мы умираем от скуки, когда постоянно видим одни и те же места. Кто может с уверенностью сказать, был ли он в конкретном месте или нет?***

Гвидо Черонетти

Мы все были везде в какой-то части прошлой жизни. Это сверхсенсорное воспоминание, это Путешествие души по местам, телам и последовательным жизням, это фантастическая вездесущность, не имеет ничего общего с вездесущностью, которая является нашей через сети, через телеприсутствие и телереальность. Хотя мы могли бы представить себе Виртуальное как сокращенную версию и предустановку будущих жизней (уже не прошлых), путешествия мозга (а не души) через последовательные варианты, как пространства-времени спектрального метемпсихоза будущего.

(Радикальное) различие между виртуальной вездесущностью и анаморфозом последовательных трансмиграций состоит в том, что в пространстве Виртуального мы сами меняем место, технологически переходим из одного места в другое, тогда как в поэтическом пространстве или в великой мифологии это места, боги, которые превращаются в нас - и мы являемся театром этой метаморфозы, привилегированной зоной, где встречаются их силы и где они все нас населяют, один за другим, в какой-то конкретной жизни, в тот или иной момент.

Поэтический человек в видении Гёльдерлина таков: он пронизан сквозь всеми божествами; он берет свой источник во всех реках и населяет все мифические места земного шара, от Патмоса до Инда, просто силой становления. Становление связано с элементарными формами, с природными или мифическими существами или со всеми видами избирательного сходства посредством той же передачи, одним и тем же переносом воли. Именно, заплатив эту цену, мы переходим от одной формы к другой, и все они могут вернуться. В этом секретный смысл Вечного возвращения (цикличности): все формы и отличны, и единичны, но связаны вместе в цепочку. И если вам удастся встать на этот цикл становления, вы сможете бесконечно возвращаться назад от одного к другому и контролировать их всех. Это то, что игрок делает в фильме Пола Остера «Музыка случая». Это то, что делает стихотворение, когда символ становится судьбой, в которой реальность теряет себя, когда язык снова становится огромной игрой знаков, структурирование которой ускользает от нас...

Перечень рек, гор, богов, героев, в мифическом раскрытии их рождений, их подвигов, их жертв - и, в конечном счете, просто их именованья. Разрозненные элементы поэтического составления анаграмм снова объединяются в чистом высказывании собственного имени. Названия городов, рек, полубогов, обожествленных элементов. Меланктон Брансуик. Имена, как фрагменты мира из общего, остатки своего рода космологической катастрофы, но все они говорят друг с другом на протяжении веков, за пределами истории - нет необходимости даже рассказывать какую-либо историю. Конец сентиментальной похвалы природы. Все стало мифическим - времена года там, как боги, реки там, как боги.

Существует также бесконечная парадигма языка, парадигма склонения падежей: именительный, звательный, родительный, дательный, но также активный/ пассивный, единственный/двойственный. Только существительное (имя) без атрибута, без субстанции, без прилагательного, без глагола, без дополнения, без истории несет всю буквальную ношу. Составление анаграмм всех имен Бога. И, следовательно, также его смерть, его совершенная фрагментация, его конец как трансцендентная целостность.

Ницше, как и Гёльдерлин, называет себя всеми именами истории, Дионисом, Распятым. Он не отождествляет себя с ними (это безумие) и не приравнивает себя к ним и не сравнивает себя с ними (высокомерие и неумеренность). Он становится всеми богами, героями и реками: анаморфозом, метаморфозой. Не метания и не идентификационная мания, а цепочка форм, фигур, имен. Каждое имя - это двойственное отношение к миру, и каждая деталь, каждый фрагмент находится в двойственном отношении к целому. Это фрагмент мести на дискурсе. Секрет мира кроется в деталях, во фрагментах, в афоризме - в буквальном смысле *aphorizein*, означающем изолировать, отделять, отрезать - а не в целом. Именно благодаря деталям проходит анаморфоз, метаморфоза форм, в то время как все замыкания происходят в результате суммирования значения или структуры.

То же самое и с анаграммами в языке: имя Бога рассеяно в стихотворении; теперь оно кажется только фрагментированным, расчлененным. Оно никогда не будет изблечено. Оно даже не становится тем, чем оно является, в соответствии с заманчивой формулой окончательности бытия; оно просто становится. То есть оно переходит из одной формы в другую, из одного слова в другое; это циркулирует в деталях явлений. В его деталях, мир всегда совершенно самоочевиден. Кто-то сказал: все верно, ничего не точно. Я бы сказал наоборот: ничего не верно, все точно. В этом смысле любой образ, любое действие, любое событие, любая деталь мира является добром, при условии, что оно описано, изолировано, отделено, разбросано – сделано анаграммой, анаморфировано, «афористично».

Символ в целом, как фрагмент, как частица, вырванная из мира природы, уже сам по себе является немедленным подрывом дискурса реального и смысла в его претензии на целостность.

Мысль тоже должна фрагментироваться и рассеиваться. Мысль - это спектр, и истина, если она существует, может только анаграммно проявиться в спектре мысли.

*«Он мог бы преломить идею, которую все считали простой, в сотню других, как призма делает с солнечным светом, каждая из которых тоньше другого, а затем собрать воедино множество других, чтобы воссоздать белый свет солнца, где другие просто видели беспорядок и путаницу» (Лихтенберг).*

Переход Ротко в непосредственную, окончательную форму, световые годы от того, что он делал до этого момента. *«Мои изображения имеют две характеристики: либо они расширяются, а затем раскрываются во всех направлениях, либо они сжимаются, а затем стремительно закрываются со всех сторон. Между этими двумя полюсами лежит все, что я могу сказать.»*

Изменение, благодаря которому он чудесным образом отделяет себя от художника, которым он все еще был, с его местом в истории искусства, было ничем иным, как суверенным посредником чрезвычайно простой формы, которая больше не имеет ничего общего с экспрессионизмом или абстракцией.

*«Форма, которая появляется, ошеломляет вас своей простотой. И, пожалуй, самым удивительным является то, что во время нашего земного существования, в котором наш мозг связан стальными лентами - плотно прилегающей мечтой нашей собственной личности - мы не сделали ничего страшного, если бы немного потрясли душевное равновесие, которое освободило бы заточенную мысль и обеспечило бы ей высший интеллект»* (Владимир Набоков).

Разве не все имеют в себе это потенциальное изменение и становление? Эта абсолютная особенность, которая требует только того, чтобы происходить без усилий, вдохновенная форма, освобожденная от суеты нашего индивидуального существования? У нас она проходит становление внутри нас, и нам не хватает *ничего*, потому что мы избавлены от истины. Миру тоже не хватает ничего, как есть; он противостоит любой попытке заставить его что-либо означать. Навязывать правду это все равно, что объяснять шутку или забавную историю.

В поэме тоже не хватает ничего: любой комментарий делает его хуже. Мало того, что не хватает ничего, но это заставляет любой другой дискурс казаться излишним. Поэзия и мысль должны восприниматься в их буквальности, а не в их истине: истина лишь ухудшает положение.

Весь язык *de trop* (лишний), за исключением форм, которые знают, как удерживать что-то в этом молчании и отправлять язык в другое место - в тень, которая следует за нами и разворачивается за пределами нашего присутствия. В анаграммности поэтического языка - слова, кажется, пришли из других мест, чтобы скрыть свои следы, и все же были там навсегда. Кажется, что язык, в его множественной особенности, всегда был там. Лучше, кажется, нам еще далеко до того, чтобы повернуть назад в нашем направлении, чтобы думать нас.

Особенность языка состоит в том, что, даже если у него есть история и происхождение, он, кажется, воспроизводит себя «как есть» в любой момент и автономно переизобретает себя. Именно в этом смысле мы воспринимаем язык как своего рода предопределение - своего рода счастливое предопределение.

Остановка становления - это навязывание конца, окончательности, любой окончательности. Человеческая раса обязана своим становлением (и, возможно, даже своим выживанием) исключительно тому, что у нее нет конца самого по себе, и, конечно, он не в том, чтобы стать тем, чем она является (исполнением себя, отождествлением себя). Фатальная стратегия, возможно, сама по себе заканчивается в наших отчаянных усилиях по завершению вида любой ценой, даже в его генетическом измерении, для того, чтобы поработить его в своей окончательности. То же самое с индивидуальным существом. Единственный шанс стать - это не иметь конца, идеальной формулы или альтернативного решения.

Мысль также, рассеивая свои следы, оставляет нетронутой буквальность мира, оставляет нетронутой чистую буквальность объектов, хотя и передает их значение в дыму.

Затенение мира<sup>46</sup> - следуя за словом как его тень, чтобы скрыть свои следы и показать, что за его предполагаемыми целями оно никуда не идет.

Таким образом, мысль соединяется с событием мира - не с появлением целостности, которую нигде не найти, а с возникновением мира, как он есть, в его непредсказуемом прохождении. Таким образом мы достигаем буквальности, материального воображения мира, устраняя любые препятствия, которые могут быть между изображением и взглядом.

---

<sup>46</sup> – В оригинале на английском: «Shadowing the world»

Чем больше разрушается, становится рутиной и взаимодействует повседневная жизнь, тем больше мы должны противостоять этой тенденции с помощью сложных, иницирующих наборов правил.

Чем больше реальность примиряется со своей концепцией в безобъектной общности, тем больше мы должны искать инициаторский разрыв и силу иллюзии.

Если мы не можем сделать мир объектом наших желаний, мы можем, по крайней мере, сделать его объектом более высокого соглашения, которое точно ускользает от нашего желания.

Любая иллюзия, любая иницирующая форма включает в себя суровое правило.

Любой созданный объект, визуальный или аналитический, концептуальный или фотографический, должен объединить все измерения игры в единый: аллегорический, репрезентативный (мимикрия), агонирующий (*agon*), случайный (*alea*) и вращающийся (*ilinx*)<sup>47</sup>.

Перестановка спектра.

Работа, объект, образец архитектуры, фотография, но в равной степени преступление или событие, должны: быть аллегорией чего-то, быть вызовом кому-то, приносить шанс в игру и вызывать головокружение.

---

<sup>47</sup> - Эти аспекты игры и игр определены в работе Роджера Кайлуа. См. Caillois, *Man, Play and Games* (Лондон, Темза и Хадсон, 1962).

**«Интеллект зла или пакт ясности»**

**Жан Бодрийяр**

На русский язык переведена в 2020 году

при

НИИ «Памяти»

Перевела: Мария Сапаркина